

To be or not to be?

Барбара Крауз-Мозер

Теории ПОЛИТИКИ

Методологические принципы

HUMANITARIAN CENTRE

TEORIE POLITYKI

Barbara Krauz-Mozer

TEORIE POLITYKI

Założenia metodologiczne

WYDAWNICTWO NAUKOWE PWN
WARSZAWA 2005

БАРБАРА КРАУЗ-МОЗЕР

ТЕОРИИ

ПОЛИТИКИ

Методологические принципы

Гуманитарный центр
Харьков 2008

УДК 32:001.891.3(075.8)

ББК 66.0я73

К 78

Научная редакция
доктора психологических наук, профессора Санкт-Петербургского
государственного университета
Ольги Сергеевны Дейнеки

Перевод изд-ва «Гуманитарный Центр»/ И.А.Руденок

Крауз-Мозер Б. Теории политики. Методологические
принципы / Пер. с польск. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр,
2008. – 256 с.

Что такое политика в теории и чем она отличается от политики в повседневной, реальной жизни. Можно ли применить научные знания о политике на практике? Какие трудности при этом возникают и как относятся сами политики к выработанному теоретическому инструментарию? Все эти вопросы тщательно проанализированы в этой книге, которая может стать настольной как для начинающих политиков, так и для политиков-профессионалов и, в первую очередь, для политологов. Здесь представлены различные теоретические модели, которые затрагивают философские аспекты управления и власти, и подходы в разъяснении того, что же такое политика и теория, и как они сочетаются.

Книга для всех, кто изучает или интересуется политологией, международными отношениями, журналистикой, общественными науками и политикой.

What is the politics in theory, and what is it distinct from the politics in our real, day-to-day life? Is it possible to apply the scientific knowledge to the practice? Which difficulties appear by this, and what is politicians' own attitude to elaborated theoretical tools? All of these questions have been carefully analyzed in this book, which may become a handbook as for beginners, so for professionals in politics, as well as, in the first turn, for political scientists. There are various theoretical patterns here, which concern philosophic dimensions of management and power, and some approaches in explanation of what politics and theory are, and the way they come together.

This book is for everyone who studies or just interested in the political science, international relationships, journalism, social sciences and politics.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству «Гуманитарный Центр».

ISBN 83-01-14540-4 (пол.)

ISBN 978-966-8324-48-2

© Wydawnictwo Naukowe PWN SA,
Warszawa 2005

© «Гуманитарный центр», перевод на
русский язык, оформление, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие научного редактора	7
Введение	8
1. О науке, методе и языке	24
1.1. О науке и теории	24
1.2. О методе	33
1.3. О языке	38
2. Политология как эмпирическая наука	48
2.1. Предмет исследования эмпирической политологии – философские предпосылки	48
2.2. Примеры научности политологии	57
2.2.1. Аналитически-эмпирическая модель	61
2.2.2. Герменевтически-гуманистическая модель	69
2.2.3. Спор философский или методологический?	73
3. Теория – проблемы определений	78
3.1. Термин «теория» в разговорной речи	79
3.2. Термин «теория» в научной речи	82
3.3. Чем может быть научная теория?	87
3.4. Что такое научная теория в политологии?	94
3.5. Природа научных теорий	101
4. Структура эмпирических научных теорий	107
4.1. Язык теории	108
4.2. Теоретические взгляды	116
4.3. Обоснование теоретических взглядов	121
4.4. Границы теории	131
5. Стратегии построения эмпирических научных теорий или как возникают теории?	134
5.1. Индуктивная стратегия	137
5.2. Дедуктивная стратегия	146

6. Теория как разъясняющее знание	163
6.1. Функции теории	163
6.2. Разъясняющая функция теории	165
6.3. Логические особенности разъяснения	169
6.4. Номологическое разъяснение в политических науках	177
6.5. Онтологические особенности разъяснения при помощи законов	183
6.5.1. Причинно обусловленное (каузальное) разъяснение	189
6.5.2. Телеологическое разъяснение	194
6.5.3. Функциональное разъяснение	196
6.5.4. Генетическое разъяснение	198
6.6. Эпистемологические особенности разъяснения при помощи законов	204
7. Научные политические теории и политическая практика – между истиной и практическим применением	214
7.1. Нужны ли политике знания исследователя политики?	214
7.2. Границы применения научных знаний	216
7.3. Иллюзорность научного познания	226
7.4. В чем кроется источник проблем с наукой?	233
Литература	250

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Эта книга именно о теории политики. В ней глубоко осмыслена проблема теоретических подходов к такой изменчивой, сложной и динамичной области, как политическая практика.

Автор не говорит о конкретике – он предлагает методологический взгляд и разрабатывает подходы к пониманию и изучению политической реальности. Книга ценна понятиями и категориальным аппаратом для анализа политических событий и закономерностей. Автор предоставляет теоретические модели, структуру научных теорий, стратегию построения эмпирических научных теорий. Интересны рассуждения о научных теориях и политической практике, о границах применения научного знания.

Книга представляет безусловный интерес для профессионалов, изучающих политику как научную область знаний, а также для практиков, которые ежедневно сталкиваются с политическими реалиями. Она полезна всем тем, кто интересуется социальными и политическими проблемами, ищет объяснение и прогнозирует сложившуюся ситуацию в обществе.

Научный редактор доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ДЕЙНЕКА

Санкт-Петербург, 17 апреля 2008 г.

Хороший политик должен уметь спрогнозировать, что случится завтра, через неделю, через год, и объяснить, почему не произошло то, что он предсказал.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ВВЕДЕНИЕ

Содержащиеся в этой книге решения касаются проблем давно известных, и, по крайней мере, со времен Ксенофонта¹, привлекающих внимание всех тех мыслителей, интересы и неравнодушие которых пробуждали познавательные функции человека, а также связанные с ними возможности постижения абсолютного знания².

В настоящее время этот раздел рефлексии³ относится к области метанаучной дисциплины, которая является общей методологией науки, именуемой иначе методологией *в широком смысле*. Это одна из множества наук о науке, однако, она сильно отличается от остальных тем, что сосредоточивает круг своих интересов на изучении эпистемологических⁴ основ науки, трактуемой как всеобщий метод познания мира; достижения истины, как считал Ксенофонт.

¹ *Xenofanes, VI в. до н. э.*

² В. Татаркевич, *История философии, Варшава 1976, т. 1, с. 34*; Ю. Воленский, *Эпистемология, Краков 2000, т. 1, с. 17-47*

³ Рефлексия – лат. *reflexio* – обращение назад – термин, обозначающий отражение, а также исследование познавательного акта. *Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980, с. 316.*

⁴ Эпистемология – греч. *episteme* – знание и *logos* – учение, слово – теория познания, гносеология. *Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980, с. 431.*

Всеобщая методология науки, развиваемая в эпистемологической перспективе, называемая также теорией научных методов или наукой о методах управления наукой, включает в себе множество различных типов рефлексий; рассматривает не только исследовательские процессы, но и их результаты в виде понятий, законов и теорий. В то же время их общей и основополагающей базой является анализ, сосредоточенный на решениях: как осуществляется управление наукой и каковы критерии познания искомых результатов; какие результаты исследовательской деятельности и научного познания являются (либо должны быть) применимыми и освоенными всеми науками, ориентированными на цель в образе постижения истины¹.

Одно из значительных достижений общей методологии науки – это общая методология общественных наук. В этой плоскости проводят исследования и устраивают дискуссии о применении характерных теоретических правил, а также правил и закономерностей формальной логики к результатам научной деятельности. Применяемые в ней установки и решения создают общую основу для так называемых детальных предметных методологий, сосредоточенных на анализе отдельных, специфических методов, которые применяются в конкретных научных дисциплинах.

Для политолога знакомство с проблематикой, содержащейся в общей методологии общественных наук, есть чем-то вроде «вступительного билета» в мир научных исследований политических явлений, побуждает размышлять об исследовательской деятельности познавательной ценности наших суждений об этом аспекте общественной действительности.

¹ Е. Калушинская, *Модели эмпирических теорий*. Варшава, 1994, с. 9.

Однако, уровень сложности и индивидуальные онтологические¹ особенности предмета исследования общественных наук, интересующихся теми аспектами реально существующего мира, для которых созидательной силой является деятельность человека – существа автономного, сознательного, созидającego свою общественную среду – несколько отодвигает на задний план первичные размышления о смысле собственных исследовательских начинаний, а также познавательной ценности накопленных знаний.

Пользуясь случаем, стоит обратить внимание на 3 понятия, которые выкристаллизовались вдали от мира политики, играли важную роль и в дальнейшем исследуются как важные в идеологических приемах и карьере политического интеллектуала. Это понятия **природы, истории и метода**. Знания о двух первых популярны, и каждый хорошо образованный политик способен подтвердить свою правоту, приводя аргументы, относящиеся к природе вещей или к историческим фактам. Изучение метода менее популярно и более трудно в усвоении материала, однако, прежде всего, вместо укрепления убеждения в собственной правоте пробуждает рефлексию и осторожность. Поэтому можно было бы признать его непригодным, «ослабляющим дух борьбы за благое дело», но можно также проследить в нем прикладной инструмент для «пробуждения разума», для противопоставления фанатизму, догматизму, идеологической косности. В этом смысле познание методологии *в широком смысле* имеет универсальное применение, обеспечивает достаточность веской аргументации участникам политических полемика.

¹ *Онтология* – греч. *ontos* – сущее и *logos* – учение слово – учение о бытии вообще, бытии как таковом, независимом от его частных видов. *Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980., с. 262.*

Следовательно, научные знания об общественных явлениях, а в особенности, о явлениях политических, которым не свойственен этот тип методологического мировоззрения, становятся чем-то из разряда расширенного комментария к ежедневному опыту, содержат больше информации об образе мышления ее авторов, нежели о реконструируемом фрагменте общественного устройства.

Политические науки, изучающие мир, создаваемый и исследуемый здесь и сейчас, – такая особенная область научной литературы, где в силу природы вещей трудно отделить систематически обрабатываемые и поддающиеся обоснованию знания о политике, от мировоззренческих и политических убеждений. Размышлять о политике, осознанно или неосознанно, свойственно всем людям. Каждый считает себя вправе выражать свое собственное мнение и не опасается подводных камней, поскольку недостаток знаний преимущественно порождает убеждение, что дело настолько просто, что не требует углубленного изучения.

Что гораздо хуже, навыки, необходимые в специальных академических дисциплинах, исследовательская деятельность которых может предоставить поддержку или увлечь сиюминутными политическими убеждениями, зачастую достаточно близки навыкам обычных наблюдателей и участников политической жизни. Ведь для того, чтобы назваться политологом, не обязательно свободно разбираться в «подводных камнях» методологии *в широком смысле*, нет нужды осваивать сложные исследовательские процедуры или витиеватые способы понимания, напротив, знание политологии сегодня зачастую начинают непостижимо путать с обычным здравым смыслом.

Между тем, изучение методологических проблем, которые формируют научное знание о политических (общеч-

ственных) явлениях, позволяет понять, что политология кое-чем отличается от обычных знаний – это не чистый эмпиризм, не чистая теория. Политология – это непрерывное противопоставление того, что мы наблюдаем, и того, что мы думаем об этом: это непрерывное сосуществование концептуализма и практического опыта, это создание теории (модели) и языка для описания, а также объяснения политических явлений. В этом смысле науку о политике можно понимать и как искусство, требующее zaangażованности, воображения и отваги, поскольку исследования и публикации на политические темы в то же время являются попытками влияния на ее процесс. Неотъемлемым ее элементом есть «жизненная» шкала явлений, которые она исследует. Вот поэтому политические (общественные) науки можно постичь как одну из форм общественного сознания, касающихся аргументов, укрепляющих убеждение в том, что мир, который мы создаем, и в котором в то же время живем, наиболее познаваем в исследованиях, научная ограниченность которых часто приводит к результатам, противоречащим современным знаниям. В то же время, без этой шкалы существует угроза того, что общество будет расценивать политологию как науку общественно невостребованную и скучную.

Преимущества, которые читатели могут извлечь из представленных в этой книге решений, прежде всего, заключаются в возможности сформировать методологическое представление и восприятие, позволяющее осознать те ограничения, которые вытекают из принятых предположений, без которых невозможны ни исследования, ни научные знания. В последствии, каждый, кто захочет строить свою деятельность на основе таких знаний – и, в то же время, будучи искушен в методологической рефлексии – сможет с пользой для себя трактовать данные,

на основе которых принимает решения, поскольку сможет разглядеть все то, что при помощи энтимем¹ скрыто и невыразимо должно быть принято без обоснования для постижения этих знаний, а что само по себе может быть сомнительным.

Методологическое восприятие обеспечивает также веские аргументы, подтверждающие обоснованное убеждение в том, что рефлексия, рассуждение, мышление, связанные с занятием общественными науками – основополагающим стержнем которых являются социология и политические науки – необходимы для понимания и разъяснения универсальных реалий человеческого экзистенциализма. И это несмотря на то, что они не приводят к непоколебимому на протяжении длительного промежутка времени знанию, а интеллектуальная убежденность оказывается иллюзией. Даже в том случае, когда эти разъяснения опираются на утверждения, в отношении которых существует лишь временное согласие, поскольку им недостает непоколебимых доказательств, и по этим причинам их можно подвергнуть ревизии.

Занятие общественными науками требует такого же большого трудолюбия, терпения и способностей, как и любая другая отрасль познания и научной деятельности. Возможно даже, больше, если принять во внимание уровень разногласий, порождаемых множеством положений, в равной мере имеющих право на существование и содержащихся в общей методологии этих наук, по этой причине полной противоречивых положений и вопросов, на которые не существует однозначных ответов. Для многих – как исследователей, так и людей, применяющих эти

¹ Энтимема – греч. *en timo* – в уме – в традиционной формальной логике такое дедуктивное умозаключение, в котором не выражена в явной форме какая-либо часть: или одна из посылок, или заключение. *Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 4 е изд. – М.: Политиздат, 1980. с. 430.*

знания на практике – такая ситуация является в высшей степени разочаровывающей, когда легче признать преимущества «здорового смысла» и современных знаний.

Особенно важным аспектом познавательной деятельности общественных наук является тот, который проходит сквозь все политические науки – сосредоточенный на исследованиях одной из древнейших форм общественных отношений, каковыми являются отношения власти и связанные с ними политические события; естественно необходимые, но не предсказуемые по форме, которых все же невозможно избежать, если общество в общем должно их пережить¹.

Общественный (политический) порядок в значительной мере зависит от традиций и навыков, истории и культуры в ее широком понимании. Теоретические знания и подкрепленное методологией политическое мышление могут ослабить влияние пережитков прошлого и культурных традиций. Но мы все же забываем об этом, пребывая в состоянии напряжения, которое порождает окружающая нас политическая жизнь; ищем помощи в программах действий политических партий, а не в научных теориях политики, производящих впечатление непонятных и неприменимых. Однако, занятия (политической) деятельностью будут только тогда высоко успешными, когда будут опираться на приверженную правде научную мысль.

Ответственным политикам, принимающим политические решения, зачастую сопутствует ощущение недостатка исчерпывающей информации или знаний о происходящем. Картина ситуации, в которой им приходится принимать решение, строится на известных им фактах. Однако они забывают или не знают, что отрыв этих фак-

¹ Б. Крик, *В обороне политики*, пер. А. Вашкевич, Варшава, 2004, с. 34.

тов от общественной действительности возможен исключительно вопреки идее. Некоторые из них содержатся в научных теориях, на самом деле являющихся продуктом нашего сознания и рефлексии, но поддающихся тщательной проверке и обоснованным, чего нельзя так же решительно сказать об остальных. Благодаря именно им мы в состоянии упорядочить окружающий нас хаотический поток разрозненных атомов информации. Мы можем выделить то, что существует реально и что имеет для нас значение. Кроме того, мы можем своевременно обнаружить факты, видение которых, таким образом, зависит от нашей когнитивной способности, позволяющей определить их и проследить взаимосвязь между ними.

Эти идеи не являются врожденными по отношению к человеческому сознанию, но возникают в случае нашей способности к рефлексии. Они являются продуктом культуры, свидетельствующим о политических формах цивилизаций, вокруг которых формируются реалии общественной жизни, при этом не вырастают из «человеческой природы», но лишь из определенных мыслей или представлений. Без такого посредничества, вымышленных нами концепций желаемого, грядущего положения вещей и осуществления между ними выбора, феномен общественной жизни людей можно было бы обосновать безсловным рефлексом, заложенным в генетическом коде¹.

Вышесказанное объясняет убеждение в том, что пребывание на определенных позициях по отношению к политической (общественной) действительности и деятельность в этой сфере всегда требуют некоторых знаний о политике. Лучше, если это научная, теоретическая рефлексия о политике, которая помимо того, что требует значительных усилий для ее постижения и порождает много-

¹ Г. Тиндер, *Политическое мышление. Вечные вопросы, пер. А. Дюрдик, Варшава 1995.*

численные сомнения, не всегда приводит к однозначным ответам и не гарантирует внутреннего покоя, не уберегает от ошибок, но в тоже время является наиболее полной формой знаний о нас самих и наших начинаниях, которую мы имеем в нашем распоряжении. Это лучше, чем деятельность, регулируемая стереотипами, благородными побуждениями, мифом или идеологической убежденностью. Общественные науки могут предоставить знания, которые в состоянии лишить уверенности и по природе своей являются политизированными. Но зато, эти знания способны конкурировать с сиюминутным здравым смыслом и позволяют рационально интерпретировать мир, создаваемый и исследуемый здесь и сейчас¹.

Если изначальное условие хорошего решения – это правильная оценка действительности, то предоставить нам ее может исключительно научная теория вероятности, которая является основным понятием тщательного познания.

По различным причинам практическое применение теорий может быть осторожно предложено только тогда, когда их методология систематизирована и ясно изложена. Это то условие, выполнение которого важно не только для исследователей, но и тех, кто применяет их знания на практике. При этом речь идет не столько о предметной методологии науки в общем смысле, понимаемой как путь к познанию мира, сколько об эпистемологической точке зрения, позволяющей оценивать и размышлять о познавательной ценности различных исследовательских приемов и теорий.

Анализировать методологические основы теорий, относящихся к политическим явлениям, значит рассмат-

¹ И. Валлерштейн, *Конец света, который знаем*. Пер. М. Билевича, А. В. Елонка, К. Тышка, Варшава 2004, с. 171.

ривать знания о политике в эпистемологической перспективе. Применение в этих решениях критерия важности берет свое начало от принятых философских аксиом, базирующихся на общих постулатах теории познания и концепции научной методике, в которой они находят свое обоснование¹. Методология в таком широком понимании является метанаукой, наукой о науке, а знание основ ее проблематики полезно как исследователям политических явлений, так и интересующимся загадками общественно-политической жизни общества.

Незнание или же игнорирование этих философских основ приводит ученых к методологической наивности, создает преграды на пути к более адекватному восприятию явлений, которые стремится исследовать политолог². Выбор используемых процедур и приемов исследования, описываемых в предметных методологиях общественных наук, как правило, случайный, зачастую несоответствующий данному предмету исследования и ошибочный с точки зрения поставленной цели исследования. Ограничить и даже исключить эти ошибки можно при помощи выбора приемов исследования с позиций методологического мировоззрения *в широком смысле*.

Пригодится оно не только исследователям, но и тем, кто принимает решения, и широкой общественности, принимая во внимание то, что современные достижения общественных наук становятся все более адаптируемыми, используемыми в планировании, политике и других сферах общественной деятельности; массово популяризируются через систему среднего образования и средства массовой информации, оказывая влияние на представле-

¹ С. Оссовский, *О науке*. т. IV, Варшава 1967, с. 91; А. Сулек, *Сад социологической методологии*. Варшава 2002, с. 14.

² П. Л. Бергер, *Приглашение в социологию*, пер. Ю. Ставинский, Варшава 1995. с. 153.

ния об устройстве общества, в котором человек живет и одновременно принимает участие в его созидании. В этих обстоятельствах соответствующая оценка и применение научного знания требуют полной методологической компетентности, методологически ориентированного мышления, способного к сознательному и, в то же время, критическому подбору информации, которая может служить основанием к действию¹.

Основные методологические проблемы, составляющие метанаучные рассуждения, темой которых является человек, можно рассматривать как общие для всех общественных дисциплин, исследующих отдельные аспекты человеческого существования при помощи принятых положений. С познавательной точки зрения, такая ситуация полезна, принимая во внимание то, что все же предметы общественных наук – интересующихся в конечном итоге тем самым сбором данных – взаимно дополняют друг друга. С той только разницей, что при помощи особых понятий отдельные общественные науки выбирают различные аспекты явлений, составляющих общее целое, а также занимаются различными исследовательскими перспективами. В конечном итоге, они могут достичь познания только о своем предмете исследования, более полное изучение которого, однако, требует междисциплинарных усилий.

Если принять положение, в соответствии с которым общественные дисциплины – это науки эмпирические, а значит, судят о правде или фальши мнений, на которых зиждется их знание, вопреки конфронтации этих мнений с действительностью, то миром эмпирических отношений является для них непривычно внутренне разобщенный сбор данных об общественных явлениях, которые

¹ С. Андреский *Чернокижские в общественных науках, Варшава 2002.*

воспринимаются как результат человеческой деятельности. Тем самым общественная действительность существует лишь постольку, поскольку существует человек, и познать ее мы можем только в связи с человеком, существом, в отношении которого предполагаем, что он способен к независимым поступкам, к сознательному выбору целей и средств.

Однако же, то, что создают люди, и то, что составляет общественную действительность, существует и изменяется во времени, носит исторический характер, обусловлено рядом факторов, имеет многоуровневую структуру. Состоит не только из людей, но и из совокупности их культурных творений. Эта совокупность явлений, называемая общественной действительностью, помимо поведения и человеческих творений, включает также скрытый, с точки зрения людей, психический компонент в виде точки зрения людей, которые ее (общественную действительность) создают. Отыскать ее можно в дефинициях¹ ситуаций, сопровождающих принятие решений, ценностях, мотивах и побудительных стимулах². Эти обстоятельства указывают на необычайную степень сложности сферы охвата общественных наук, для получения доступа к возможности научного изучения которой требуются различные исследовательские перспективы, за которыми могут стоять также разные научные концепции и связанные с ними методологии *в широком смысле*.

Но прежде всего, каждый фрагмент этой сложной совокупности должен быть предметом эмпирического исследования, поскольку человеческое сообщество материально, люди являются объектами реально существующими,

¹ Дефиниция – лат. *definitio* – определение – логическое определение понятия, установление основного содержания понятия. *Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980., с. 219.*

² А. Сулек, *Сад социологической методологии. с. 14-15.*

их поступки наблюдаются непосредственно, но нематериальная корреляция этих поступков, относящаяся ко внутренней, мотивационно-побудительной сфере психологии, может быть исследована эмпирически только опосредованно; может наблюдаться в своих внешних проявлениях, в своих внешних результатах в виде моторных и вербальных поступков или материальных творений.

Знание проблематики в области методологии в широком смысле позволяет дать ответ на вопрос о методе и виде обоснований, применяемых в политических теориях – или, шире, в политической мысли – при помощи которых люди выясняют политические поступки свои и других, но вместе с тем, стараются использовать как удобный механизм, позволяющий осуществлять тщательный контроль этих поступков.

Необыкновенная степень сложности сферы охвата общественных наук, а также ее однородность, вытекающая из того факта, что люди являются той силой, которая порождает эту сложность, приводит к тому, что научное осмысление этого феномена требует междисциплинарных усилий. Тем временем, прогрессирующая сегментация общественных наук и слишком непреклонное соблюдение предметных разграничений – в силу определенных обстоятельств смазанных, размытых и непостоянных – не пробуждают интерес к углублению в природу вещей, так что в лучшем случае можно найти для нее оправдание в инструментальной, неоцененной по достоинству и необоснованной практической потребности, связанной с требованием правильной организации исследовательских усилий.

Можно задаться вопросом о том, решительно ли разграничены общественные науки – например, социология и политические науки, – насколько крайне необходимо и важно это разделение, и есть ли для этого иные поводы, кроме административных? Действительно ли обще-

ство (в совокупности с общественными институтами и отношениями) и государство (в совокупности с политическими институтами и отношениями) следует понимать как отдельные понятия, существующие в реальности, которые должны обслуживать отдельные исследовательские дисциплины, и «вырезать из социологии» предмет политических наук? Не достаточно ли очевидно, что такие независимые исследования только аналитически различных предметов лишены теоретического смысла, поскольку государство – один из многих политических институтов и в свою очередь одна из многих групп общественных институтов¹.

Существует общее единство в сфере предмета исследования общественных наук; внутреннее неустанное разграничение этих наук на отдельные дисциплины и специальности указывает не столько на различия предмета, сколько на отличия все новых и новых вопросов, которые удается сформулировать в адрес изменяющейся общественной действительности.

Открытость для общественности политических наук требует постоянного общения с другими дисциплинами, заинтересованными в исследованиях человеческих качеств. Современные теоретики политики концентрируют свое внимание, прежде всего, на построении и анализе модели общественной деятельности, поведения и общественных отношений. Ведь именно они составляют основу для функционирования политических институтов и обуславливают такие явления, как, например, борьба за власть или принятие, претворение в жизнь публичных решений, описывают государство и его структуры, функционирование политических систем, партий и партий-

¹ С. М. Липсет, *Ното politikus. Общественные основы политики*. Пер. Г. Дюрдик-Красневской, Варшава 1995, с. 25; Т. Парсонс, *The Social System*, Glencoe 1951.

ных систем, а также международных отношений. В результате углубление в вопросы отношений и мотивации, оценок и познания дает представление об обширности общей основы и трудностях в определении разграничительных линий между наукой о политике и такими общественными дисциплинами, как социология политики и социальная философия.

Общественные науки – это синтез множества дисциплин, зачастую с различными, разрозненными предметными методологиями. Они занимаются всем, что имеет политическое значение. Но это слишком масштабная и амбициозная цель, чтобы можно было воспринимать политологию как обособленную однородную дисциплину с собственной методологией, следовательно, название это употребляется несколько «на вырост». Но именно благодаря этому в политологии, как ни в одной другой дисциплине, проявляется существование общего единства предмета исследования общественных наук, и, идущая вслед за этим, совокупность изучаемых проблем, которые анализирует и пытается разрешить методология в широком смысле. Так что все более или менее важное, что констатирует общая методология наук в отношении условий познания в одной из общественных дисциплин, является таким же важным для всех остальных.

Надеюсь, что все эти замечания не только объясняют выбор автором темы, но и недостаточно определенное употребление таких понятий, как общественные науки, социология, политические науки, наука о политике (политология), а порой и некоторую подмену понятий по отношению к ним. Это можно аргументировать необходимостью разделять их, выискивая и указывая тонкие различия того, что они должны означать. Однако, быть может с познавательной точки зрения было бы лучше акцентировать внимание на общности общественных дис-

циплин, которые даже если и выглядят разрозненными, то лишь с точки зрения способов постановки различных вопросов с целью получения тех же самых данных.

Стремясь постичь научное знание о политических явлениях – или, шире, о явлениях общественных вообще – следует помнить, что мы имеем дело с предметом, который, принимая во внимание его общественную природу, является, по существу, в определенной мере частным способом человеческой деятельности. Знания о нем в виде теорий, касающихся обозначенных фрагментов эмпирически доступной реальности, есть в то же время рефлексией общественной деятельности и целях, придающих ей смысл. Это знание включает в себе не только критерии познания, но и важное практическое значение, и, в то же время, – в силу различных причин – неразрывно связано с философскими понятиями. Не чужд ему и – анализируемый в общей методологии общественных наук – процесс его поиска, что в конечном итоге имеет значение для познавательной ценности этого знания, а также возможности его практического применения. Кроме того, оно применимо для политиков, которым не помешает мудрый скептицизм, позволяющий им обосновывать – хотя бы временно – свои суждения, опираясь на убедительные доказательства и аргументы. В свою очередь, знание методики его поиска пригодно, прежде всего, поскольку выявляет, в какой степени разрешение важных политических проблем зависит не только от тонких и горячо обсуждаемых научных вопросов, но и от общепринятых этических ценностей и экономических интересов.

Разъяснение целей, которыми руководствовалась автор при написании этой книги, поможет читателю оценить возможность ее практического применения и сформулировать для себя все те вопросы, которые читатель сочтет необходимыми.

1. О НАУКЕ, МЕТОДЕ И ЯЗЫКЕ

1.1. О науке и теории

Некоторые исследователи понимают теорию как средство вдохновения и фундамент научных исследований, другие – как средство разрешения обозначенной проблемы, а иные подходят к теории с нескрываемой сдержанностью, даже неохотой. Но есть и такие, которые с глубоким убеждением утверждают, что научные теории «... чуть ли не наиболее сложный продукт наиболее сложных организмов, живущих на земле»¹. Одним словом, понятие «теория» разные исследователи интерпретируют решительно по-разному, особенно если они – деятельные ученые, чей творческий поиск лежит в плоскости наук, анализирующих такой сложный предмет, как «общество» или межличностные отношения, связанные с отношениями власти – которые считаются сущностью общественных систем.

Наблюдаемые среди ученых – представляющих собственно общественные науки, стержень которых составляют социология, экономика и политические науки² – множество и разнородность взглядов на тему, которая кроется под понятием «теория», доставляют достаточно предлогов для годами длящихся дискуссий. На самом деле эти дебаты не привели ко всеобщему удовлетво-

¹ К.Б. Мадсен, *Современные теории мотивации. Научный сравнительный анализ*. Пер. А. Якубчик. М. Лапинский, Т. Шустрова, Варшава 1980. с. 16

² Б. Шацкая, *Введение в социологию*, Варшава, 2003, с. 28

нию, к разрешению этой проблемы, но позволили понять сущность «теории». И то, какие надежды в области познания с ней связаны, есть производная функция взглядов, относящихся также к такому неясному и противоречивому явлению как «наука».

Между тем, если взгляд на «теории» – а впрочем, и на политические теории – зависит от того, как понимать «науку», то методологические решения, базирующиеся на теориях, относящихся к явлениям политическим, нужно предвосхитить хотя бы лишь фрагментарной рефлексией, посвященной такому удивительному общественному явлению, каковым есть наука, а точнее – каковым есть научное знание о политике.

Вполне очевидным является то, что существует некое предубеждение по отношению к понятию «наука», которое, принимая во внимание множество разнообразных мнений о том, что же есть «наука», а также ярко выраженный аксиологический¹ характер этих споров, ведущихся, в основном, в сфере философии науки, всегда будет с определенной точки зрения непреодолимым, неполным, отягощенным выбором ценностей, в особенности – если термин «наука» отнести к деятельности и информации, направленным на общественные явления, к числу которых относятся и явления политические.

Точное логическое определение термина «наука» является предубеждением необычайно сложным, в том числе и потому, что, как и термин «теория» – используется в различных значениях и охватывает очень сложный, переменный во времени комплекс явлений. Однако в любом случае эти явления связаны с определенной поверхностностью, свойственной человеческому естеству, заключа-

¹ Аксиология – греч. *axia* – ценность и *logos* – учение, слово – философское исследование природы ценностей. *Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980., с. 8.*

ющейся в способности к совершению мотивированных любознательностью и потребностью получить информацию об окружающем мире эпистемологических поступков¹.

Понятие «наука», если рассматривать его эпистемологический аспект в английском языке – *science* – происходит от латинского слова *scire*, означающего «знать». Усилия человечества, направленные на то, чтобы добыть информацию, позволяющую понять окружающий мир и себя самих, предпринимались и предпринимаются различными способами, среди которых и обращения к «авторитету», «вере», «разуму» и, конечно же, к научным знаниям². Каждый из этих способов – помимо общих признаков – отличается от остальных множеством различных черт, однако же самое существенное различие между ними заключается в той форме, в которой они излагают результаты своих исследований.

В случае модели, опирающейся на «авторитет», способность генерировать знание приписывается различным общественным, религиозным или политическим уважаемым личностям, которые, как принято считать, не могут ошибаться! Даже в том случае, когда они не являются экспертами в той сфере деятельности, о которой рассуждают.

Позиция, позволяющая обращение к «вере», позволяет людям находить достойные доверия знания в различных религиозных системах, в средствах массовой информации. В случае же «рациональной» модели существует убеждение в возможности получить знания посредством простого обращения к разуму, поскольку принято считать, что знания независимы от человеческого опыта.

¹ D. E. Berlyne, *Motivation Problems Raised by Exploratory and Epistemic Behavior*, [w:] *Psychology – A Study of a Science*, S. Koch (red.). t. V. New York 1963.

² Ch. Frankfurt-Nachtmias, D. Nachtmias, *Методы исследования в общественных науках*. Пер. Е. Хорновская, *Познать*, 2001, с. 18.

Научный подход определенно является одним из тех способов эпистемологического поведения, который позволяет человеку «знать», но это поведение в определенном смысле особенное. Оно должно соответствовать определенным общепринятым социальным нормам – не очень ясно сформулированным и нигде исчерпывающим образом не оговоренным – которые предписывают, каким образом проводить исследования, чтобы в результате их признали научными, и каким должен быть язык, с помощью которого можно передать информацию, полученную в ходе исследования.

Отрицание учеными каких-либо аспектов знания, понимаемого многими людьми как знание очевидное и действительное, опирается обычно на методологические противоречия. В результате получается, что термин «наука» не относится к определенному общему или конкретному способу познания, а лишь к отличной методологии его постижения и представления. При таких обстоятельствах о «научности» свидетельствует детальный, общественно созданный и принятый свод оснований, норм, правил, которым должен быть подчинен эпистемологический образ действий, ведущий к получению информации, позволяющей нам знать и понимать.

Определение таких методологических оснований имеет в значительной мере практическое значение в реальной, ежедневной исследовательской практике. Итак, прежде всего, появляется возможность определить границы науки как явления через определение того, что является и что не является научной деятельностью и научным знанием, какие проблемы, лежащие в ее поле зрения, достойны исследования, важны и интересны, а какие выходят за рамки ее компетенции и их можно обойти, признав несущественными, и даже, в конце концов, неактуальными.

Когда же термином «наука» обозначают определенный обособленный свод знаний, то касается он исключительно тех знаний, которые были получены при помощи научной методологии или подхода, решительно отличающегося от других способов получения информации. Во всяком случае, согласие с принятыми правилами метода влечет за собой необходимость принять нормативы исследовательской деятельности, а так же формы представления добытых знаний, сравнения их с разработанными моделями.

Методологическая точка зрения представляет, прежде всего, деятельный аспект науки, позволяет рассматривать науку как комплекс отдельных действий, составляющих исследовательский процесс. Представляет также со всей остротой, что наука, рассматриваемая как метод, непрерывно изменяется, а понятие «научности» неоднозначно и зависит от определенных методологических предпочтений. Между тем, система правил и процедур, являющихся обязательными в исследованиях и определяющих ценность научных знаний, не является чем-то неизменным или незыблемым. Она подвержена неустанному анализу и непрерывному совершенствованию¹ так, чтобы быть сводом все более совершенных «основ», организуемых исследование данного предмета, также чтобы увеличить надежды на достижение по-возможности достоверных знаний.

Эти общественно созданные и общественно акцептированные² нормы эпистемологического поведения так же не вечны, не имеют универсальной ценности, изменяют-

¹ Ch. Frankfurt-Nachtmias, *D Nachtmias, Методы исследования в общественных науках*. Пер. Е. Хорновская, *Познать*, 2001, с. 18.

² Акцептировать – лат. *asserere* – принимать – одобрить. *Словарь иностранных слов* (под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова), изд. 5-е, переработанное – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955, с. 35.

ся в зависимости от времени, места или культурных отличий общества¹.

Они могут отличаться и в плане перспективы истории науки², равно, как и в том случае, когда их описывают в данный момент времени и указывают на существование множества научных школ или философско-теоретических направлений. Таким образом, то, что здесь и сейчас признается научным знанием, может оказаться ненаучным, если изменятся взгляды на метод достижения этого знания.

Эта изменчивость метода, основ или правил исследования превращает науку в явление общественное, культурное, являющееся коллективным креативом, общественно-организованным, базирующимся не на обособленных частных суждениях, но на общих установках, принимаемых в социальном контексте, в соответствии с принятыми традициями и ценностями, а также в связи с принятыми общественными целями. Однако это вовсе не означает, что науку, в смысле метода, следует трактовать как пример традиционного поведения, при котором общественная традиция подменяет разум, но означает то, что в самом процессе понимания требуется достижение высокой степени согласованной активности, формы которой могут подвергаться изменениям. Порой легче понять частный, востребованный и, в определенной степени, коммерческий характер знаний, полученных благодаря применению научного метода, как, впрочем, легче допустить возможность существования множества версий последнего.

¹ М. Томаселло, *Культурные источники человеческого познания*. Пер. Ю. Ранчашек, Варшава 2002, с. 267.

² Т. Кун, *Структура научных революций*. Пер. Г. Остроменская, Ю. Новак, Варшава 1968, К. Скиннер (ред.), *Возвращение великой теории в гуманитарных науках*. Пер. П. Лозовский, Люблин 1998, с. 99-117.

Принятие такого положения позволяет считать, что термин «наука» имеет – прежде всего, в отношении общественных наук – значение скорее методологическое, нежели познавательное, и его следует применять к определению целого комплекса знаний, приобретенных при помощи принятой значительным большинством исследователей научной методологии, модель которой в определенной степени отражает современные взгляды, основывающиеся на принятых в данное время представлениях о мире.

Именно эти обстоятельства делают «науку» особой частью культуры¹ и приводят к выводу о том, что ее (науку) следует трактовать как общественно-организованную, обособленную форму исследовательской деятельности в комплексе с представленными при помощи специальной системы символов результатами ее деятельности. Причем, равно как форма этой деятельности, так и форма представления ее результатов, проистекают из определенной научной конвенции, установления которой не принадлежат уже самой науке, но являются уже проблемой философской, разрешаемой всегда под влиянием одного из направлений философии науки, приобретающего в данный момент времени признание в академических кругах².

Именно в области философии, а не науки протекают полемики, касающиеся убеждений на тему природы познания и природы значения. Именно там ведутся попытки решить технические, формальные проблемы логики и научных фактов. Это на почве философии разрешает-

¹ И. Пригогине, И. Стенгерс, *От хаоса к порядку. Новый диалог человека с природой*, пер. К. Лип-шиц, Варшава 1995, с. 35.

² А. Мотыцкая, *Идеал рациональности. Очерки об идеологических расхождениях науки*, Вроцлав-Варшава 1986, с. 48; Ю. Гедьминя, *Проблемы. Предположения. Решения. Изучение логических основ общественных наук*, Познань 1964, с. 115.

ся фундаментальная для науки проблема опыта, из которой проистекает спор о том, что есть первичные, эмпирические данные – физический объект или психическое (эмоциональное) переживание? Вне науки также следует искать ответы на вопросы, что обуславливает заинтересованность, управляющую нашими наблюдениями, и что приводит к тому, что наши исходные знания, предваряющие исследования, носят деятельный общественный характер. Философской проблемой является и переход от объектов к понятиям и суждениям; основное сомнение, о котором здесь идет речь, выражается в вопросе о том, насколько возможна эмпирическая интерпретация языка научной теории?¹

Напряженные дискуссии в области философии науки находят свое отражение в исследовательской практике реальных наук, для которых являются фундаментальным собранием идей, формирующих мнение исследователей о взглядах на науку вообще, на методологические стили занятия ею, но прежде всего, на познавательную ценность информации, добытой в результате научных исследований. Тем самым, они являются решающими аргументами в вопросе о том, можно ли, и, если можно, то в какой степени признать научные знания достоверными или фальшивыми. Проявляются они также и в спорах о ценности теории в науке, выводят на первый план проблему выбора определенной стратегии, влияют на ее «приличную» форму и на «соответствующее» обоснование – естественно, с точки зрения принятых положений.

В этих условиях занятия наукой требуют, помимо методологического сознания, также ясности в вопросах не всегда очевидных, общефилософских положений, недо-

¹ Е. Нагель, *Структура науки*. Пер. Ю. Гедымин, Б. Рассальский, Г. Элинтштейн, Варшава 1970, с. 112; П. Ф. Стравсон, *Познание и правда*, изд. «Философские студии» 1989/7-8, с. 197-204.

казуемых, но возникающих при определенных условиях, необходимых для осуществления научной деятельности.

Вероятно, изменение принятых аксиом плодотворно влияет на построение различных методологических моделей, за которыми кроются различные взгляды на природу предмета исследования, методы исследования, цели, направляющие и определяющие исследовательские усилия, а также познаваемые ценности, неизбежно вовлекаемые в исследовательский процесс. Решение этих вопросов определяет и формирует фундаментальную философскую основу реальных наук, которые ориентированы на исследование вещей такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими должны быть. Тем более, что наука должна исследовать, с какой целью и какими методами разрешаются все эти вопросы с позиции основ философии, благодаря которым наука становится вообще возможной¹.

Исследование этих онтологических и эпистемологических основ, составляющих основу нашего познания, позволяет понять суть научного подхода, как и его преимущества перед иными источниками знаний, проследить источник противоречий, сопутствующих взглядам на познавательную ценность научной теории.

Осознание философской основы, современной противоречивой методологической проблематики должно быть предметом общей заинтересованности общественных наук, в особенности политологии, которой зачастую отказывают в праве называться наукой или подчеркивают, что она лишь в незначительной степени удовлетворяет методологическим требованиям, предъявляемым к научным знаниям. Однако, далее не поясняется, о какой подразумеваемой научной модели идет речь, какие цели

¹ Ю. Лосе, *Введение в философию науки*, Пер. Т. Бизай, Варшава 2001.

должна преследовать эта деятельность, какова концепция предмета и каков свойственный ему метод исследования, и, наконец, как следует строить и обосновывать политические теории.

1.2. О методе

Научной деятельностью руководят конвенции в виде методологических правил, которые, особенно в последнее время, настолько многочисленны, что, кажется, подтверждаются все выразительнее вырисовывающиеся сомнения в возможности существования универсального, по-возможности, общепризнанного эталона науки, а точнее – научного метода. Особенно современные общественные науки бывают незащитными перед множеством разнообразных идей на тему собственной «научности» и погружаются в интеллектуальный хаос, благоприятный климат для которого создают множество старых, неразрешенных этими науками эпистемологических и онтологических споров, которые, в конце концов, привели к возникновению популярной в наше время идеи «кризиса основ познания»¹.

Необыкновенно трудно сегодня отстаивать или отменять отдельные элементы знания только на том основании, что они удовлетворяют или не удовлетворяют неким «взятым с потолка» критериям научности методологического характера. Тем более, что сами эти критерии тоже подлежат критике, являются предметом размышлений и исследований, что, вероятно, является наилучшим и, похоже, единственным способом, собственно, по-

¹ Ю. Ф. Лиотард, *Современные условия. Репорт о состоянии познания*. Пер. М. Ковальская, Ю. Мигасинский, Варшава 1997, с. 149.

нять то необычное общественное явление, обозначаемое трудным для точного определения, неоднозначным, многокритериальным, изменяющимся во времени термином «наука».

Не удивительно, что до сих пор не удалось установить однозначных критериев научности общего характера, однако же, несмотря на это, очень своевременным представляется указать на мощно закрепившийся – и, пожалуй, единственный, особенно если анализировать общественные науки – комплекс взглядов на цели деятельности, признаваемой научной, а также методы достижения этих целей. Эти взгляды составляют определенный идеал, желаемый образец науки и выражают убеждение, что целью научной деятельности должно быть стремление постичь учение о познании – *episteme*, применимое на практике – *techne*. В соответствии с этими взглядами, наука, в своем практическом измерении, должна быть орудием, служащим для рационализации жизни, а в своем пласте интеллектуальном должна создавать методики, позволяющие постигать истину, составляющую неотъемлемое условие осуществления этих практических целей¹.

Принятие положения, гласящего, что научное знание не обладает исключительно самоценностью, не является целью самой в себе, но имеет также практическую ценность, является средством реализации потребностей человека, основная из которых – потребность в получении по-возможности всесторонней информации об окружении – как природном, так и общественном – означает, что цель науки – это не только стремление к истине, к понимание «как есть», но в равной мере, и стремление к ответу на вопрос «почему есть именно так».

¹ С. Амстердамский, *Между историей и методом. Споры о рациональности науки*, Варшава 1983, с. 26.

Вопрос «Почему?» – это вопрос теоретический, а значит, вопрос не о факте, а о взаимосвязях между фактами, о механизме происхождения наблюдаемых явлений, а связанные с ним ответы сформулированы в форме гипотез и теорий, которые проясняют провозглашаемое положение вещей, а заодно содержат общую информацию о потенциальной практической ценности¹.

Если такой образец науки – ориентированной на цель – достичь истинного познания – принимается, то для ее реализации служат различные наборы методологических инструментов, которые с различной точностью позволяют приблизиться к желаемому образцу. Тем самым, однако, квалификацию ученых можно трактовать как характерную черту, служащую системам знания различных дисциплин по-разному – в зависимости от степени совершенства инструментов, применяемых для их поиска (создания). Сам же выбор стратегических, общих методологических правил, с точки зрения их инструментальной ценности в достижении поставленной цели, можно сделать предметом рациональной дискуссии. Методы в этом случае перестают быть субъективным «делом вкуса»; благодаря существованию таких правил в академических кругах становятся возможными обмен мнениями, взаимопонимание, конструктивная критика и научный прогресс. Лишь сознательное приятие конвенции, устанавливающей «критерии научности» приводит к тому, что споры внутри науки могут быть спорами продуктивными, а стремление к всеобщему согласию, к достижению единомыслия в согласовании положений – основой научной деятельности, объединяющей усилия исследователей.

Сторонники упомянутого образца научности, называемого иногда аналитически-эмпирическим, верят, что

¹ Ю. Пржибыловский, *Логика, общая с методологией наук*. Гданьск 2001, с. 154.

обозначенная в нем цель – достичь по-возможности истинного знания, даже в том случае, если она не достижима, должна служить ориентиром, к которому должны быть устремлены исследовательские усилия ученых. Их программа гласит, что задание или цель науки – это объективное наблюдение, описание наблюдения, объяснение наблюдаемых фактов и прогнозирование их появления в будущем, наконец, применение этих знаний на практике.

В этом, представленном в общих чертах, описании содержится существенный и важный подтекст, а именно, что научное понимание мира должно одновременно быть осмысленным, т. е. логически увязанным с результатами наблюдений. Принять сформулированную таким образом программу означает принять общую концепцию предмета исследования и определенную методику, позволяющую научно изучить его в соответствии с принятым образцом науки, требующим от научной теории, накопленных данных и формы их анализа соблюдения условий непогрешимой логики и соответствия разумному опыту.

Если от общественных дисциплин, а тем более от политических наук, ожидают знаний, позволяющих в определенной степени контролировать и направлять общественные явления – а это означает возможность формировать общественно обусловленное поведение людей – то они должны стремиться достичь цель в форме не только правдивого описания, но, прежде всего, правдивого объяснения, которое, несмотря на ряд неизбежных недостатков, делает возможным хотя бы ограниченное прогнозирование.

Вера в возможность реализации обозначенной таким образом цели требует от исследователей мира общественных явлений или частного их случая – политических яв-

лений – принятия специфических взглядов на «природу» этого мира. Принятие фундаментальных онтологических положений позволяет рассматривать «общество» как категорию предмета, внешнего по отношению к исследователю, а принятие эпистемологических положений позволяет определить условия, которым должны соответствовать методы его исследования, чтобы приблизить достижение цели – по-возможности верно описать и объяснить общественные явления.

Цели научной деятельности и методы ее осуществления – как определенный технический способ достижения поставленной цели – составляют очень важный пласт в методологическом сознании исследователей. Понимание цели, к которой следует стремиться в проводимых исследованиях, позволяет критически относиться к методике, при помощи которой стараются ее достичь. Она тем более является рациональной, чем тщательнее ведет к цели¹, наиболее желательной формой которой – в оговариваемой модели – есть отыскание по-возможности достоверных знаний, проясняющих механизм происхождения исследуемых явлений.

Поиски достоверных знаний позволяют обозначить очередную проблему «ремесла ученых» – касающуюся особенно исследователей социальной действительности – которой является язык, выражающий эти знания. В конечном итоге, о том, является что-либо научным или нет, свидетельствуют 2 важных элемента: метод и язык.

¹ Этим вопросом занимался К. Айдукевич, требуя заниматься так называемой разумной методологией вместо методологии нормативной. Применение этой директивы можно найти в труде Проблема рациональности различных способов умозаключений, К. Айдукевич, Язык и познание, Варшава 1985, т. II, с. 282-295; Г. Мортимер, Логика индукции, Варшава 1982, с. 158-159.

1.3. О языке

Каждая система знаний требует точности понятий, суждений и умозаключений. Принимая это во внимание, не трудно заметить, что окончательный «продукт» научного исследования – это выраженные знания, ведь можно рассуждать только о том, что удастся описать при помощи языка.

Исследование этого, только на вид незначительного, обстоятельства позволяет проследить необычайно важную роль, которую в процессе познания играет служащее исследователю компетентное владение языком¹. Этот общечеловеческий навык неизменно сопутствует каждому способу поведения, склонному к познанию, а тем более такому, для которого эта способность пользоваться системой символов в виде языка или какой-либо иной системой знаков, является отличительным фактором². Также в научной деятельности, ориентированной на поиск независимой от языка действительности, невозможно избежать этой процедуры, поскольку для того, чтобы сделать предметом исследования какое-либо положение вещей, надлежит предварительно принять решение в отношении выбора понятийного аппарата, при помощи которого будет описываться объект.

Понятия описывают содержание наших представлений и, в конечном итоге, позволяют судить о том, что «данные» опыта, поскольку нет «наблюдения, не отягощенного» языком – это сырой, не обработанный материал наших впечатлений, кристаллизующихся в «вещи» благодаря изложению его при помощи определенных языко-

¹ Por.: I. Kurcz, *Kompetencja językowa człowieka*, Warszawa 1987.

² E. Leach, A.J. Greimas, *Rytuał i narracja*, tłum. M. Buchowski. A. Grzegorzczak, E. Umińska-Pliszenko, Warszawa 1989, s. 46; por. także Berlin, *Motivation, Problems, passim*; D.E. Berlin, *Conflikt, Arousal and Curiosity*, New York 1960, *passim*.

вых категорий. Описание становится языковым соответствием исследуемого предмета, записью «данных» нашего опыта в какой-либо системе знаков; является чем-то вроде «перевода» чувственной информации об объектах внешнего мира на язык науки.

Однако проблема в том, что не удастся сконструировать такую его версию, в которой формулируемые положения были бы незыблемы с точки зрения правды и фальши, а тем более, независимы от того, кто их излагает, равно как и независимы от ситуации, в которой были сформулированы¹. Каждое научное исследование проводится в определенное время, внутри специфического — для того исторического момента — мира и языка науки. Следовательно, язык, выражающий то, что «данные» носят прикладной характер, а возможное благодаря нему описание выходит за рамки чувственного опыта и содержит неизбежный «довесок» (теоретическую составляющую), является продуктом нашего творческого воображения²²¹. Однако, не смотря на эти «довески» (в виде теоретических элементов), описание никогда не выходит за рамки эмпирического познания, только и всего, что остается — сомнительное существование теоретически нейтральной базы наблюдений. Следовательно, нужно признать, что все наши наблюдения неизбежно отягощены теоретическими положениями.

Природа связи, возникающей между изучающим и описывающим исследователем и изучаемым предметом, сложна, тонка, очень спорна и до конца не изучена. Полученные в результате чувственного опыта «данные», выраженные затем в виде описаний изучаемых явлений или

¹ W.V.O. Quine, *Granice wiedzy i inne eseje filozoficzne*. tłum. B. Stanosz, Warszawa 1986, s. 35; por. Także B.L. Whorf, *Język, myśl i rzeczywistość*, tłum. T. Hołówka, Warszawa 1982, s. 296.

² Por.: J. Bronowski, *Potega wyobraźni*, Warszawa 1988.

предметов, являются таким частным случаем взаимодействия между исследователем (субъектом исследования), языком и предметом исследования, где совершаемый ученым (политологом) выбор языка (и метода) обуславливает полученные результаты, которые, в том числе, и составляют эти «данные». Иначе говоря – род вопросов и язык, при помощи которого они сформулированы, определяют, с какой точки зрения и что будет исследоваться. Так что, в конце концов, полученные об этом фрагменте знания, выраженные посредством выбранного языка, являются собой случайный результат взаимных отношений между исследователем и предметом исследования¹. То, с чем, в конце концов, имеет дело политолог, проводящий научные исследования – это не только «политическая действительность сама по себе», но и определенный ряд экспериментов. Эти эксперименты организованы более или менее целенаправленно посредством понятий и обусловлены языком, который выступает в качестве посредника между предметом опытов и исследователем. Язык предоставляет исследователю категории, которые позволяют при помощи символов упорядочить и описать мир политических явлений в каком-то его фрагменте. Таким образом, познаваемая нами действительность – не что иное, как продукт проекции нашей «человеческой» системы понятий и связанного с ней языка на «действительность саму в себе». Изучение этого деликатного уклада позволяет выявить все возможные точки зрения, являющиеся неотъемлемым признаком каждого научного исследования.

Анализ точек зрения требует разделения двух его версий, а именно: точки зрения в смысле субъективном и точки зрения в смысле объективном.

¹ K. Mannheim, *Struktural Analysis of Epistemology*, [w:] K. Mannheim, *Essays on Sociology and Psychology*, New York 1993, s. 59, cp. также S. Nowak, *Metodologia badań socjologicznych*, Warszawa 1970, s. 220.

Рассмотрение точки зрения как свойства субъекта исследования позволяет признать существование: с одной стороны, общественного контекста познания, каких-то неизбежных общественных условностей, которым подвержен субъект, с другой же – его личных качеств, ограничивающих возможности познания¹. Наш чувственный опыт оказывается реакцией довольно сложной, в которую проводящий исследования вкладывает все свои способности, биологические и культурные, тем более, убеждения, систему ценностей, навыки интерпретации, рефлексы, наблюдательность и т. п., но, прежде всего, язык, требующийся для того, чтобы при помощи выбранных систем обозначений закрепить результаты или «данные», вытекающие из их чувственного восприятия. Однако, для того, чтобы эти чувственные ощущения можно было передать другим, вначале нужно выбрать определенный язык, чтобы иметь возможность выразить их в подробном вербальном описании или иной системе символов – такая процедура заменяет чувственные «данные» описанием фактов или же существующих между ними связей.

Поскольку, однако, не существует язык «чистой» перцепции², следовательно, мысли, выражающие наши наблюдения, всегда выстроенные при помощи какого-либо определенного языка, не могут нейтрально и объективно описать то, что «дано»³. Никогда понятия не тождественны явлениям, которые мы себе представляем, тем самым, понятие не может служить основанием для категорического суждения о том, что является действитель-

¹ Por.: Tomasello, *Kulturowe źródła, passim*.

² Перцепция – лат. *perceptio* – восприятие – чувственное восприятие, отражение вещей в сознании через органы чувств. *Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980, с. 280.*

³ S. E. Toulmin, *Human Understanding, Oxford 1972, t. 1, s. 170; por. także Kuhn, Struktura rewolucji naukowej, s. 143*

ным. Явление, трактуемое как фрагмент материальной реальности, и явление, рассматриваемое как предмет исследований, в определенном смысле не один и тот же объект. Тот взгляд, что, например, понятия «государство», «власть», «политика» могут быть фундаментом суждения о том, что есть государство, власть или политика, включает в себе молчаливое согласие с отождествлением понятия – категории аналитического характера – с реальной действительностью. Иначе говоря, всякое употребление понятий неизбежно связано с принятием посылок, систематизирующих материал, поддающийся вербализации¹, с тем, что этот порядок, выраженный при помощи нашего, определенного, языка не относится непосредственно к структуре действительного материального мира, но составляет лишь удобную методологическую формулу, не имеющую статуса онтологической. Сама схема понятий не содержит никаких утверждений о зависимости между явлениями эмпирического мира, впрочем, всякие связи, возникающие между отдельными понятиями, имеют аналитический характер, составляют исключительно результат принятых номинальных решений, не описывают действительные связи, постигаемые эмпирически.

Анализ понятия позволяет нам уяснить, какие явления или факты исследователь имеет ввиду, когда употребляет определенное выражение; каким образом описывает содержание его чувственных впечатлений.

Понятия также позволяют выделить и классифицировать эмпирические элементы определенной области реальной действительности. Они являются удобными и универсальными инструментами, служащими организации и упорядочению наших экспериментов, одновременно являя источник вдохновения, определяющий направ-

¹ Mannheim, *Struktural Analysis of Epistemology*, с. 19-20.

ление исследовательской деятельности. Схема понятий, идентифицируя явления, позволяет их исследовать, направляет наши наблюдения на то, что представляется нам по каким-либо причинам важным и значительным; и, следовательно, как существенная часть наших представлений становится элементом понятия.

В конечном итоге выбор схемы понятий способствует сосредоточению внимания исследователя на определенных типах научных тем и проблем; обеспечивает одну из возможных перспектив интерпретации эмпирического материала и позволяет постичь лишь фрагментарные знания об общественном устройстве.

Эта процедура, как видим, неизбежная, не является фактором, который можно было бы признать полностью нейтральным.

Выбор языка описания неизбежно связан и предопределяет принятие определенной точки зрения, в которой будет исследовано интересующее нас явление – а значит, представляет точку зрения в смысле объективном, корни которого произрастают из разнородности, в которой проявляется доступный эмпирически, реально существующий мир. Так происходит главным образом тогда, когда имеется в виду богатство и сложность общественной действительности, подверженной непрерывным изменениям и процессу общественного созидания.

Побудительной причиной существования общественного мира являются деятельные люди, способные к выбору целей и средств их реализации, но лишенные эффективных средств контроля над результатами своей деятельности, предвидеть которые, правда, можно лишь частично. Это означает, что общественная действительность не есть чем-то «данным», «готовым», наподобие природной действительности, но подвержена непрерывным изменениям, как во времени, так и в пространстве.

Чтобы выразительнее подчеркнуть это ее свойство, можно было бы с некоторым преувеличением сказать, что все ее компоненты возникают, а не есть, а также – могли бы быть иными, чем есть.

Возникающие в нашем сознании языковые системы (естественно или искусственно) позволяют придать некую структуру общественной действительности, явленной нам как беспорядочный поток чувств. Мы делим этот мир на части, упорядочиваем его, придаем ему в какой-то мере смысл при помощи понятий, неизбежно даем ему определенную оценку. Это означает, что «... наблюдатели не могут воссоздать тот же самый образ мира на основании тех же самых физических фактов, если их языковый багаж не соответствует, или хотя бы не сравним с этими фактами»¹.

Эти особенности приводят к тому, что полученные знания носят не полный характер, поскольку точка зрения есть результатом абстрагирования и неуклонно приводит к сокращению предмета исследования, к пренебрежению отдельными чертами или составляющими исследуемого фрагмента действительности. Ведь рассматривая предмет при ином взаимном расположении систем, выделяя иные причинные связи, мы рассматриваем его с определенной точки зрения в иных категориях понятий. Следовательно, познание в определенной мере происходит в процессе исследования, и выбор языка имеет при этом определяющее значение².

Это демонстрирует свойство конфигурации, эталона языка и стоящих за ним понятий, которое заключается в том, что каждая его форма составляет обширную и осо-

¹ N. R. Hanson, *Patterns of Discovery*, Cambridge 1958, с. 17-19; Kuhn, *Struktura rewolucji naukowej*, с. 138-144 и B. Harrell, *Symbols, Perception and Meaning, Sociological Theory: Inquiries and Paradigms*, L. Gross (red.) New York 1967, с. 104-127.

² J. Niżnik, *Przedmiot poznania w naukach społecznych*, Warszawa 1979, s. 109.

бую систему эталонов, при помощи которых становится возможным анализ действительности, но с которой неизбежно связано выделение одних или игнорирование других типов отношений и явлений¹.

Такое положение вещей помогает понять, почему мы никогда не исследуем явление «в комплексе» и ограничиваемся исследованием его в каком-то определенном аспекте, абстрагируясь от множества особенностей, которые это явление могут характеризовать, и от множества зависимостей, которые могут связывать его с другими явлениями².

В исследовательской практике общественных наук случается, что высказывания, характеризующие определенный аспект действительности, путаются с суждениями о действительности вообще, приводя к небезопасной деформации знаний об обществе (политике). Выделение же в исследовании какого-либо проявления этой действительности не является достаточным основанием для окончательных суждений обо всей общественной действительности, а в лучшем случае приводит к абсолютизации одного ее аспекта.

Аспективность (наличие множества точек зрения, с позиций которых возможно рассмотрение предмета) есть свойством предмета, разница же аспектов одного и того же явления (предмета), происхождения или процесса находит свое воплощение в разных направлениях языковой абстракции, в которой этот предмет рассматривается, но которые одновременно описывают «точку зрения» (аспект в смысле субъективном), будучи орудием, служащим субъекту исследования. Несмотря на то, что аспективность объективно обусловлена, все же субъект в про-

¹ Whorf, *Język, myśl i rzeczywistość*, s. 339-340.

² R. Wójcicki, *Wykłady z metodologii nauk*, Warszawa, 1982, s. 37.

цессе исследования выявляет ее. Оттеняя или изымая при помощи языка какой-либо фрагмент общественной реальности, исследователь создает свой предмет исследования, который содержит аспект в обоих указанных значениях.

Эта фрагментарность в исследовании действительности, выражающаяся в селективности понятий, не носит случайный характер, но обусловлена – в общем случае – различными интересами, потребностями, принятыми ценностями. Вот эти собственно условия определяют аспект, в котором действительность может стать действительностью объективной в смысле – доступной нашему пониманию¹.

Поскольку любое суждение об относительной значимости различных аспектов экспериментально постигаемого мира можно признать суждением оценочным, следовательно, осознание правильности своего выбора неизбежно носит оценочный характер. Всегда в подоплеке решений относительно выбора аппарата понятий кроются конфигурации аксиологических положений и онтологических предположений, которые «в последней инстанции» берутся судить о способе рассмотрения выбранного фрагмента мира, а иногда – особенно в общественных науках – впадают в философские построения идеологий или системы верований².

Эта селективность приводит к тому, что наше восприятие предметов или фактов не есть полным, оно ограничено, как и должно быть, принимая во внимание языковые ограничения, определяемые степенью человеческой опытности, а также результат избирательности внима-

¹ J. Habermas, *Niektóre trudności próby związania teorii z praktyką, Wprowadzenie lo nowego wydania, J. Habermas, Teoria i praktyka, Warszawa 1983, s. 32.*

² S. Nowak, *Odmiany filozofii nauki, S. Nowak (red.) Wzrye człowieka i społeczeństwa w teoriach i badaniach naukowych, Warszawa 1984, s. 25.*

ния, направляющего наши наблюдения на то, что мы вообще можем постичь. Общественная действительность – это невообразимое множество общественных явлений, вовлеченных в непрерывные взаимодействия и подверженных изменениям. Общественный мир складывается из единиц, групп, институт, власти, бюрократии, государства и множества других весьма отличающихся, разнородных и взаимопроникающих явлений. Схемы понятий, создаваемые исследователями, являются хорошим и необходимым подспорьем, применяемым при изучении и описании устройства этого мира.

В языке отражается то, как мы понимаем и чем наполняем наше сознание, и, в то же время, приводит к тому, что наши научные знания, представляющие упорядоченную модель мира, всегда являются интерпретацией этого мира и не отражают «пассивные» вещи такими, какими они есть независимо от наших познавательных усилий.

2. ПОЛИТОЛОГИЯ КАК ЭМПИРИЧЕСКАЯ НАУКА

2.1. Предмет исследования эмпирической политологии – философские предпосылки

За аналитически-эмпирической моделью науки, от которой берут начало общественные науки, кроется множество философских убеждений и положений, образующих фундамент для каждого определенным образом сориентированного и сознательно осуществляемого направления исследовательской деятельности.

Все исследователи – в том числе, и те, которые занимаются общественными явлениями – принимающие упоминаемую модель научности, должны разделять, по крайней мере, 3 начальные условия. Во-первых, они должны быть согласны с тем, что существует внешний мир, и он обладает теми или иными качествами, независимо от человеческих наблюдений за ним. Во-вторых, они должны достичь согласия в отношении цели проводимых ими исследований. И, наконец, в-третьих, их должно объединять убеждение, что познание вообще возможно, ведь именно для этого существуют примеры методологии, общие для специалистов, являющиеся правилами реализации данной модели науки, всегда функциональные в отношении поставленных целей, составляющие характерные правила, как должен быть организован исследовательский процесс, чтобы можно было достичь желаемого результата – по-возможности, истинного познания.

Какие последствия для исследователей мира общественных явлений влечет за собой принятие перечисленных условий? Прежде всего, они позволяют поддерживать обоснованное убеждение, что действительный общественный мир существует вне нас, в определенной мере он упорядочен и структурирован, а это означает, что ему присуща некая регулярность, которую мы можем распознать, и порядок. В конце концов, столкновения не происходят в нем случайно, но имеют собственную закономерность, которая может быть распознана и изучена как следствие естественных причин¹. Общественная действительность признается нами как упорядоченная и внешняя по отношению к человеку, он же (человек) трактуется как существо не вполне самостоятельное, по крайней мере, частично зависящее от тех вещей, на которые не имеет влияния, и что, в принципе, находится за пределами его сознания. Эти убеждения в общественных науках выражают многочисленные, отличающиеся друг от друга в деталях, концепции природы человеческой натуры, общества и истории.

В свою очередь, за ними кроется философское по своей природе положение. Это вера в то, что термин «наука», не взирая на то, какое значение ему придают – функциональное, указывающее на исследовательскую деятельность или же информационное, подчеркивающее результаты этих исследований, т. е., научные знания – относится к объективно или потенциально существующей действительности, к реальному миру, независимому от состояния субъективного сознания. Только в этом случае наука, реализующая цель познания, может стать основой для практических исследований, позволяющих технически ее

¹ Ch. Frankfurt – Naczmias, D. Naczmias, *Metody badawcze w naukach społecznych*, Tłum. E. Hornowska, Poznań 2001, s. 20.

использовать, или же для знаний практических, определяющих свод правил (научной) деятельности.

Следовательно, действительность понимается как сумма всех эмпирически наблюдаемых – непосредственно или опосредованно – объектов, условий и случайностей, существующих независимо от нашего сознания и воли, включая и человеческие существа как психофизическое целое. Требуется также согласие в отношении положения о материалистической природе объективно существующей действительности, то есть, независимо от субъективного восприятия сознательного субъекта. Иначе говоря, в основе научного знания, построенного в рамках аналитически-эмпирической модели, лежит стремление к познанию внесубъективной действительности. Научные исследования описывают эту действительность и упорядочивают ее в соответствии с нашими познавательными возможностями и воображением, а значит, не обязательно приводят к констатации того, что действительно происходит, поскольку упорядоченность и регулярность в них не трактуются как неотъемлемые атрибуты наблюдаемых общественных явлений.

Следовательно, общественные явления надлежит понимать как вещи, а это влечет за собой неприятную необходимость взглянуть на себя так, как будто бы мы были объектами природы¹. Такое положение в конечном итоге подчеркивает подобие между общественными науками и естествознанием: особенно оно проявляется в тех случаях, когда общественные науки исследуют то, что составляет общую часть предмета их заинтересованности. Составляют ее специфические общественные, культурные факты, возникающие всегда совместно. Это ряд коллективных явлений в виде поддерживаемых всеми убежде-

¹ E. Durkheim, *Zasady metody sociologicznej*, tłum. J Szacki, Warszawa 2000, s. 42.

ний, групповых стандартов поведения, свойственных для данного сообщества или института, являющихся примерами общественной деятельности, вырабатываемыми в определенный отрезок времени и на определенной территории.

Для исследователя общественные явления являются в этих условиях элементами «внешней» реальности, возникают и длятся независимо от нашего желания и воли, и не имеет значения, знаем мы о них или не знаем – они неизбежны, подобно природным явлениям.

Таким образом, общественные явления вместе с законами природы составляют важную «... часть объективного окружения каждого человека, совместно создавая комплекс внешних факторов, обуславливающих любые человеческие поступки и всю человеческую жизнь»¹, являются тем, что человек создает и привносит в природу. Их существование как «вещи» приводит к тому, что они становятся причиной наблюдаемой регулярности человеческих начинаний, а в конечном итоге, общественного порядка.

Другим неизбежным положением описываемой модели является признание познаваемой природы, за чем следует вера в то, что человеческие сообщества могут быть признаны – при определенных условиях – частью этой природы наравне с другими ее объектами. В конечном итоге, можно принять, что общественные явления не являются чем-то случайным и хаотическим, но демонстрируют достаточный уровень упорядоченности и повторяемости, чтобы можно было их подвергнуть эмпирическому научному исследованию. Таким образом, мы выражаем убеждение в том, что можем познавать не только природные явления, но и исследовать себя самих, несмотря на

¹ Z. Bauman, *Sociologia*, Poznań 1996, s. 227.

то, что как объект познания, а вместе с тем, предмет познания, принадлежит к тому же самому миру.

Цели и методы эмпирических и теоретических естественных наук, развиваемых в аналитически-эмпирической модели науки, имеют определенное значение для общественных наук, особенно в тех случаях, когда они концентрируют свои исследования именно на действительных явлениях, поддающихся эмпирическому исследованию, описанию и объяснению, которые позволяют формулировать обобщения и теории, придающие этим наблюдаемым фактам смысл.

При этом неизбежно приходится разделять убеждение, согласно которому, общественные явления надлежит исследовать объективно, в непосредственном чувственном опыте, интерсубъективно проверяемом и распространяемом точно так, как исследуются все иные «внешние» объекты, ожидающие изучения, описания и объяснения.

Это влечет за собой соответствующую стратегию построения теории и эмпирических исследований, которые при таких предпосылках становятся направленными на изучение регулярности функционирования общественного порядка, пытаясь таким образом отыскать научные решения вопросов – что, как и почему происходит в мире общественных явлений. Направленные таким образом общественные науки продвигаются к описанию того, что происходит в общественной действительности, к объяснению наблюдаемых явлений, но также к прогнозированию того, что произойдет, руководству тем, что происходит, и, наконец, к подъему качества жизни путем изменения того, что есть. Существующие примеры организации общества являются реальными, внешними объектами, поддающимися описанию и научному объяснению.

Общественные и политические науки, понимаемые как дисциплины, эмпирически исследующие «внешние объекты» в мире общественных явлений, содержат знания, добытые научным методом, претендуют на превосходство над обыденными мнениями и взглядами. Эти знания, как принято считать, содержат подробную, достоверную и проверенную информацию о действительном положении вещей. Это знания, основанные на фактах и заканчивающиеся фактами, но сверх того, мы находим в них структуры, содержащие теоретические идеи, домыслы, благодаря которым становится возможным упорядочить факты и связь между ними. Эти теоретические структуры иногда непрерывно модифицируются, иногда отменяются, когда факты не совпадают с ними.

Занятия политическими (общественными) науками, в соответствии с рассматриваемой моделью, требуют также принятия положения, в соответствии с которым, все природные явления имеют естественные причины, и отказ от веры в возможность существования причин, которыми были бы иные силы, нежели те, которые открыты в процессе исследования природы. Это положение необходимо для эмпирических методов исследования, выискивающих закономерности и порядок вещей, лежащих в основе природных явлений. Если нам удастся указать и описать такую упорядоченность, то мы можем использовать ее как аргумент в пользу существования закономерности какой-либо причинно-следственной связи¹ или, иначе говоря, корреляции.

Поскольку, однако, в науке ничто до конца не познано – поэтому всегда существует вероятность ошибки – а истины никогда невозможно окончательно достичь, то в конечном итоге остается временно признать формули-

¹ L. Nowak, *Wstęp do idealizacyjnej teorii nauki*, Warszawa 1977, s. 66-67.

ровку истинной, поскольку она согласуется с теми знаниями, которыми мы овладели на сегодняшний день, которые относятся к ее эмпирическим и формально-логическим положениям. Принятие такого положения требует от нас непрерывно заботиться о проверке и обосновании истинности научного знания, одновременно делая научное мышление о политических явлениях скептическим и в то же время критическим.

Аналитически-эмпирическая модель также требует, чтобы научные знания были знаниями эмпирическими, основанными на чувственном опыте, на наших чувственных ощущениях, являющихся соединительным мостиком между нами и внешним миром постольку, поскольку физические, биологические и общественные черты нашего мира влияют на наши чувства.

Однако многие события невозможно непосредственно изучить или наблюдать, и их удастся выявить только опосредованно, опираясь на наблюдения и результаты этих наблюдений. Тем самым, научное знание о мире общественных явлений хоть и является неполным, постигается исключительно путем непосредственного чувственного восприятия. Более того, наблюдение, как определенная форма психической активности, не является изоморфным «чистым» отражением предметов, на которые направлено наше чувственное восприятие, а лишь зависит от терминов, понятий, теорий, и более – от выраженных при помощи данного языка – уже приобретенных знаний.

В рассматриваемом образце науки можно отыскать еще одно, заслуживающее доверия, и, вместе с тем, доставляющее хлопоты политологам, убеждение. А именно, считается, что научные знания превосходят невежество, поскольку науку не интересуют любые знания, а только те, в отношении которых мы можем питать надежду на то, что они истинны.

На самом деле, наука предусматривает существование возможности познать себя, как и природу, но одновременно указывается, что ценность познания, т. е., истинность научного знания всегда зависит от доводов, эмпирических обоснований, методик, а также принимаемых во внимание теорий, управляющих нашими наблюдениями и языком, которым оно (знание) выражается. В конечном итоге, научные знания подвергаются непрерывным изменениям, всегда остаются частичными, поскольку относятся лишь к фрагментам реального мира и не в состоянии охватить исследуемые явления в целом. Более того, всегда допускаются модификации по мере того, как выявляются ошибки наших экспериментов и рассуждений¹.

Можно сказать, что сила и слабость научного подхода лежит в природе истины, которая не есть полной и ее невозможно окончательно доказать, но в то же время, стремлением к ней нельзя пренебрегать. Ведь именно истина является целью науки, подобно тому, как прибыль является целью торговли.

Указываемый историками науки недостаток однозначных критериев научности общего характера объясняется непрерывным поиском таких организующих процесс науки принципов и условий, которым должны соответствовать научные знания, для того чтобы идея, которую можно было бы в самом общем смысле назвать стремлением к истине, становилась бы все более достижимой.

Однако же, та самая идея стала для науки источником многочисленных хлопот и сомнений, проявляющихся в острых, спорных, трудно разрешимых полемиках².

¹ J. Such, *M. Szczęśniak, Filozofia nauki, Poznań 1997, s. 36.*

² F. Fernandez-Armesto, *Historia prawdy, tłum. J. Ruszkowski, Poznań 1999, s. 178.*

Легче решиться опустить характеристику проблематики, связанной с идеей истины, упоминая только о том, что в науке имеется ввиду, прежде всего, некая версия истины в ее классическом понимании, с надеждой на то, что наши частичные знания приближают нас к познанию сущего.

Сегодня нам уже известно, что знания, полученные при помощи научного метода, предлагают нам только предположительно достоверные данные, отягощенные нашей субъективностью и зависящие от существующей и доступной на данном отрезке времени «инфраструктуры сознания», однако же, ничем лучшим мы не располагаем. Этого не достаточно, чтобы объявить окончание науки, тем более, что, несмотря на сомнения и неудачи, научные знания неустанно расширяют свободу творчества человека – от его выбора зависит, как ими воспользоваться.

Стоит также подчеркнуть, что действительно слабым местом современной науки стало осознание ее собственных ограничений, «эпистемологическая неуверенность», выражающаяся в недостатке веры в удачный выбор декларируемых утверждений. Но эти сомнения были сформулированы не только под влиянием критического анализа результатов человеческой интеллектуальной деятельности – как это все обычно делалось до сих пор – но вследствие достижений самой науки – эмпирической психологии и нейрофизиологии, исследующих ход процессов познания. Результаты этих исследований принесли плоды в виде умножения информационного содержания науки, а также предоставили метатеоретические знания об ее недостатках и ограничениях настолько принципиальных, что они не позволяют достичь уверенности в наиболее общих понятиях¹.

¹ J. Życiński, *Teizm i filozofia analityczna*, Kraków 1985, s 195; por. Także E. Nagel, J. R. Newman. *Godel's Proof*, New York 1958.

В конечном итоге, для большинства современных исследователей стало очевидным убеждение, что любые эмпирические знания о мире носят временный характер, неисправимо гипотетический, и не только intersubъективно постижимы и подтверждаемы, но также в определенном смысле требуют intersubъективного согласования, являясь, таким образом, слабым зачатком знания в смысле истинного познания.

Однако не следует принимать такое положение вещей за поражение, совсем наоборот. Это одна из причин, по которым наука и в дальнейшем остается такой динамичной, определяет ее самосознание, непрестанно подвергая сомнению самое себя. Отрицание или принятие какой-либо завершенной идентификации, постоянная неуверенность, беспокойство и поиск ошибок – следует признать ценными атрибутами современной науки.

2.2. Примеры научности политологии

Вопрос об особенностях исследования (функциональный аспект науки) и знания (информационный аспект науки), которые характеризуются понятием «научные», – это основополагающий методологический вопрос, то есть, вопрос о признании критерия научности и возможности отрицания его в данной системе знаний. Ответ нам дает методологический анализ, определяющий, как осуществляется научная деятельность, и какие результаты она приносит, т. е. каков методологический статус данной дисциплины. Решение этой проблемы возможно благодаря существованию общепринятых и признанных образцовыми взглядов в отношении способов постижения научных знаний, и, прежде всего, взглядов, касающихся критериев познания, признания их научности. Это при-

знанная модель науки вместе с теми философскими принципами, которые она содержит и которые применяются при определении правил принятия либо отрицания утверждений, служащая для определения способов правильного построения теории и основ удовлетворяющего всех объяснения явлений. Их исследованием занимается методология *в широком смысле*, прикладная метанука, анализирующая исследовательские процессы и научные знания с эпистемологической точки зрения, т. е. рассматривающая науку как «путь к познанию мира», а не как общественное явление, продукт человеческой деятельности или сферу культуры.

Признание этих взглядов требует по-возможности наиболее четкой постановки задач, касающихся познавательных функций, поскольку это является условием формулирования норм, трактуемых в исследовательском процессе как правильные и привилегированные. Эти «предписания», а шире – метод, позволяют достичь в научной деятельности определенного единства взглядов по отношению к рациональным убеждениям научной общности, *консенсуса* в вопросе правил оценки, принятия и отрицания знания, а это равнозначно принятию положения о том, что существуют определенные нормы познания, безоговорочно обязательные, которые никто не может отрицать – по крайней мере, в данный момент времени и при данных обстоятельствах.

Перефразируя известное выражение Пола Лазерфельда, можно констатировать, что, поскольку политолог исследует отношения или связи власти в обществе, то ученый, занимающийся методологией, наблюдает и изучает политолога за работой, выясняя, какую познавательную ценность имеют его труды.

В настоящее время методология не пользуется особой популярностью среди представителей общественных

наук. Просвещенное мнение о ценности науки часто бывает сформировано теми, кто провозглашает, что ее аналитически-эмпирический образец не может удовлетворить исследователей общественных наук и совершенно не соответствует требованиям. Встречаются также мнения, пропагандирующие в отношении науки принцип «дозволено все» и допускающие «методологический дадаизм¹», отождествляющие науку с «мифом», «еще одним повествованием» или «общественной конструкцией», каких не мало. Однако же, те, кто разделяют такие взгляды, помимо собственной воли или же сознательно утверждают познавательный нигилизм, лишая смысла занятия всякой научной деятельностью.

Научный метод, несмотря на ряд несовершенств – мы накапливаем благодаря ему частичные знания, не вполне достоверные и отвлеченные – все более признается как современный образец рационального мышления. Это потому, что он, не взирая на свой логический статус и эпистемологические достоинства, по мере всеобщего признания метода реальных наук, в результате правильного применения приобретает огромную силу убеждения. Заключается она в идее эксперимента или – шире – чувственного опыта, имеющего экстроспективный² характер, как творческого наблюдения доступного многим исследователям в разных местах и в разное время. Сила убеждения такого повторяющегося опыта непреодолима,

¹ Дадаизм – фр. *Da da* на языке детей – игрушечная лошадка – набор бессмысленных слов. *Словарь иностранных слов* (под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова), 5-е изд., перераб. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей 1955, с. 198.

² Экстроспективный – лат. *extra* вне + *speciare* смотреть – основанный на объективном наблюдении внешних проявлений; э. метод – псих. метод объективного, внешнего наблюдения поведения других людей. *Словарь иностранных слов* (под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова), 5-е изд., перераб. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955, с. 198.

поскольку трудно противоречить свидетельству чувств такого множества свидетелей.

Однако, по этой же причине, взгляд на мир, в котором первостепенной величиной есть явление, изучаемое наблюдателем, порождает проблему, заключающуюся в потребности синтезировать различные опыты каждого человека. Отсюда выводится идея, утверждающая, что наука есть знание intersубъективное, что приводит к тому, что научным может быть признан только тот багаж знаний, который сможет найти *консенсус*. Это требует, чтобы наблюдатели точно так же к нему подходили и исполняли те же самые роли в его принятии и интерпретации. В этом случае необходимо взаимопонимание между исследователями, возможным его делает научный метод, обеспечивающий – кроме процедур познания – также процедуры коммуникативные. Взаимопонимание достигается легче и полнее в том случае, когда исследователей объединяет общность эксперимента, выполняемого таким образом, чтобы можно было подтвердить исследования, составляющая фундамент для intersубъективного подтверждения и общения, то есть, условий, позволяющих судить об эмпирической объективности исследовательских усилий¹.

Методология определяет также основания и принципы делаемых заключений, являющихся одной из фундаментальных черт научного подхода. Наиболее общим образом сформулированный, но отметим, что по-разному интерпретированный и реализованный, постулат рациональности научного познания гласит «...что каждое суждение, претендующее на истину, должно быть как можно более основательно, характерными для него способами обосновано, и что основательность этого обосно-

¹ K. Szaniawski, *O nauce, rozumowaniu i wartościach*, Warszawa 1994, s. 8-17.

вания должна определять степень его признания». При этом желательно, «...чтобы основания признания суждения, то есть методы его обоснования, были наглядными и повторяющимися, доступными многим разным субъектам познания, и тем самым, чтобы утверждения, опирающиеся на них, подлежали контролю и критике»¹. Знания, которые мы приобретаем, используя такой метод, правдоподобны, несмотря на то, что подтверждение опытом – такое для нас убедительное – не гарантирует ни того, что эти знания точны в смысле логики, ни того, что они истинны. Всего лишь и только, что примененный метод позволяет логически упорядочить результаты наблюдений и наметить образец, по которому можно сверять результаты наблюдений.

2.2.1. Аналитически-эмпирическая модель

Принятие наукой аналитически-эмпирической модели склоняет нас к признанию существования принципа единства науки. Последствия этого утверждения имеют довольно серьезное значение для методологического статуса общественных наук, тем более что вместе с естественными науками они входят в состав прикладных наук, отличительной чертой которых является свойственная им эмпиричность.

А именно, признается, что эта модель научного познания должна направлять и определять исследовательскую деятельность, независимо от ее предметной ориентации и несмотря на распространенное мнение о том, что в действительности отдельные научные дисциплины не однородны с точки зрения возможности удовлетворить

¹ М. Hempoliński, *Filozofia współczesna. Wprowadzenie do zagadnień i kierunków*, t. 1, Warszawa 1989, s. 33.

выдвигаемые перед ними методологические требования. Кроме того, они, в соответствии с общепринятым мнением, испытывают трудности в однозначном разграничении сугубо научного познания и различных иных типов знания, появляющихся в интеллектуальной культуре данного сообщества¹.

Принятие принципа «единства науки» имеет в своей основе всеобщее согласие в отношении направления, которому должны следовать как естественные, так и общественные науки. За этим кроется надежда на то, что эмпирические общественные науки, вопреки огромной разнородности человеческого поведения, могут найти некие упорядоченность, закономерность, подобные тем, которые открывают в предмете своих исследований ученые-естественники. Этому сопутствует убеждение, что аналитически-эмпирические методы естественных наук могут и должны быть применены в науках общественных, поскольку «познавательный интерес» этих наук общий – и состоит он в методологическом познании, подтвержденном эмпирически, позволяющем постичь совокупность устойчивых связей между явлениями.

Такое положение вещей подтверждает анализ результатов исследований естественных наук, которые в значительной степени оправдывают ожидания, определенные принятой моделью науки. Их метод признается образцом научного метода, а постигаемые благодаря ее (модели науки) применению знания – идеалом научных и рациональных знаний, то есть таких, которые содержат не только информацию об окружении, но и позволяют досконально в ней ориентироваться.

Привлекательность такой модели наук об обществе очевидна, принимая во внимание тот факт, что заинтере-

¹ N. Elias, *Zaangażowanie i neutralność*, tłum. J. Stawiński, Warszawa 2003.

сованность общественно-исторической действительностью всегда включала также стремление к ее изменению. Она соединялась с мечтой управлять нашим свободным выбором, контролировать его и формировать, прогнозировать, критиковать и иметь возможность корректировать, веруя, в то, что в будущем можно построить такой общественный порядок, который будет заведомо лучшим, чем тот реальный, который существует сегодня.

Надежда на постижение такого знания связана с необходимостью принять тезис о, по крайней мере, частичной общности методологических проблем реальных наук, и, стало быть, согласиться с «методологическим натурализмом»¹.

В этом случае основной задачей научных дисциплин, организованных в соответствии с аналитически-эмпирической моделью, становится постижение поддающихся верификации, по-возможности достоверных, научных знаний. Более того, знаний, которые не только позволяют и помогают нам описать, но, прежде всего, дают шанс выяснить, предвидеть и, в конце концов, правильно понять интересующее нас эмпирическое явление.

Называя, среди прочих, такие дисциплины, как экономика, социология или политология, «науками общественными», мы выражаем убеждение, что они проводят систематические исследования определенной эмпирической сферы и постигают именно те знания, о которых идет речь в этой модели науки.

Следовательно, ожидается, что политические науки будут располагать запасом установок, превышающих познавательной ценностью распространенные мнения и взгляды, предоставляющих подробную, достоверную и проверенную информацию о том, каково действительное

¹ Por.: T. Klementewicz, *Spór o model metodologiczny nauki o polityce*, Warszawa 1991.

положение вещей, а также делающих возможным прогнозирование возникновения в будущем определенных общественных формаций.

Надежды этого рода, связанные со знаниями политических наук, приводят к постановке перед ними тщательно сформулированного требования научности, то есть, к использованию методов, которые используют в своих исследованиях естественные науки. Обратимся здесь к методологической модели, более предпочтительной, поскольку естественные науки, благодаря ней, достигают эффективных результатов. Эти результаты представлены в виде информации, позволяющей, если не управлять, то, по крайней мере, распознавать и, в значительной мере, контролировать предметы своих исследований.

Однако, с другой стороны, эта модель, требующая принятия «методологического натурализма», порождает среди исследователей множество существенных сомнений и противоречий, становясь неудобным объектом бесконечных полемик в среде общественных наук.

В результате проводимых дискуссий удалось определить очевидные недостатки этой модели для исследований общественных явлений. Но, вместе с тем, удалось установить, что полное пренебрежение нею (моделью науки), было бы так же ошибочным, как и признание за ней исключительности в определении того, что является, а что не является научным исследованием и научным знанием, имеющими в качестве предмета исследования явления общественного мира.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что признание аналитически-эмпирической модели как единственно обязательной для научных исследований и научных знаний, может обернуться в этих условиях проблемой, которая осложнит определение того, что является, а что не является наукой. А это, в конечном итоге,

может привести к дискуссии о том, в каком значении общественные дисциплины (политические науки) являются науками в понимании рассматриваемой модели. В то же время, легко можно отыскать аргументы, свидетельствующие в пользу отрицания притязаний этих наук на признание их в качестве научных дисциплин, указав на все те элементы в их методе и полученных результатах, которые отличают их от эталона (образца). Это, в свою очередь, может служить основанием для признания позиций методологического натурализма ошибочными. Но также возможно – принимая во внимание, что общественные дисциплины не являются науками, которые осуществляют свою деятельность в точном соответствии с принятым образцом – утверждать, что, хотя атрибут научности и не присущ им безоговорочно, но все же достижение ими определенной степени научности вполне возможно.

Но даже если в общественных науках признается общепринятая в естествознании модель науки, ориентированная на постижение знаний, имеющих одновременно достоинства познавательные и практические, и, вместе с тем, признается, что наилучший метод, ведущий к этой цели, тот, которому неотступно следует естествознание, – это вовсе не означает, что наукой может быть только такая деятельность, в которой этот образец науки удастся верно использовать¹.

Можно согласиться с существованием множества разновидностей методологической модели в рамках единой концепции науки, ставящей те же самые цели; то есть такие, в содержании которых кроются надежды на постижение по-возможности достоверных знаний. Означает это только то, что отдельные дисциплины достигают различной степени приближения в отношении поставлен-

¹ Por.: W. Kymlicka, *Współczesna filozofia polityczna*, tłum. A. Pawelek? Kraków 1998

ных целей, причем лучше всего это удастся, применяя метод естественных наук, тем самым, признавая его образцом научного метода и научной рациональности. Но в то же время, признаются научными и другие версии методологической модели, допускаемые аналитически-эмпирическим образом, которые, однако, принимая во внимание намеченные для реализации цели, не столь же результативны.

В пользу принятия такого положения говорит наблюдение за исследовательским процессом, подтверждающее применение в эмпирических исследованиях общественных явлений множества разнородных теоретических подходов, равно как и методологических. Иногда по этому поводу дело доходит до пылких полемик между сторонниками различных понятийных позиций, выделяющих фрагменты общественной действительности. Но все же, стороны в ходе этих дискуссий не выражают сомнений в существовании некой «внешней» общественной реальности и, более того, в способе ее языкового представления¹. Они понимают, что не существует ни одного способа, позволяющего исследователям полностью преодолеть свою человеческую сущность, чтобы увидеть и понять мир общественных (политических) явлений таким, каким он есть в действительности, т. е. независимо от всех человеческих перспектив. В то же время, они не теряют надежды на то, что под поверхностью огромного разнообразия человеческого поведения существуют закономерности, которые удастся проследить в тот момент, когда будут созданы соответствующие методы наблюдения и придуманы достаточно смелые идеи (теории), которые смогут объединить результаты этих наблюдений.

¹ J. H. Turner, *Struktura teorii socjologicznej*, Warszawa 1985, *passim*.

Согласие с такой точкой зрения вовсе не должно означать признание аналитически-эмпирического образца науки единственно необходимым или достаточным для исследований политических (общественных) явлений. Если упоминаемый образец и связанные с ним возможные методологии объявить категорически обязательными, то содалась бы весьма щекотливая ситуация, вынуждающая избегать в научных исследованиях проблем, возможное решение которых не могло бы рассчитывать на всеобщее признание¹, поскольку не соответствовало бы общепринятым методологическим принципам.

Это неприятная необходимость, влекущая за собой принятие аналитически-эмпирической модели науки и признание ее достаточной основой для научного познания мира общественными науками. Такое решение неизбежно связано с рядом ограничений, между прочим, с признанием рефлексии, с вынужденным пренебрежением исследованиями существенного аспекта общественной действительности, что, в конечном итоге, позволяет постичь только фрагментарные знания о ней. Знания, которые касаются едва лишь части общественной материи, именно той, которая представляется отдельному человеку как «внешняя» действительность, навязываемая нам как «данность», по отношению к которой мы ощущаем себя полностью бессильными.

Но это лишь тот сегмент общественных явлений, которые – несмотря на то, что не существовали бы без людей – все же не находятся внутри личности, но вне ее. Явлений, составляющих элемент объективного окружения людей, участвуя в формировании совокупности внешних мотиваций человеческих поступков, поведения или об-

¹ J. Ziman, *Spółczesność nauki, tłum. E. Krasieńska, Warszawa 1972, s. 72.*

щественных отношений, являющихся общественной сущностью человеческой жизни¹.

Они поддаются эмпирическому исследованию, по крайней мере, в определенной степени соответствующему принятому образцу этого исследования, направленному на изучение всех «внешних» вещей, как общественных, так и природных, подобным же образом. Однако же, уровень сложности общественных явлений намного превосходит возможности, которые предоставляет исследователю научный метод в плане исследования природы, и ничто не указывает на то, что это несоответствие удастся когда-либо ликвидировать. Приходится также согласиться с тем, что достойные внимания решения, доступные в сфере общественных дисциплин – в силу необходимости, в известном смысле, помимо научных знаний – должны содержать также иные формы знания, необходимые для ориентации человека в мире общественных явлений.

Однако, аналитически-эмпирический пример научности общественных дисциплин не только доставляет много хлопот по причине ограниченных возможностей метода, но и порождает ряд сомнений этического свойства. Так, сегодня все более распространяется мнение, что инспирированные ими эмпирические исследования общественных, то есть, политических явлений, приносят знания, позволяющие превратить человека в «объект», – а, значит, знания, практическое применение которых создает возможность манипулировать и превращать людей из субъектов собственных поступков в объекты чьих-то замыслов².

¹ Bauman, *Socjologia*, s. 227.

² М. К. Млицки, *Zagadnienie informacji i dezinformacji społecznej*, J. Rudniański, K. Murawski (red.), *Sposoby istnienia – sposoby działania wobec siebie i innych*, Warszawa 1988, s. 125-140.

Истинность этого утверждения находит, между прочим, свое подтверждение в том факте, что знания о достижениях общественных наук мало распространены. Невежество же в этой отрасли и даже дискредитацию познавательной ценности накапливаемых знаний об обществе иногда преднамеренно используют как социотехническую меру для ограничения свободы выбора человека и возможности спрогнозировать его поступки¹. В случае же признания и широкой популяризации убедительно подтвержденных достижений общественных наук (например, политических явлений), они могут утратить свое значение. Произойти это может вследствие того, что способы человеческого поведения, исследование которых было в их основе, претерпят – под влиянием приобретенных людьми знаний – изменения, и, таким образом, станут непредвиденными².

2.2.2. Герменевтически-гуманистическая модель

Те, кто сомневается в удачном осуществлении аналитически-эмпирической программы науки в сфере общественных дисциплин, зачастую отмечают эту программу принципиально и утверждают, что цель, к которой должна быть устремлена исследовательская деятельность научного характера в общественных дисциплинах, должна быть иного рода.

¹ A. Siciński, A. Raźniewski (red.), *Studia z teorii i metodologii prognozowania społecznego. Prognozowanie zachowań*, Warszawa 1976, s. 15-24.

² F. Nagel, *Struktura nauki*, tłum. J. Giedymin, B. Rassalski, H. Eilstein, Warszawa 1970, s. 401

Эти сомнения легли в основу герменевтически¹ – гуманистической модели науки. Модель эта является внутренне дифференцированной, функциональной во многих отношениях, начиная от концепции разумной социологии Макса Вебера, способной к накоплению объективных знаний о субъективной действительности человека, и заканчивая радикальными постулатами, содержащимися в концепциях постмодернистских общественных наук, внушающих, что не существует никакой объективной реальности, т. е. такой, которая не зависела бы от человека и которую можно было бы наблюдать как внешнюю по отношению к исследователю. Существует только несколько наших субъективных перспектив; ничего не существует там, вне. Все сосредоточено тут, внутри, в моем сознании². Поскольку мир людей – это мир смысла и значений, мир целесообразности, самосознания и авторефлексии, для понимания его сущности необходимо исследовать внутренний контекст в виде внутренних состояний предмета познания.

Сторонники этой модели подчеркивают, что общественные науки в вопросе метода существенно отличаются от естественных наук, поскольку то, что исследуют те, первые, то есть общество, «общественный факт», не может быть истолковано соответствующим образом для предметов или явлений в мире природы. Повод очевиден – общества существуют только постольку, поскольку создаются и отражаются в наших собственных, человеческих деяниях. Нельзя думать, что будто бы их причины предо-

¹ Герменевтика – гр. *hermeneutike* – толкование, объяснение – теория и искусство истолкования текста древних литературных произведений (рукописей, книг, памятников). Словарь иностранных слов (под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова), 5-е изд., перераб. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955, с. 168.

² W. Anderson, *Reality Isn't What It Used to Be: Theoretical Politics. Ready-to-Wear Religion, Global Myths, Primitive Chic and Other Wonders of the Postmodern World*, San Francisco 1990.

пределены так же, как и явления природы. Человек – не биологический механизм, реакция которого на раздражитель могла бы быть исчерпывающе определена физической структурой этого механизма. Вся общественная действительность постоянно создается заново и наполняется смыслом благодаря людям, их ежедневным взаимоотношениям. Отличительными чертами этих взаимоотношений являются оригинальность и исключительное своеобразие, присущие поведению человека. Они не поддаются простому объяснению при помощи категорий причинно-следственных связей. Ведь иные люди – это мир сознательных объектов, обладающих различными знаниями, различным пониманием мира, в котором они существуют. Их начинания наделены каким-то субъективным смыслом, который поддается пониманию, поскольку люди руководствуются важными для себя мотивами, действуют, чтобы достичь поставленных целей, в основу которых заложены принятые ими нормы и ценности.

В то же время, одним из самых существенных ограничений аналитически-эмпирической модели является ее беспомощность перед нормальным человеческим поведением. Причина этого заключается в том, что из ее поля зрения выпадает тот факт, что человеческое поведение более обращено в направлении субъективно определенных целей, нежели определяется причинами, или же какими-либо целями, существующими независимо и вне контроля сознания.

Своеобразие и исключительность человеческой природы заключается в том, что начинания человека имеют смысл, они мотивированы необходимостью достижения поставленной цели. Это требует от исследователя более понимания, нежели толкования в аналитически-эмпирическом смысле, т. е. через указания на какие-то закономерности в возникновении явлений. Следовательно, понять

какой-то поступок – это всего лишь открыть его смысл, т. е., тот, который ему придает действующий человек.

Направленные таким образом исследования общественных явлений открывают знания, позволяющие понять действия акторов, участвующих в интерсубъективных «формах жизни». На основании этих знаний наступает усовершенствование самосознания и упрощение «коммуникативного контакта» между сообществами с различными традициями. Полученные знания выполняют «передаточную» функцию, позволяя достигать взаимопонимания между чуждыми друг другу в культурном отношении сообществами, и одновременно упрощая им процесс «открытия мира».

Задачи и цели проводимых в этом духе исследований общества состоят не в толковании общественных явлений, но в описании и интерпретации, ведущей к пониманию, облегчающему общение с другим человеком.

Однако же, следует помнить, что интерпретации могут быть прекрасными и изящными, глубокими и вдумчивыми. Выбирать одну из них приходится лишь потому, что она позволяет лучше узнать «другого», но не потому, что одна из них верна, а другая фальшива!

Принятие такого положения привлекательно и важно постольку, поскольку воздаст должное человеческой субъективности, которая в аналитически-эмпирической модели нарушает принцип натуралистического объективизма, содержащийся в концепции цели, понимаемой как толкование. Однако же, результаты ориентированных таким образом исследований общественных наук совершенно лишены практического значения и, с этой точки зрения, бесплодны. Все же, они дают понимание, позволяют ухватить аспект явления «для нас», понять его «субъективный смысл», в котором содержится целый мотивационно-смысловой пласт человеческой деятельности.

Анализ этой сферы позволяет наблюдать общественные явления как человеческие артефакты, которые могли бы быть другими, если бы мотивы, по которым они были созданы, были бы иными или подверглись бы изменениям.

2.2.3. Спор философский или методологический?

Приверженцы обоих описанных образцов функциональных наук в сфере общественных дисциплин, программы которых были здесь представлены в общих чертах, спорят между собой о целях научной деятельности, о познавательной ценности теории, о концепции объекта исследования общественных наук. В конечном итоге, это спор о характерном методе – основывающемся либо на объективном внешнем опыте, т. е. опыте экстроспективном, либо на субъективном внутреннем опыте, т. е. опыте интроспективном – позволяющем его научное познание. В действительности, однако, обе стороны высказываются одновременно за различные образцы научных знаний! Одни утверждают, что тезисы, которые невозможно однозначно квалифицировать как верные или ложные, не могут быть научными. Другие же убеждены, что науки, исследующие мир общественных явлений, должны пытаться понять природу человеческих поступков и накапливать знания о субъективной природе человека, поскольку «общество» является продуктом психических процессов индивидуумов, которые постоянно придают ему модифицированный смысл. По этой причине оценка научных установок посредством категорий истины и лжи не находит здесь применения.

Принципиальное отличие занимаемых позиций облегчает обеим сторонам взаимные обвинения в ненаучной деятельности и формулировании ненаучных знаний о

мире общественных явлений. В то же время, характер существующих между ними противоречий делает этот спор неразрешимым по принципиальным причинам, которые составляют 2 различных взгляда на науку, которые определяют 2 различные концепции предмета исследования, различные методологические программы его исследования, ориентированные на реализацию совершенно различных целей.

В результате создается впечатление, что этот спор носит не только методологический характер. Представляется, что это спор о философских принципах, о ценностях, которые должно реализовывать познание в общественных науках¹. Вот почему, между прочим, этот спор остается до сих пор неразрешимым, и трудно предположить, чтобы он мог быть положительно разрешен при помощи каких-либо убедительных аргументов. Шанс на победу в пользу каждой из этих позиций, с точки зрения общественных наук, носит вероятностный характер. Все, что можно в этой ситуации предпринять, это сделать осознанный выбор в пользу одной из предлагаемых систем ценностей, организующей познавательный процесс в общественных науках. Однако, следует помнить о том, что, в принципе, это решение является безапелляционным и, какой бы модели оно не касалось, всегда определенным образом ограничивающим наше знание о человеческом сообществе.

В действительности, о науке, осуществляемой в соответствии с аналитически-эмпирической моделью, нельзя сказать ни что это есть что-то никчемное, приуменьшающее человеческое достоинство, ни что это является единственным источником человеческого знания об об-

¹ S. Amsterdamski, *Między historią a metodą. Spory o racjonalność nauki*, Warszawa 1983, s. 26-37.

ественных процессах. Исследования, проводимые в рамках герменевтически-гуманистической программы, приносят знания, которые также нельзя проигнорировать под угрозой утраты понимания собственной человечности.

В связи с этим важно иметь в виду, что образ мира, который могут нам предложить обе версии исследования общественных наук, является либо опосредованным теорией – которая не отражает в полной мере адекватно вещи такими, какими они есть, независимо от наших исследовательских приемов – либо выстроен исключительно на субъективном восприятии, в отношении которого можно питать подозрения в том, что оно есть исключительно плодом индивидуального воображения¹. В итоге, перед нами остается выбор между скептическим эмпиризмом и необоснованным догматизмом; между соглашением, во всех деталях определяющим эмпирические нормы исследования и научных знаний, и чем-то вроде артистического стиля или интеллектуальной моды.

В конечном итоге, проблема познания общественных наук до сих пор остается неразрешенной. Это может означать, что политические науки (политология) или же общественные науки вообще не имеют общего пути к научности. Они используют в исследованиях множество методологических программ, то ли используя данную модель науки, то ли проводя исследования своего предмета совершенно другим способом, подчиненным программе альтернативной концепции науки. Методологическое сознание позволяет определить, на каких принципах зиждется данный взгляд на действительность, а также обосновать необходимость рассмотрения вещей в совершенно разных перспективах.

¹ I. Kotakowski, *Husserl i jego poszukiwanie pewności*, Warszawa 1990, s. 33.

Предметные методологи (предметная методология – методология в более узком значении – то есть, комплекс методов данной науки или дисциплины), подчиненные принципиально различным взглядам на научность, генерируемым разными концепциями научного метода (т. е., методологии *в широком смысле*), не должны становиться взаимоисключающими альтернативами, но должны взаимно дополнять друг друга. С одной стороны, политические науки (общественные) должны стараться не утратить точность, ожидаемую от естествознания. С другой стороны – они должны отличаться от его поисков в такой же мере, в которой человеческая действительность отличается от мира нечеловеческого¹. Они должны в своих исследованиях принимать во внимание, что личности и институты всегда находятся в состоянии «двойной зависимости». Это означает, что люди формируют общество, одновременно формируясь сами под его влиянием². Принятие в расчет при исследованиях этой фундаментальной особенности позволяет рассматривать человека в равной мере как субъекта, так и как объекта общественной действительности.

С точки зрения изучения подробных онтологических свойств объекта исследования, существует необходимость использовать множество методологических моделей при исследовании человека и его общественной среды, а также таких моделей, которые генерируются другими моделями науки, нежели аналитически-эмпирическая. Причем разрозненные методы не должны рассматриваться как взаимоисключающие альтернативы, но лишь как взаимно дополняющие друг друга аспекты мышления и исследования.

¹ Bauman, *Socjologia*, s. 229.

² Por.: P. Burke, *Historia i teoria społeczna*, tłum. [M. Łamacz] Warszawa - Kraków 2000, *passim*.

Все это напоминает ситуацию с наездником, который, вскочив на коня, хочет галопировать сразу во всех направлениях – исследование общества, существующих в нем отношений власти требует именно такого головокружительного поведения.

3. ТЕОРИЯ — ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Научную теорию часто признают одним из ценнейших способов представления результатов исследовательского процесса, который, в зависимости от сделанных онтологических, эпистемологических и методологических предпосылок, принимается либо за ценнейшую форму знания, либо за опасную, более или менее рафинированную спекуляцию. Между этими радикально различными взглядами можно отыскать многочисленные формы более взвешенных позиций, достаточно выразительно проявляющих себя в дискуссиях, посвященных теориям, отстаиваемым представителями общественных наук¹.

Магическое слово «теория», хотя и не бесспорно, обладает необыкновенной привлекательностью и притягательной мощью, в то же время, пробуждая беспокойство и неуверенность. Его используют во множестве различных, иногда довольно несхожих контекстов. Для некоторых исследователей «теория» — чистая абстракция или набор самых общих философских аксиом, создающих исследовательскую перспективу. Другие употребляют это название для предлагаемой гипотезы или же туманных и логически не связанных утверждений. А еще «теория» — это набор обработанных данных².

¹ J. H. Turner, *Struktura teorii socjologicznej*, Warszawa 1985, s. 59-37; por. Także P. Abel, *Modele w socjologii*, Warszawa 1975.

² K. Knorr, J. Rosenau, *Tradition and Science in the Study of International Politics*, [w:] *Contending Approaches to International Politics*, K. Knorr, J. N. Rosenau (red.), Princeton 1970.

Употребление понятия «теория» в политических (общественных) науках часто напоминает использование чего-то вроде незаполненного чека – его значение зависит от того, кто и каким образом его употребляет¹. Его используют с целью превознести или дискредитировать определенные результаты исследований. Этому способствует ситуация, часто встречающаяся в политических науках, в которой исследователи используют этот термин в значении, выходящем за рамки определений, придавая ему смысл, характерный для контекстов обычной разговорной речи, в которой термин «теория» отягощен порой негативной смысловой нагрузкой, в то время как в научном понимании он обычно имеет положительное значение.

3.1. Термин «теория» в разговорной речи

Определенно в науке понятию теории придают иной смысл, нежели тот, который можно встретить в разговорной речи. Однако, о том, как это понятие употребляется в разговорной речи, нужно также иметь представление, хотя бы для того, чтобы избежать его неверного применения в высказываниях, формулируемых в определенной системе научных знаний.

Быть может, перечисление наиболее часто встречающихся значений термина «теория» в разговорной речи позволит глубже понять и эффективнее распознавать возможные смысловые значения, придаваемые понятию теории в науке. Возможно, это облегчит понимание хитросплетений, связанных с моделями теории в эмпирических моделях теорий общественных наук, к которым причисляется и политология.

¹ P. S. Cohen, *Modern Social Theory*, London 1968, s. 1.

Анализируя наиболее часто встречающиеся способы употребления термина «теория» в разговорной речи, можно выделить, по крайней мере, 5 его уничижительных значений, образованных как противопоставление, как антоним другого термина.

- (1) Итак, «теорию» часто противопоставляют «практике», намекая на ее несоответствие действительности, утопичность или бесполезность в случае ее практического применения. Практика – это то, что происходит в наблюдаемой действительности, а теория проявляется как комплекс идей и взглядов, провозглашаемых в отрыве от жизни. Политики довольно редко воспринимают исследования, направленные на построение теорий политики, как то, что может приумножить человеческое познание. Гораздо чаще они видят в них бессмысленные и бесполезные занятия, поскольку преобладает убеждение в том, что результаты этих исследований никоим образом не помогут в решении волнующих проблем¹.
- (2) Бывает, что «теория» – это нечто противоположное «опыту», которая в этом случае носит спекулятивный, не подкрепленный доказательствами характер. Опыт заключается в сборе информации, касающейся высказываний и поведения человека, теория же – это свободное от эмпирических ограничений высказывание зачастую фантастических предположений, например, о том, на каких принципах должно основываться общественное устройство. Конкретные проблемы окружающей нас политической реальности кажутся более ин-

¹ J. N. Rosenau (red.), *International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory*, New York – London 1968, s. 1.

тересными и существенными, чем абстрактные теоретические спекуляции.

- (3) При других обстоятельствах «теорию» трактуют как противоположность «конкретике», а значит, как нечто абстрактное, символическое, неясное. Считается, что теории слишком абстрактны, чтобы систематизировать и изучать конкретные данные. Наибольшее, на что они способны, так это подсказывать исследователям направления поисков.
- (4) Часто встречается также понимание «теории», базирующееся на сравнении ее с «общими знаниями», что позволяет продемонстрировать ее несоответствие спонтанной интуиции и так называемому здравому смыслу. Бытует точка зрения, в соответствии с которой, теоретик принципиально занимается накоплением знаний методом дедукции на основе абстрактных утверждений о высокой степени обобщения, в то время как политический деятель обычно заинтересован в знаниях эмпирических, полученных путем индукции на основе собственного опыта и ежедневных наблюдений, а не на основе систематических научных исследований¹.
- (5) Еще одной часто встречающейся ошибкой бывает понимание «теории» как противоположности «полного знания» и приравнивание ее к домыслам, догадкам, непроверенным предположениям. В этом контексте теория — не что иное, как абстракция, имеющая слабую связь с реальным миром, являющаяся его отдаленным спекулятивным представлением.

¹ J. Dougherty, R. Pfaltzgraff (red.), *Contending Theories of International Relations*, Philadelphia New York — Toronto 1971, s. 22.

Все приведенные выше контексты, в которых проявляется понимание теории в разговорной речи, с методологической точки зрения безосновательны и ошибочны.

3.2. Термин «теория» в научной речи

Многочисленные недоразумения встречаются и в случае употребления термина «теория» в научных высказываниях, свойственных общественным дисциплинам, особенно если этот термин употребляется без попытки дать ему определение или уточнить значение.

В речи политических наук теория обычно становится синонимом иного понятия, имеющего зачастую, хотя и не всегда, положительное эмоциональное содержание. В наше время это настолько часто встречающееся явление, что его можно наблюдать по мере укрепления безразличия к ситуации, в которой термин «теория» употребляется для обозначения множества других разнородных и важных разновидностей интеллектуальной деятельности, принятых в рамках общественных наук¹.

В научной литературе, посвященной политическим наукам, чаще всего можно обнаружить попытки отождествления теории с:

- (1) Историей политической мысли, политических отношений. Исследователи, пользуясь термином «теория», анализируют историю избранных, признанных важными идей или взглядов, разделяемых всеми в данный момент времени, формирующих поведение и политические поступки, или реконструируют биографии выдающихся

¹ Пор. A.J. Jabłoński, L. Sobkowiak (red.), *Studia z teorii polityki*, t. I, Wrocław 1998 і t. II Wrocław 1999

мыслителей, деятельность которых признается значимой.

- (2) Методологией, то есть, анализом теории как результата исследовательской деятельности. Это явление особенно характерно для политических наук, непрерывно обеспокоенных состоянием своей «научности»¹.
- (3) Эвристическим подходом – когда теория понимается так, как если бы была парадигмой, предлагающей «место для обозрения» и «точку зрения, с которой надо видеть», а значит, как общий свод директив относительно способов исследования политической реальности, формирующих определенную проблемную ориентацию. В этих условиях теория становится способом организации познания таким образом, чтобы сориентировать исследователя в направлении постановки вопросов, достойных ответа, и чтобы указать, где их искать.
- (4) Социальной философией – когда теория выдается за синоним ее частного аспекта, связанного с онтологическим анализом политического измерения общества, включающего взгляды на способ его существования. Теория в этом случае характеризуется как «философские курсы» или «политические забавы», в основе которых лежит какая-либо философская концепция изучения природы человека и ее характерных черт, сущности власти, общества или истории. Размышления, связанные с идеями этого рода, содержащиеся в наследии великих мыслителей, например, Платона, Аристотеля, Джона Локка, Карла Маркса или Вилфреда Парето, часто называются «теориями».

¹ Por.: M. Chmaj, M. Zmigrodzki, *Wprowadzenie do teorii polityki*. Lublin 1996.

В принципе, до Второй мировой войны основные знания в области политических наук были именно теоретическими. Они носили философский характер и были сосредоточены, прежде всего, на проблемах, свойственных философии морали. Посвящены они были проблематике, касающейся того, какие вещи должны быть, что должно быть, а что не должно случиться в мире политики¹. Взгляды по этому вопросу могут быть частично сформулированы на основе анализа определенного набора фактов и связаны с аргументами морального свойства. Эти аргументы носят характер оценочных суждений, которые не являются ни верными, ни ложными, поскольку они эмпирически «пусты», т. е., не поддаются эмпирической верификации. Удачными примерами таких философских концепций политики, называемыми также нормативными теориями политики, активно выступающими аргументацию нормативного характера, являются, между прочим, идеи Платона, Маркса, Джона Стюарта Милла или Джона Кеннета Гэлбрайта². Припомним, что, например, для Платона гарантией хорошей, справедливой политики являются абсолютные и совершенные знания философа-короля, которые должны служить примером политического и общественно-го поведения его подданных. В свою очередь, Д. С. Милл обосновывает необходимость создания демократических правительств как единственно добрых и справедливых, поскольку только такая форма правления делает возможным полное

¹ B. Misztal, *Teoria socjologiczna a praktyka społeczna*, Kraków 2000, s. 2.

² J. K. Galbraith, *Istota masowego ubóstwa*, tłum. W. Rączkowska, Warszawa 1987.

развитие каждого гражданина. Демократическое правительство гарантирует его, поскольку предоставляет людям право ответственности за собственные решения¹.

- (5) Системой понятий. В более широком смысле – с каждой разновидностью концептуализма, которая позволяет упорядочить и исследовать данные, собранные в реальном мире и подчиняющиеся понятиям и категориям, предлагаемым данной системой. Эта система понятий является своего рода собранием аналитических категорий, целью понятий и определений, организующих познание и языковое выражение данного фрагмента действительности. Казалось бы, что уже сами определения, например, таких понятий, как «власть», «политика», «демократия» и др., используемые в ходе исследований для интерпретации эмпирических явлений, иногда трактуют как теории. Так, собственно, может функционировать циничное определение «политики» Исаака Дизраэля, который видел в ней «искусство правления людьми методом их обмана». Или сформулированные в агрессивной форме взгляды на политику Гитлера, понимавшего ее как «искусство битвы народа до победного конца за место под солнцем». Подобную роль могут играть и системы классификации *ad hoc*², состоящие из безапелляционно утверждаемых категорий, используемых для упорядочения и сбора эмпирических наблюдений – они расцениваются как проявления теоретическо-

¹ J. S. Mill, *O rządzie reprezentatywnym. Poddaństwo kobiet*, tłum. G. Czernicki [M. Chyżyńska] M. Ch., Kraków – Warszawa 1995.

² *ad hoc* – разработанный специально для определенной цели, отдельного случая

го мышления. За теорию принимают и систематику, то есть, систему категорий, выстроенных в соответствии с эмпирическими наблюдениями, отражающих описываемую действительность и позволяющих изучить существующие связи между категориями¹.

Наиболее опасно отождествлять теорию с понятийной моделью (другими словами – понятийной структурой). Она возникает в системном подходе исследований общества, который концентрируется на построении системных моделей политической (общественной) реальности². Эти модели – всего лишь упрощенные и идеализированные схемы фрагментов мира, определяющие границы понятий, в которых, в свою очередь, должна быть выстроена соответствующая теория. Понятийные модели в результате становятся рабочим инструментом исследований, проводимых на начальном этапе работы над теорией, но не могут быть с ней отождествимы³.

- (6) Описательной характеристикой политических явлений, которая низводит теорию до роли комментария или обобщающей интерпретации результатов исследований. В этой ситуации политической теорией признается набор предложений, описывающих политические явления в виде обобщений, полученных методом индукции, в результате эмпирических опытов и наблюдений, а также на основе изучения совпадений, касающихся

¹ D. Easton, *Alternative Strategies in Theoretical Research*, [w:] D. Easton (red.), *Varieties of Political Theory*, New York 1966, s. 1-13.

² D. Easton, *A System Analysis of Political Life*, Chicago 1979, s. 21-32.

³ P. Sztopka, *Analiza systemowa w naukach politycznych*, Warszawa 1975, s. 83.

ся случаев из прошлого. Однако, это всего лишь систематизированное и упорядоченное изложение явлений, служащих предметом познания. Оно является обобщением неупорядоченной действительности¹, которое иногда принимается за теоретический результат, но в то же время, в глубине которого кроется какая-то другая система знаний, являющаяся объектом наблюдения, позволяющая из хаоса бесчисленных общественных явлений выбрать тот, а не иной их фрагмент, описать его и подвергнуть исследованию.

3.3. Чем может быть научная теория?

Очищение рефлексии, связанной с научной теорией, от ее наиболее распространенных, ошибочных интерпретаций и ложных фантазий – это испытание, которое исследователям не удастся преодолеть до конца. Прежде всего, вследствие огромного количества выдвигаемых подходов к определениям. Зачастую возникают сомнения в возможности краткого описания сути понятия «научная теория», невзирая на то, что это понятие признается основополагающим для методологии эмпирических наук.

В методологическом понимании значения понятия «теория» не могут существовать теории, не являющиеся научными. Выработанная здесь образцовая модель научной теории носит нормативный характер и является определяющим моментом для оценки действительных теорий в формальных и реальных науках. В формально-логических науках, относящихся к абстрактной сфе-

¹ Т. Лоś-Nowak, *Stosunki międzynarodowe. Teorie – systemy – uczestnicy*, Wrocław 2000, s. 28.

ре, «... говоря о теории, можно иметь в виду совершенно произвольную дедуктивную систему, т. е. такую систему взглядов X определенного принятого языка Y , которая содержит все свои логически-математические выводы, т. е. все взгляды, которые можно обосновать, используя логически-математические средства, являющиеся обязательными для Y , и используя в качестве предпосылок для доказательства элементы системы X »¹. Такое понимание термина «теория» принято в логике и частично в методологии, когда речь идет о теории, сформулированной в дедуктивном смысле.

В науках же, касающихся естественных сфер и применяющих эмпирические методы, основу которых составляет интерсубъективное подтверждение и интерсубъективный обмен полученными данными, ситуация начинает осложняться. Науки, исследующие неодушевленную природу, например, физика, с точки зрения математического языка, при помощи которого могут быть описаны исследуемые объекты, «теорией» обычно называют логически согласованный свод научных законов, дедуктивно систематизированный в соответствии с образом системы, принятой в качестве аксиомы².

Остальные естественные науки, пользующиеся эмпирическими методами, по мере того, как возрастает уровень сложности их предметов исследования, для описания которых математика становится все менее приемлемым языком и возникает необходимость применять естественный язык, выражают все больше сомнений в отношении понимания термина «теория».

В принципе, однако, все естественные науки испытывают трудности с логическими структурами своих те-

¹ R. Wójcicki, *Wykłady z metodologii nauk*, Warszawa 1982, s. 104.

² K. R. Popper, *Logika odkrycia naukowego*, tłum. U. Nsklas, Warszawa 1977, s. 62-63.

орий и, прежде всего, с переводимостью теоретических терминов на язык эмпирических понятий — разница заключается только в степени (трудности). Об общественных науках можно сказать только то, что опровержение нормативных методологических требований, определяющих логические условия научности, дается им с огромным трудом или вообще недостижимо.

Однако же, если исследователи согласятся не вдаваться в сомнительные подробности, то в эмпирической области естественных наук «теория» в общем смысле бывает термином, относящимся чаще всего к своду научных законов, определений, утверждений и гипотез, касающихся данного рода явлений, создающих взаимосвязанное, упорядоченное и логически связанное целое. Причем здесь мы имеем дело с такими системами утверждений, которые являются не только общими тематически, но и касаются установленной и, с определенной точки зрения, однородной массы явлений. Они состоят из обобщенных утверждений, имеющих характер законов, а не суждений о единичных фактах¹. Предполагается также, что этот логически упорядоченный свод научных законов будет выполнять функцию познания в той отрасли наук, которой он касается.

Так, широкое и неточное описание «теории» в сфере естественных наук, к которым принадлежит и политология, поддерживает, а что еще хуже, углубляет путаницу в отношении значения этого термина и роли того, что называется «теория» в структуре научного познания этих дисциплин. Чаще всего встречающимся в общественных науках, в то же время неясным отношением к теории является признание ее набором взаимосвязанных утверждений, которые позволяют систематизировать знания об

¹ Wójcicki, *Wykłady z metodologii nauk*, s. 105.

общественной жизни, изучать ее и предвидеть будущее, а также выдвижение новых исследовательских гипотез.

Однако же в обществе существует широко распространенное убеждение о необходимости дальнейшего снижения требований, предъявляемых к теориям, касающимся общественных явлений. Подтверждением тому служит их частое толкование всего лишь как «повествования» о том, как и почему люди определенным образом организуются, как ведут себя, как поступают, как входят в общение. Теория пытается изучить эти явления, постигая знания, содержащие ответы на поставленные вопросы. В то же время, каким критериям она сама должна удовлетворять, чтобы ее ответы были достоверными – эта тема не обсуждается. В конечном итоге, теория становится – востребованным обществом и признанным – толкованием явлений, происходящих в окружающем мире¹.

Можно также найти подтверждение общему утверждению, что теория, объясняющая общественное поведение, – это сумма всех теорий, выстроенных для того, чтобы они объясняли человеческое поведение. Значит, политическая теория, как частный случай теории, объясняющей общественное поведение, состоит из всех теорий, выстроенных для того, чтобы они объясняли политические поступки, а шире – из теорий политических институтов, таких, как государство, право, представительство или выборы.

Теория, описанная таким образом, имеет свои замечательные достоинства, поскольку не приводит к возникновению серьезных споров среди политических наук, с другой же стороны, не подходит ко многим важным результатам интеллектуальных трудов политологов, то есть тому, что они называют «политическими теориями».

¹ *Por: Misztal, Teoria socjologiczna a praktyka społeczna, passim.*

При этом можно, особенно в энциклопедиях, встретить настолько объемное объяснение, что такое политическая теория, что в нем уместается помимо эмпирических теорий множество других элементов ценных и необходимых знаний из области политологии. Политическая теория позволяет понять систематизированную рефлексию по поводу природы и цели власти, содержащую в равной мере как знания, касающиеся политических институтов, так и прогнозы их вероятных изменений. Есть тут место и для философских изречений, касающихся политики. Упомянуты также исследования и эмпирические теории, сосредоточенные на политических явлениях, равно, как и на теории нормативной политики, которые содержат утверждения о том, что свойственно, а что не свойственно, желательно и нежелательно, правильно или не правильно в обществе, какое устройство мира есть лучшим. В такие дискуссии вовлекаются все участники политической жизни, а не только исследователи политических явлений и процессов.

Однако же, проблемы начинают возникать тогда, когда встает вопрос о том, являются ли эти теории научными. Иными словами, удовлетворяют ли требованиям научности сведения об интересующих нас политических явлениях и насколько эти сведения достоверны?

В сущности, это вопрос о том, в какой степени политология является наукой в аналитически-эмпирическом смысле. И в какой мере в ней присутствует множество иных, разнородных и важных проявлений интеллектуальной деятельности, без которых знания о политике были бы, безусловно, неполными, но которые не обладают характерными признаками научности в указанном смысле.

В ответ на вопрос, подтверждают ли исследователи научность политологии, кое-кто пытается доказать, что она

с наукой не имеет ничего общего. Некоторые расценивают ее как эклектический продукт дисциплин, в которых приняты и функционируют различные критерии научности и связанные с ними методологии, а также предлагается множество парадигм, определяющих общие перспективы для изучения мира политических явлений.

В конце концов, то, что в политических науках обычно называется «теорией», зачастую не носит научного характера, а является лишь этикеткой для множества различных систем знаний о политике¹. Следует отдавать себе отчет в том, что когда политологи произносят слово «теория», то используют это определение в произвольном значении, отличном от той обычной смысловой нагрузки, которую несет этот термин в других науках, которые не заинтересованы исследованием общественных явлений. Иногда это название применяется по отношению к энтимематическим, скрытым в научном тексте положениям, которые при иных обстоятельствах называются «общественной философией». Применяют его также и к не четко определенным понятиям или к некоторым случайным и логически не связанным между собой утверждениям, призванным привлечь внимание наблюдателя к интересным явлениям. Иногда же это просто набор абстрактных утверждений, имеющих ярко выраженный идеологический характер. Хотя их и невозможно подтвердить, но они позволяют создать определенные рамки для изучения и интерпретации эмпирических направлений огромного общественного значения. В других случаях, это знания, характерные для изысканных философских дискуссий. Например, касающихся общественных изменений, происходящих в настоящее время, или таких, которые мог-

¹ Por.: W. Szostak, *Zarys teorii polityki*, Kraków – Kielce 1999. Por.: P. Burke, *Historia i teoria społeczna*, tłum. [M. Łamacz] Warszawa – Kraków 2000, *passim*.

ли бы произойти, или же обширных, многоплановых аналитических оценок исторических событий. Наконец, за словом «теория» могут скрываться гипотезы и интерпретации, содержащиеся в произвольном фрагменте знаний, касающихся данного политического явления, или данного класса политических явлений.

Либерализация взглядов в определении условий, которым должна удовлетворять теория, породила вопрос: возможно ли вообще в политических науках построить теории, которые, хотя бы и не вполне, но все же в значительной мере удовлетворяли бы критериям научности? Даже если в этом вопросе занять позитивную позицию, то все же придется признать, что до сих пор никому не удалось создать такую политическую теорию, которая бы в полной мере удовлетворяла всем этим критериям. Ведь даже в том случае, если предлагаемая теория не соответствует лишь некоторым из общепризнанных критериев, не так легко отбросить их, как ненаучные, особенно, когда их принятие обусловлено эмпирическими доказательствами. Такое положение вещей является стимулом для предпринимаемых в политических науках усилий той частью исследователей, которые стремятся к созданию эмпирических научных теорий.

Термин «теория» в широком понимании этого слова означает любой набор онтологических, эпистемологических и методологических принципов, абстрактных понятий, общих утверждений о политическом аспекте общественной действительности, который должен давать объяснения уже устоявшимся и описанным политическим фактам и процессам, а также направлять дальнейшие эмпирические исследования¹. В общественных науках не

¹ P. Sztompka, *Teoria socjologiczna końca XX w., wstęp J. H. Turner, Struktura teorii socjologicznej*, Warszawa 1985.

всегда можно полагаться на справедливость объяснений, которые предлагают понимаемые таким образом теории, поскольку формальные элементы их структуры несовершенны. Однако же, несмотря на это, большинство исследователей считают их вполне научными и солидарны во мнении, что они являются наиболее вероятной системой знаний об общественном устройстве из всех, имеющихся в их распоряжении. При этом обращается внимание на то, что несовершенство таких теорий вызвано не столько ошибками, в отношении которых существует надежда на то, что они со временем будут исправлены. Скорее они вызваны необыкновенно высоким уровнем сложности общественной действительности, составляющей предмет исследования. Это обстоятельство свидетельствует о непреодолимой сомнительности идей, генерируемых эмпирическими научными теориями. В нем кроется источник противоречий, заключенных в «природе вещей», следовательно – непреодолимых.

3.4. Что такое научная теория в политологии?

Либеральный контекст, в котором употребляется термин «теория» применительно к общественным наукам, неопределенная логическая и языковая структура того, что этими науками принимается за теорию, а также ее философская запутанность и неопределенность в оценках ее значимости приводят к тому, что в этих дисциплинах теории чаще всего укрыты и «распорошены». Они составляют невидимую структуру, присутствующую в каждом систематизированном, прежде всего по существу, «научном тексте», пронизывают и наполняют его. Это означает, что между положениями, из которых состоит какой-либо текст, возникают более или менее тесные предметные,

существенные, а не логические связи. Объединяют их тот факт, что касаются они общего предмета или же общей темы¹. Упорядоченный таким образом «научный текст» опирается, с одной стороны, на действительность, описывая ее и, одновременно, объясняя, с другой стороны — на определенные принципы, касающиеся природы этой действительности. Без них, в равной мере, как описание, так и объяснение, были бы невозможны. Кроме того, помимо элементов эмпирических теорий в таком тексте можно обнаружить следы добавленных нормативных теорий. Это особенно характерно для тех случаев, когда речь идет о высказываниях политологов, содержащих оценки политических институтов, а также размышления о том, каким образом можно достичь идеального общественного порядка.

Более того, в «научном тексте» можно обнаружить более или менее выраженные 3 пласта, которые составляют метатеоретические убеждения, толкования и описания. Пласт метатеоретический является основополагающим для теории в широком понимании этого слова и содержит самые общие философские принципы, принимаемые *a priori*. Причем не всегда они бывают выражены напрямую и не всегда бывают осознанны. Эти принципы носят онтологический характер, говорят о свойствах и характерных чертах общественной действительности. Но они же носят и эпистемологический характер — говорят о том, какие существуют возможности и границы познания этой самой действительности, а также каковы наиболее характерные способы ее исследования (методологические принципы).

Именно метатеоретический пласт первичных принципов делает возможным познание, определяя его от-

¹ S. Hage, *Techniques and Problems of Theory Konstruktion in Sociology*, New York 1972.

правные и конечные условия. Также, в определенной степени, он описывает остальные элементы теоретической структуры «научного текста», то есть, пластов описательного и толковательного (гипотетического). Впрочем, как мы помним, не существует ничего такого подобного, как непосредственное, беспринципное познание. В связи с этим, всякое познание, в том числе и научное, не может быть истолковано как открытие шаг за шагом определенных свойств действительности, к которой мы подходим «без предубеждения», но лишь только как проверка того взгляда на действительность, с которым мы приступаем к ее исследованию. Невозможно зарегистрировать, не сделав в то же время выбора, каждое из достойных нашего внимания происшествий, поскольку такое поведение привело бы к накоплению хаотической, несущественной, не позволяющей установить взаимные связи между отдельными фактами информации. Прежде надлежит принять концепцию, которая определяет, что реально существует и что имеет значение, и только тогда можно выделять факты и проследживать их взаимосвязи.

В конце концов, именно исследуя описательный пласт, удается обнаружить более или менее отчетливо начертанную модель понятий, включая и гипотезы. Их составляют взаимосвязанные аналитические категории, создающие некое частное видение определенного фрагмента действительности мира общественных явлений. Зажидется этот пласт на онтологических принципах, ведь именно они предоставляют категории для описания действительности, делают возможным описание теоретических понятий, а в конечном итоге, оказывают влияние на специфический для данной теоретической структуры язык, которым пользуются исследователи и при помощи которого теория описывает свой предмет. Принятие содержания онтологических принципов позволяет понять

очевидное значение языка, которым пользуются исследователи, а стало быть, очевидное значение сформулированных с его помощью утверждений.

В случае возникновения противоречий между теоретической структурой и фактами, изложенными при помощи ее языка, подлежат верификации не только сформулированные на ее основе утверждения, но и кроющиеся за ними онтологические принципы, составляющие наиболее общие образы действительного мира. Однако, в том, возможен ли в действительности воссозданный таким путем образ мира, мы окончательно убеждаемся на основе опыта. Этот образ — продукт наших впечатлений, воображения и наблюдения — всегда фрагментарно и селективного, поскольку оно направляется нашими знаниями, потребностями, интересами и, таким образом, отражает наши ценности. Именно при помощи языка выполняется сопоставление онтологических принципов с фактами, что позволяет сверяться с той действительностью, которая описана теоретическим языком. Отрицание или принятие какой-либо теории является одновременно отрицанием или принятием той версии мира, на которой она (теория) была построена.

Теоретическая модель — вместе с определенными со-глашениями, аналитическими понятиями — выполняет посредническую роль между исследователем и действительностью, упорядочивает наши наблюдения, позволяет нам исследовать. Но такое положение дел не отражает напрямую реальную действительность, а лишь является ее упрощенной моделью, селективно ее структурирует, отражая отдельные явления в процессе их развития и обминая другие. Данный пласт выражает более или менее понятные мысли, идеи о том, как может выглядеть этот мир, но на этом основании невозможно утверждать,

что что-либо является реальной действительностью¹. Для этого необходим описательный пласт теоретической структуры, содержащий, среди прочего, эмпирические утверждения, описывающие зависимости между изменяющимися характеристиками наблюдаемых явлений или процессов. Такие утверждения непосредственно относятся к миру эмпирическому, провозглашая что-то о его закономерности, регулярности, тенденциях, а значит, могут быть истинными либо ложными, подлежащими подтверждению либо опровержению, в зависимости от выводов нашего чувственного опыта. Таким образом, опыт становится основой наших предположений о том, что мы постигли знания, которые можно оценить как истинные, о действительном мире, существующем независимо от субъективных убеждений.

Общие утверждения, о которых идет речь в этой части теории, не относятся напрямую к миру, постижимому нашим мышлением, не относятся к нему непосредственно, но зачастую требуют сложной многоступенчатой обработки, прежде чем их можно будет сопоставить с данными. В конце концов, утверждения научного характера должны быть сформулированы таким образом, чтобы их можно было проверить. Иными словами, это должны быть положения, по крайней мере, потенциально эмпирические, т. е. такие, для которых существуют критерии опровержения. Положения неэмпирические являются положениями неопровержимыми. Если теория состоит из таких положений, она нежизнеспособна в области науки, она становится догмой, принимаемой на основе веры.

С другой стороны, разделение «научного текста» на описательный и толковательный пласты довольно неод-

¹ S. Pabis, *Metodologia i metody nauk empirycznych*, Warszawa 1985, s. 97.

нозначно и трудно реализуемо, поскольку непросто отделить положения не наблюдаемые, содержащие теоретические термины, от положений, в которых речь идет о явлениях, наблюдаемых непосредственно, а, следовательно, содержащих терминологию наблюдателей.

Эмпирические знания, касающиеся общественных явлений, а, следовательно, и политических, это, в принципе, знания о бесчисленных формах человеческого поведения, что, с социологической точки зрения, означает бесконечно сложный процесс непрестанно изменяющихся состояний невообразимого количества элементов. Для упрощения научного анализа различные способы поведения разделяют на определенные категории, которые позволяют исследовать поведение в его различных аспектах. Когда речь идет о том, что люди обучаются, играют, работают, созидают, уничтожают, правят, политиканствуют и т. п., фактически мы говорим о различных способах нашего поведения. Не удивительно, что в общественных науках иногда трудно определить, что является суждением, основанным на наблюдениях, а что является логическим выводом, базирующимся на суждении, основанном на наблюдениях, а, значит, что является, а что не является теоретическим утверждением. Вот, например, понятия взаимодействия, общественных процессов, общественных связей, общественного движения, конфликта, мотива, интереса, власти, политики — соответствуют не непосредственно наблюдаемому объекту, а теоретической модели. Впрочем, несмотря на это, их можно обнаружить как в описательной, так и в толковательной части теории в широком понимании этого слова.

Тем более, не стоит терять из поля зрения «теоретический груз» языка наблюдателей и не следует поддаваться впечатлению, что якобы эмпирический язык зависит исключительно от природы объекта, описанию которого

он служит, ведь фактически он зависит в равной степени и от теории. Из этого следует, что познание в значительной мере обусловлено влиянием иных факторов, нежели природа вещи, являющейся объектом нашего познания. Однако это вовсе не означает, что она непознаваема, а лишь то, что познать ее можно только в определенном приближении, границы которого в каждом случае определяются принятыми онтологическими принципами. В этой ситуации теоретическая структура, заключенная в «научном тексте», может содержать исчерпывающее описание и толкование исключительно всех тех фактов, которые входят в область ее предмета. Причем это исключительно те факты, которые могут быть изложены ее собственным языком.

Онтологический характер принципов теории делает невозможным сравнение теоретических построений, даже в том случае, когда они относятся к одному и тому же объекту. Однако, не имея возможности его описать при помощи автономного языка «голых» чувственных впечатлений, каждая теоретическая структура становится «кривым зеркалом» действительности, выделяет ее определенные аспекты и выполняет приближения в узко очерченных границах, однако, на этот раз, определенных во вненаучном контексте.

В этом случае получение эмпирических подтверждений убеждает нас в правильности наших утверждений, но пробуждает также определенное беспокойство в том случае, если нам приходится их принять! Однако, «...образ мира, основанный на категориях восприятия, всегда остается лишь моделью. Мы способны лишь на вполне определенные типы раздражений, а это означает, что наше, опирающееся на чувственное восприятие, суждение о мире автоматически становится предубеждением, «пред-суждением». Мы можем узнать о мире только то,

что сами привносим в этот мир на основании наших приспособленных к природе категорий. То, что нам представляется действительностью, есть обусловленная нами самими модель действительности. Данные нам условия наших чувственных познаний – а это касается всех наших чувств – определяют узкие границы нашего познания мира. То, что мы исследуем как действительность, на самом деле является лишь человеческой действительностью¹. И об этом не стоит забывать, в особенности общественным наукам, которым в принципе недоступны дедуктивные обобщения.

Более того, на этом основании можно судить, что важным фактором для развития эмпирических исследований общества является не только и не столько продвижение, осуществляемое на основе аппарата понятий, его усовершенствование и обогащение, но и изменения на почве онтологических принципов, поскольку они предоставляют возможность определить теоретические понятия для нового описания действительности посредством языка наблюдателя. Тем более, что этот факт стирает границы между описанием и токованием, указывает на условный, безапелляционный их характер. Понимание этой особенности влечет тяжкие последствия для познавательных качеств знаний, находящихся в распоряжении общественных наук.

3.5. Природа научных теорий

Одним из основных условий, которому должны удовлетворять научные теории, является требование

¹ E. Poeppel, *Granice świadomości. O rzeczywistości i doznawaniu świata*, tłum. A.D. Tauszyńska, Warszawa 1989, s. 162-163.

сформулировать их в абстрактной форме. Теория не относится к единичным, определенным эмпирическим событиям, частным случаям поведения или взаимоотношения между конкретными особами при определенных обстоятельствах. От теории ожидают информации, касающейся основных факторов, которые могут являться «движущей силой» суждений о том, насколько характерны определенные наблюдаемые случаи. Описание этих «сил», содержащееся в теории, позволяет установить механизм возникновения наблюдаемых явлений и, тем самым, ответить на вопрос, почему они возникли — разъяснить их.

Следовательно, теория касается общих свойств и процессов, которые выходят за пределы неповторимых, единичных происшествий и ситуаций. Например, теория не может касаться определенной формы правления, но должна содержать информацию о природе власти, как основополагающей общественной силе, что позволит изучить интересующую нас определенную форму правления. Теория не может заниматься частными характеристиками определенной формы хозяйствования, но должна установить факторы, которые отвечают за динамику производства и распределения в общем и целом, это позволит изучить характеристики исследуемой определенной формы хозяйствования.

Научные теории накапливают знания, которые выходят за узкие и ограниченные во времени пределы, концентрируются на том, что является общим, фундаментальным, возможно, неподверженным влиянию времени и универсальным. Благодаря этому, единичное происшествие, если оно относится к тому классу явлений, которые рассматривает теория, может быть истолковано как результат действия определенной повторяющейся модели возникновения этих явлений, описанной теорией.

Иной, характерной для научной теории особенностью, является язык — упорядоченный, зачастую математический, хотя и не всегда. Случается, что теория пользуется обычным языком, в то же время, в определенной степени формализуя его посредством внедрения нейтральных, объективных и недвусмысленных категорий. Таким образом, достигается однозначное понимание смысла теории.

Необходимость определения терминов, означающих «... свойства мира в их динамике, так чтобы были понятны их взаимодействия, а связи между понятиями, определяющими явления, подтверждались таким образом, чтобы их взаимосвязи мог понять каждый, кто будет изучать данную теорию»¹, является еще одной особенностью научной теории.

Неоднозначные понятия, имеющие множество значений, обогащают нашу разговорную речь, важны и востребованы в искусстве, однако же, чужды научному мышлению. Исследователи общественных наук, чтобы избежать неоднозначности используемых понятий, создают собственные словари, состоящие из точно сформулированных выражений. В результате, имеет значение не только то, что говорится, но и то, как это сказано, как определен язык изложения, в какую форму облечены высказываемые суждения, как они между собой взаимосвязаны и как обоснованы. Несмотря на то, что политологи в значительной степени говорят о политике то же самое, что и обычные люди, но они говорят это иначе, по крайней мере, должны! Такой, как можно более точный, язык является сухим и, в силу необходимости, упрощает сложный человеческий мир, например, мир политики. Иногда его уничижительно называют «жаргоном общественных наук», но это вовсе не означает, что им можно пренебре-

¹ J.H. Turner, *Struktura teorii socjologicznej*. Wydanie nowe, Warszawa 2004, s. 2.

гать, если мы все же хотим, чтобы результаты исследований означали одно и то же для двоих разных, заинтересовавшихся ими особ.

Теории, выражаемые при помощи определенной, характерной системы понятий, с одной стороны, позволяют несколько упорядочить неразборчивый хаос действительности, которая воздействует на наши чувства. С другой же стороны, слишком уж упрощают свой увлекательный, необыкновенно сложный объект познания, которым является *человек социальный*.

Однако, самым важным требованием, предъявляемым к научной теории, является такое ее построение, чтобы, несмотря на абстрактную формулировку, она не была оторвана от того, что является эмпирическим, не противоречила бы фактам определенных эмпирических положений и поддавалась бы систематическому тестированию при помощи повторяющихся методик. Все теории, признанные наукой, подсказывают, каким путем можно подвергнуть их проверке, какие эмпирические случаи, поддающиеся наблюдению, могут оспаривать их познавательную ценность.

В конечном итоге, те объемы человеческих знаний, которые могут быть признаны научными, стремятся к построению теорий абстрактных и формальных, но, в то же время, несущих информацию о реальном мире. В этом случае каждая отрасль науки тестирует свои теории, убеждаясь, таким образом, в том, подходят ли они к реальной действительности, можно ли им доверять. Если научная теория является вероятной с эмпирической точки зрения, ее безотлагательно принимают на определенное время как объяснение явлений определенного класса. В тех случаях, когда возникают противоречия с эмпирическими тестами, научная теория поддается ревизии или «поправляется». Либо ею пренебрегают и за-

меняют новой, хорошо подтверждаемой эмпирическими доказательствами.

Среди научных знаний часто встречаются существующие бок о бок конкурирующие теории, объясняющие одни и те же явления различными способами. С этим можно согласиться, особенно в общественных науках, но можно и подвергнуть такие соперничающие между собой теории «эмпирической оценке», позволяющей рассудить, какое из предлагаемых теоретических объяснений является лучшим.

Постоянная бдительность и проверка теорий, готовность их отвергнуть и неустанный поиск нового языка, новых, более совершенных теоретических проектов, которые лучше описывают и объясняют все динамичнее изменяющуюся общественно-политическую действительность, позволяют в ходе научных исследований изучать процесс постоянного, постепенного и неуклонного развития теорий, их тестирования и отказа от них, модификации либо временного их сохранения в качестве действующих¹.

Без этих изнурительных усилий, зачастую лишаящих исследователей всякого интереса, без заботы о том, чтобы теория была выражена как можно более формальным образом, без непрерывной заботы об эмпирическом подтверждении ценности теории, научные знания ничем бы не отличались от иных типов знаний, доступных человеку. Они были бы отражением личных убеждений, идеологического видения или признанных религиозных убеждений.

Как нам уже известно, такой взгляд на теорию и науку является общепринятым в естествознании, но не в общественных науках, где обращается внимание на то, что существуют разные способы исследования, интерпрета-

¹ *Political Theory in Transition*, N O'Sullivan (red), London – New York 2000, passim.

ции и развития знаний о человеческом обществе, а наука – лишь один из таких способов. Именно этот частный «способ» будет описан далее более подробно.

4. СТРУКТУРА ЭМПИРИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

В общественных науках теорию часто представляют как важную и обособленную форму, в которую облачают научные знания. Такой подход позволяет сосредоточить внимание на ее структуре, а значит, на подробном содержании компонентов, из которых и состоит эта форма. Кроме того, это позволяет признать одну из ее моделей в качестве нормативной схемы, характерной для эмпирической теории. Теория в этом случае понимается как комплекс языковых объектов, которые поддаются всестороннему логическому анализу. Чаще всего различают следующие составные части такой схемы:

- (1) язык теории;
- (2) совокупность взглядов, принимаемых в качестве положений или законов теории;
- (3) набор формальных доказательств, базирующихся на принципах данной теории, для обоснования истинности одних положений на основании других;
- (4) свойства данной эмпирической теории процедуры эмпирического доказательства истинности взглядов;
- (5) границы теории, а вернее, совокупность всех тех эмпирических систем, которые данная теория описывает и объясняет¹.

При случае стоит обратить внимание на некоторые важные проблемы, которые создают политические тео-

¹ R. Wojcicki, *Metodologia formalna nauk empirycznych*, Wrocław – Warszawa 1974, s. 20.

рии, как и любые другие эмпирические теории в общественных науках, рассматриваемые с точки зрения их структуры. Особенно в тех случаях, когда их пытаются представить как совокупность взглядов, выраженных посредством языка, поставленного в определенные жесткие рамки. Именно представляемая таким образом концепция теории привела к многочисленным недоразумениям, некоторые из которых существуют и по сей день, особенно, в общественных науках. Тем важнее необходимость объяснить сущность этих противоречий, которые, как нам кажется, носят сугубо вербальный характер.

4.1. Язык теории

В истории эмпирического познания еще со времен Гиппократата обнаружена определенная частная проблема науки. Эта проблема связана с опытом, чаще всего понимаемым как чувственный контакт человека с объектами материального мира¹. Таким образом, внешний мир, тот, который нас окружает, оказывается «раздвоенным», поскольку в нем существуют объекты, непосредственно доступные нашему взгляду, познаваемые непосредственно зрительно, и объекты, явленные нам лишь опосредованно – когда на основании того, что мы непосредственно наблюдаем, мы делаем выводы о чем-либо, что непосредственно наблюдать не можем². В то же время, познание носит опосредованный характер, и это общепризнано как черта, характерная для научного познания, которое не может принять такое понимание мира, которое является

¹ *Filozofia a nauka. Zarys encyklopedyczny*, Z. Cakowski, J. Kmita, P.L. Smoczyński (red.) Wrocław – Warszawa 1987, s. 433.

² M. Czarnocka, *Obserwacja bbepośrednia*, "Studia Filozoficzne" 1990/1, s. 155-156; *por.także* Z. Kraszewski, *Logika – nauka rozumowania*, Warszawa 1984, s. 16-18.

непосредственно через наши ощущения, но должно стремиться добратся до причин, которые кроются в глубине, в пластах реального мира, непосредственно недоступных нашему чувственному восприятию. Объекты или их особенности, которые удается изучить путем непосредственных наблюдений, например, стол, лампа, Луна, человек¹, описываются при помощи «эмпирических терминов». Во время как описание объектов или их особенностей, которые недоступны для непосредственного наблюдения, требуют использования «теоретических терминов».

В политологии, как и во всех общественных науках, объектом непосредственного наблюдения являются, конечно же, люди, их поведение и последствия их поступков. Такие же термины, как, например, «власть», «политика», «государство», «ценность», «мотив», «интерес» и т. п., касаются конструктов, которые невозможно наблюдать непосредственно. Единственно возможный способ их изучить – путем умозаключений на основании изучения эмпирических последствий человеческих поступков.

«Эмпирические термины» являются противоположностью «теоретическим терминам», несмотря на то, что и те, и другие относятся к реально существующему миру, доступному чувственному познанию. Первые позволяют описать то, что находится «на поверхности» этого мира, что явственно, что воздействует на чувства наблюдателя как раздражитель. Другие же позволяют описать то, что скрыто от человеческого сознания, но все же, по нашему мнению, существует, правда, в глубинных слоях действительности.

Это «раздвоение» мира иногда проявляется в ходе дискуссий о языке научной теории. В таких случаях предла-

¹ J. Giedymin, *Problemy. Założenia. Rozstrzygnięcia. Studia nad logicznymi podstawami nauk społecznych*, Poznań 1964, s. 52, 81

гают, принимая во внимание эти 2 вида терминов, что в качестве теории следует признавать исключительно систему «... взглядов, содержащих, по крайней мере, одно положение, основанное не на эмпирическом опыте, т. е. такое, которое содержит теоретические термины»¹. В этом случае теорию следует трактовать как кратко сформулированные при помощи «теоретических терминов» отчеты о взаимосвязях, то есть отчеты, которые объединяют отдельные наблюдаемые события и свойства. Судить об истинности или ложности такой теории можно, исходя из того, насколько теория применима или неприменима к утверждениям об объектах, наблюдаемых непосредственно. Принятие этой точки зрения позволяет специалистам по методологии осмыслить отношение языковых выражений к исследуемой наукой внеязыковой действительности. Таким образом, проблему научной теории можно постичь не только в логическом контексте, но, прежде всего, в контексте философских принципов, объясняющих природу значения и природу познания.

Такой подход к теории вызвал в методологии бурную и многогранную дискуссию, в ходе которой часть исследователей высказывалась за убеждения, называвшиеся некогда «догматом редукционизма», добиваясь, чтобы каждому понятию в теоретической терминологии соответствовали бы определенные события, которые можно наблюдать и которые позволили бы подтвердить или опровергнуть истинность этого понятия. Если бы эта попытка удалась, то можно было бы признать, что теоретические термины не означают в сущности никаких ненаблюдаемых физических объектов. Принятие описанного положения позволяло его сторонникам реалистически интерпретировать теорию, противопоставляя ее

¹ Giedymin, *Problemy*, s. 181.

интерпретации, предлагаемой сторонниками инструментализма. Эта интерпретация, в свою очередь, была свойственна такому стилю научного мышления, в соответствии с которым, научные законы и научные теории не являются ни истинными, ни ложными утверждениями о природе существующей действительности. Они лишь служат инструментом, позволяющим упорядочить и спрогнозировать наблюдаемые факты.

Такие размышления выявляют парадоксальность ситуации, в которой пребывают теоретические понятия. В том случае, если они хорошо справляются со своей ролью, а, следовательно, позволяют сформулировать законы, объединяющие наблюдаемые явления, можно без них обойтись, признав их излишними и подменяя их исключительно понятиями, сформулированными на основе наблюдений. Лишними и даже вредными они оказываются и в тех случаях, когда не справляются со своими функциями, когда им недостает эмпирического эквивалента. А поскольку в каждой теории теоретические термины либо исполняют, либо не исполняют свое предназначение, то в обоих случаях можно признать их излишними. Этот парадокс называется «дилеммой теоретика»¹ и впервые был обнаружен во время дискуссии по поводу одной из частных версий описательной концепции науки, целью которой стало правдивое описание непосредственно наблюдаемого мира.

Все же, оказалось, что в науке невозможно пренебречь «теоретическими терминами» из-за сложности, которая возникает при попытке перевода с языка, при помощи которого ученые пытаются выразить то, что непосредственно чувственно постижимо, равно как и то, что доступно чувственному восприятию, но лишь путем опосредо-

¹ C. G. Hempel, *The Theoretician's Dilemma. A Study in the Logic of Theory Construction*, Minnesota Studies, H. Feigl, M. Scriven, G. Maxwell (red.), vol. 2, Minneapolis 1958, s. 49-50.

ванного контакта. Перевод «теоретических терминов» в «эмпирические термины» до конца невозможен. Именно поэтому для того, чтобы придать какому-нибудь языку эмпирическую интерпретацию, необходимо, чтобы этот язык содержал в своем составе так называемый «наблюдательный язык», т. е., такой язык, все нелогичные термины которого интерпретированы непосредственным образом, а тем более, при помощи наглядных процедур. В этих целях применяется «наглядное определение», которое сводится к непосредственному указанию на определенные объекты в качестве обозначения данных понятий¹. Остальные нелогичные термины, фигурирующие в языке теории, а тем более, «теоретические термины», могут быть интерпретированы единственно опосредованным способом – при помощи постулатов, связывающих их с интерпретированными с помощью непосредственно наблюдательных терминов. Однако, проблема заключается в том, что такие принципы перевода языка эмпирической теории создают неадекватный образ, составляют лишь совершенную методологическую модель, которая по отношению к действительным моделям науки оказывается упрощенной функцией².

Вся сложность проблемы «переводимости» языка еще раз демонстрирует современный уровень эмпирических знаний об условиях, в которых происходит чувственное познание действительного мира, где познающий субъект выступает стороной действующей и активной, а не пассивным наблюдателем доступной его чувствам реальности. Тем более, что «эмпирические термины» отягощены некой смысловой нагрузкой, выходящей за рамки «чистых чувственных ощущений».

¹ W. V. O. Quine, *Filozofia logiki*, tłum. H. Mortimer, Warszawa 1977, s. 13-16.

² M. Przełęcki, *Logika teorii empirycznych*, Warszawa 1988, s. 117.

Эти особенности приводят к тому, что каждый тип теории (если только эти теории имеют, что сказать о реально существующем мире) – без оглядки на то, содержит ли он положения с «эмпирическими терминами» или исключительно положения с «теоретическими терминами», можем ли мы назвать эту теорию описательной (принимая во внимание «эмпирические термины») или же толковательной (принимая во внимание содержащиеся в ней «теоретические термины») – остается все в той же ситуации, если мы говорим о переводе на наблюдательный язык, то есть, о невозможности однозначно описать теории на основе эмпирических данных.

До сих пор никому не удалось разрешить эту проблему. Спор о том, что использование термина «теория» допустимо только для такой структуры, язык которой состоит исключительно из эмпирических терминов, или, наоборот, из терминов теоретических, весьма показателен. Как правило, от теории в эмпирических науках ожидается, чтобы все ее основные «теоретические термины» были взаимосвязаны с «эмпирическими понятиями». При этом допускается также существование исключений, особенно в эмпирических теориях узкого естествознания, где встречаются теоретические термины, не связанные с эмпирическими понятиями.

Сторонники таких исключений убеждены, что то, что является самым главным в теории, что позволяет выйти за рамки эмпирического, описательного познания, описывающего действительность как она есть, это как раз и является ее «фундаментом», «ядром» или «теоретической онтологией», кроющейся в ее теоретической части, содержащей выражения, выходящие за пределы сферы эмпирических знаний, в которых идет речь о том, что недоступно непосредственному наблюдению, что выходит

за рамки актуального опыта¹. Теория является формой представления мира, выходящей за пределы того, что можно увидеть и измерить. Такая теория не возникает в результате индуктивных обобщений. Она берет свое начало в человеческом воображении, является творческой гипотезой, говорящей о том, какой вид может иметь определенный, не поддающийся наблюдению пласт действительного мира.

Это теоретическое «ядро» выполняет функцию логической предпосылки для остальных суждений «общей» теоретической системы, будучи их объяснением и логическим обоснованием. Иногда же название «теория» сохраняется только для этой узкой части теоретической системы. В этом случае описание определенного явления или определенного типа явлений выходит за пределы теории, теория же этого явления находится вне пределов его описания. Центр тяжести при определении того, что же является теорией, переносится с характеристики ее языковой структуры на функции, которые должна выполнять эта система.

Слабым местом «узкого» понимания теории является стирание однозначного, не поддающегося определению, разделения ее компонентов на «теоретические» и «наблюдаемые». Описание получается отделенным от толкования и становится функцией науки, теории же остается функция толкования. Замалчивается также формальная структура эмпирической теории, которую составляют в равной мере как дедуктивные, так и индуктивные зависимости.

В конечном итоге, зачастую необоснованно считают, что индуктивный характер науки служит признаком ее несовершенства, а научная дисциплина, которая

¹ J. Watkins, *Nauka a sceptycyzm*, tłum. E. i A. Chmieleccy, Warszawa 1989, s. 132, 170.

создает описательную теорию, находится на начальной, эмпирически-описательной стадии своего развития, является дисциплиной идеологической (описательной, феноменалистической)¹. Однако же, такой взгляд на вещи спровоцирован убеждением, что хорошо обоснованные, имеющие солидные основания, теории должны иметь дедуктивную структуру. Они должны объяснять мир, ссылаясь на не поддающийся наблюдению пласт действительности, и быть логически обоснованными. По этой самой причине науки делятся на эмпирические и теоретические, как будто первые не пользуются теориями, а вторые пренебрегают чувственным опытом. В этом случае эмпирические науки трактуются как идеографические, ограничивающие себя до изложения суждений о наблюдаемых объектах или событиях для того, чтобы формулировать эмпирические обобщения, касающиеся цикличности или закономерности, проявляющейся в наблюдаемом срезе действительного мира.

Однако это не является результатом, заслуживающим названия «теоретического», который достигается лишь тогда, когда, мы, допуская существование объектов, не поддающихся непосредственному наблюдению, приписывая миру чувственно непостижимые структурные характеристики, методом дедукции – на основании начальных условий – анализируем данные явления, описанные в результате непосредственного наблюдения, и тем самым объясняем причины явлений, лежащих в плоскости изучения посредством чувственного опыта. Достижение такого результата в виде объясняющей теории дает право определять данную сферу научных знаний как теоретическую. Это одна из причин, по которой общественные науки слыт «худшими», либо

¹ J. M. Bocheński, *Współczesne metody myślenia*, Poznań 1992, s. 129.

вообще не заслуживают называться науками – в смысле науки, объясняющей те или иные явления – поскольку им не удастся преодолеть стадию регистрации фактов, и они по-прежнему остаются на эмпирически-описательном уровне.

Проблемы, которые в науке создает язык, теоретически неизбежны. Они ослабляют приведенные выше взгляды, поскольку невозможно выстроить эмпирический фундамент науки, не прибегнув к теории¹. Более глубокий анализ этой проблемы свидетельствует о том, что теория в эмпирических науках не является единственной системой упорядоченных математических дедукций – положений, которые можно доказать в довольно краткой форме – но лишь должна в своей аргументации придерживаться краткости в отношении того, что наблюдается, равно как и содержать постулаты и модели, которые ниоткуда невозможно дедуцировать.

4.2. Теоретические взгляды

Теоретические положения, как структурный элемент теории, – это, прежде всего, своды утверждений, законов, гипотез, а значит, языковых объектов, которые, наравне с трудно устранимыми особенностями, относящимися к языку, которым выражены, порождают и различные противоречивые мнения, главным образом, об их формах и способах упорядочивания в теорию. За всем этим кроется сложная проблема многочисленных взаимосвязей теоретических утверждений, возникающих в результате логических выводов.

¹ *Watkins, Nauka a sceptycyzm, s. 186.*

В методологиях общественных наук эта проблема порождает исключительно острую и многовекторную полемику. В ходе этой полемики все чаще находит поддержку точка зрения, в соответствии с которой, теоретические положения, составляющие общественные теории, на самом деле имеют форму общих теоретических положений (законов науки), но не соответствуют дополнительным условиям, касающимся содержания понятий, заключающихся в этих положениях. Проблема же их упорядочивания и далее остается неясной¹.

Принимая во внимание весомость проблемы, следует обсудить ее более подробно, что, впрочем, не означает, что это обсуждение будет исчерпывающим. Методологический статус общих теоретических положений в общественных науках пробуждает наибольший интерес и в то же время является наиболее спорным. Эти общие теоретические положения иногда называют «научными законами».

Предварительно следует принять начальные условия, в соответствии с которыми, «научный закон» является общим утверждением, описывающим некую схему, цикличность в возникновении общественных явлений, представляющим определенный взгляд на их существование и возникновение. Однако же, для того, чтобы такое утверждение можно было назвать «научным законом», оно должно в общем, широком смысле соответствовать стандартам принятой научной методике. Научная же методика чаще всего требует, чтобы утверждение, претендующее называться «научным законом», соответствовало ей во всех деталях, как по форме, так и по содержанию².

¹ S. Amsterdamski, *Nauka a porządek świata*, Warszawa 1983, s. 49-92; por. także: *Szczegółowa analiza pojęcia prawa nauki w pracy C.G. Hempela, Aspekty of Scientific Explanation and Other Essays in Philosophy of Science*, New York 1965.

² K. Matraszek, J. Such, *Ontologia, teoria poznania i ogólna metodologia nauk*. Warszawa 1982, s. 169-170.

Среди формальных условий чаще всего выделяют следующие 4, соблюдение которых дает право утверждению называться «научным законом»:

- (1) желательно, чтобы это краткое утверждение было общим, то есть, говоря условно, его формулировка должна учитывать множество факторов, охватывающих все элементы данного класса¹;
- (2) чтобы это утверждение выходило за рамки ограниченного класса единичных положений. Интерпретируя это условие несколько иначе, можно сказать, что эти взгляды должны быть сформулированы кратко, но при этом носить универсальный характер. Они должны быть такими, чтобы их невозможно было заменить единичными положениями, разве только в том случае, если предположить, что мир ограничен во времени, и что в мире существует ограниченное количество явлений, о которых идет речь в сформулированных теоретических положениях;
- (3) к формальным условиям относится и положение о том, что научный закон – это утверждение, открытое онтологически. Следовательно, такое утверждение, прежде всего (либо исключительно), должно иметь отношение к объектам будущим. По этой причине, оно не может иметь отношение лишь к объектам прошлого или настоящего времени, то есть, состоявшимся, поскольку в этом случае оно было бы утверждением онтологически ограниченным;
- (4) последним из формальных требований является ожидаемое соответствие данного утверждения требованиям эпистемологическим. Это возможно

¹ W. Krajewski, *Prawa nauki. Przegląd zagadnień metodologicznych*, Warszawa 1982, s. 42-46.

лишь в том случае, когда утверждение, главным образом (либо исключительно), относится к непознанным объектам. В ситуации, когда утверждение ограничено эпистемологически, а тем более, если оно касается исключительно познанных объектов, оно является исключительно следствием индукции, в то время как научный закон не должен являться результатом применения только индукции. Это обстоятельство, по крайней мере, гарантирует ему открытость познания.

Помимо формальных условий, к утверждениям, претендующим называться научными законами, предъявляются неформальные требования, касающиеся сущности их содержания. Выполнение последних, в свою очередь, делает утверждение:

- (1) достаточно хорошо подтвержденным¹;
- (2) таким, которое можно однозначно отнести к какой-либо теории,
- (3) таким, которое может убедительно объяснить исследуемые явления;
- (4) таким, которое может прогнозировать развитие явлений.

В ситуации, когда утверждение соответствует лишь формальным и не вполне соответствует неформальным условиям, о нем можно сказать, что оно является утверждением, вряд ли правдоподобным, хотя иногда по своей форме оно может и сойти за закон. В свою очередь, утверждение, соответствующее всем условиям, включая, как формальные, так и неформальные, может быть признано научным законом. Именно о таком законе можно сказать, что «...он является кратко сформулированным, но при этом универсальным определением,

¹ *Matraszek, Such, Ontologia, teoria poznania i ogólna metodologia nauk, s. 169.*

выходящим за рамки ограниченного класса единичных теоретических положений, онтологически и эпистемологически открытым, неопровержимо подтвержденным, принадлежащим к одной из теорий, позволяющим прогнозировать и изучать определенные явления»¹. Если же рассматривать проблему под другим углом зрения, принимая во внимание тот факт, что в законе содержится описание определенной закономерности, можно сказать, что «...он является кратко сформулированным определением, предшественник которого обеспечивает условия проявления закономерностей, описанных последователем»².

Именно такой вид имеют основополагающие условия, выдвигаемые к «закону» общей методологией науки. Тем временем, фактическая ситуация, сложившаяся в исследовательской практике общественных наук, выглядит таким образом, что утверждения этих наук не носят характер кратко сформулированных, но при этом универсальных определений, а если сформулированы безотносительно к определенному участку пространства или безотносительно к конкретной исторической эпохе, оказываются неизбежно ложными. С другой же стороны, если ввести такие привязки, тем самым они лишатся права называться «законами» в том смысле, в котором это понятие употребляют методологи, поскольку в сфере общественных наук невозможно сформулировать утверждения, которые были бы безгранично универсальными и в то же время истинными.

Это принципиальное противоречие, между прочим, является причиной совершенно неясного и противоречивого положения в вопросе о возможности формули-

¹ *Matraszek, Such, Ontologia, teoria poznania i ogólna metodologia nauk, s. 170.*

² *Там же, стр. 170.*

ровать так называемые законы, которым подчиняется жизнь общества. В общественных дисциплинах, учитывая особенности их предмета исследования, способного к авторефлексии и сознательному строительству будущих общественных устройств, невозможно сформулировать утверждения, которые пользовались бы статусом научных законов. Этот статус может быть присвоен единственно утверждениям основательно обоснованным или же не поддающимся фальсификации, в особенности, утверждениям кратким и в то же время безгранично универсальным, а также общим теоретическим положениям, которые являются результатом их дедукции.

4.3. Обоснование теоретических взглядов

К системе научных знаний, независимо от предмета, которого они касаются, следует относить лишь те описания, утверждения и теории, которые были достаточно проверены методом интересубъективного контроля для того, чтобы их истинность или ложность не зависели от того, кто их провозглашает. Однако же, соблюдение этого условия вовсе не превращает эти обоснованные знания в набор неопровержимых истин – неопровержимость взглядов никогда невозможно доказать, ложность – да!

В этом случае единственным из неформальных условий, предъявляемых к теоретическим взглядам, является их по-возможности достаточное обоснование. В связи с этим, в структуре эмпирической научной теории должны присутствовать взгляды в отношении используемых на ее основе процедур эмпирического суждения об истинности утверждений, а также набор формальных доказательных средств, используемых при обосновании истинности одних положений на основе других.

Обосновать какое-либо мнение – это все равно, что утверждать, что были выполнены все условия, достаточные для признания этого мнения истинным. Чаще всего прибегают к 4 основным типам обоснования, различающимся между собой условиями, которые признаются в качестве достаточных для признания какого-либо мнения истинным¹. Эти условия формулируются следующим образом:

- (1) осуществление соответствующих наблюдений;
- (2) использование определенной терминологии;
- (3) использование интуиции;
- (4) использование определенных положений, признанных истинными.

Методологию общественных наук, прежде всего, интересует первый пункт обоснования. Дело в том, что здесь речь идет о поиске решения непростой проблемы, каковой является описание способа обоснования эмпирического утверждения (гипотезы), опираясь на результаты наблюдений. Доказательство (обоснование) является одним из частных случаев мыслительного процесса, суть которого заключается в выводе из данной гипотезы логических следствий в виде наглядных положений, логическая истинность или ложность которых может быть установлена на основе наблюдений (или эксперимента). Вследствие этого главными предпосылками для эмпирических наук являются положения, выводимые из чувственного опыта, а значит, **положения очевидные (наблюдательные)**, которые по своей форме являются положениями **частными**, относящимися к одному определенному предмету или явлению. В эмпирических науках эта особенность имеет определяющее значение для выбора способа обоснования. Речь идет о том, что из одного частного поло-

¹ *Mała encyclopedia logiki, Wrocław – Warszawa 1988, s. 123.*

жения и даже из множества частных положений логически не следует общее положение, которое относилось бы к иным объектам, нежели те, к которым относятся эти частные знания¹.

Предлагаются 2 различных варианта решения этой проблемы, которые одновременно являются основными методами обоснования положений эмпирических наук. Первый из них ведет к индукционизму (называвшемуся некогда «эмпиризмом» или «редукционизмом», этот последний термин ввел В. Квин). Второй ведет к дедукционизму (термин Карла Поппера) или, иначе, к гипотетизму.

Метод индукции признан эффективным и основным способом вывода научных утверждений и их обоснования. Следовательно, он находит применение на обоих этапах исследовательского процесса, равно как и способствует накоплению единичных фактов, описываемых посредством положений, сформулированных на основе наблюдений. Этот же метод позволяет обобщать и обосновывать эти наблюдения. В этом случае индукция скорее является процессом, посредством которого исследователь может переходить от фактов известных, т. е. от какого-либо наблюдаемого положения вещей, к формулируемым им теоретическим утверждениям (теориям), которые призваны объяснять эти наблюдаемые факты. Таким образом, мы получаем нечто доселе неизвестное, недоступное нашему опыту, то, что дополняет известные факты и затем обосновывается при помощи этих же фактов, а также при помощи индукции. Это утверждение (гипотеза) получает частичное подтверждение в том случае, если выведенные из него логические следствия в форме очевидных положений, не противоречат нашему чувственному опыту,

¹ С. G. Hempel *Podstawy nauk przyrodniczych*, Warszawa 1986, s. 29.

т. е. наблюдениям, экспериментам. Это частичное подтверждение (верификация) называется в научной методологии **позитивным подтверждением** или **конфирмацией** (от лат. *confirmation* – утверждение). В общем случае, если прибегнуть к упрощениям, такое обоснование происходит по следующей схеме:

Действительно ли Н? отв.: Н – N

N

следовательно: вероятно Н

Процедура верификации является скорее обоснованием, которое сопровождается ненадежными (сомнительными) размышлениями, составляющими процедуру редукции¹. Положения, сформулированные на основе наблюдений, являются в этом процессе предпосылками, которые путем логических умозаключений вытекают из предположений, т. е. выводятся в соответствии с логическими принципами. Ненадежность (сомнительность) редукционного обоснования гарантирует логический закон, гласящий, что из истинных положений не могут быть путем логических умозаключений выведены положения ложные, в то время как из ложного положения путем логических умозаключений может быть выведено положение истинное. Поскольку обоснование редукционно, содержащиеся в нем очевидные положения, признаваемые истинными на основании свидетельств наших ощущений, являются лишь частичными, временными, относительными предпосылками! Положения, обоснованные таким образом, лишь субъективно можно признать истинными, поскольку

¹ J. Przybyłowski, *Logika z ogólną metodologią nauk*, Gdańsk 2001, s. 168.

нам известны логические последствия этих положений, проявляющиеся по мере накопления фактов в результате наблюдений, истинность которых не вызывает нашего сомнения, либо может быть подтверждена опытным путем¹. Тем не менее, верифицированные по всем правилам гипотезы при определенных обстоятельствах, особенно в общественных науках, иногда воспринимаются как научные законы, несмотря на то, что для них не находится полного обоснования. Проблема же – как измерить степень редукционного обоснования и в каком случае можно признать его достаточным – является одной из самых сложных и противоречивых проблем методологии эмпирических наук.

В свою очередь гипотетизм – критический из-за индукционизма – предлагает негативное подтверждение, известное как фальсификация, основывающееся на проверке всевозможных логических последствий свободно принимаемой гипотезы и, в случае, когда хотя бы одно из этих последствий оказывается ложным, признании проверяемой гипотезы опровергнутой (сфальсифицированной). Эти логические выводы отважно выстроенной гипотезы являются следствием предвидения на ее основе экспериментальных фактов и проверки, произойдут ли они. Если утверждения не находят подтверждения, теория рушится, но если эмпирические свидетельства будут соответствовать прогнозам, то этот факт будет означать только частичное подтверждение гипотезы, поскольку нет полной уверенности в том, что последующие эмпирические тесты ее не сокрушат. Подтвержденные таким образом гипотезы (теории) никогда не содержат однажды и навсегда обоснованного знания, но только знание час-

¹ В. Krauz-Mozer, *Metodologiczne problemy wyjaśniania w nauce o polityce*, Kraków 1992, s. 89-90

выводов, что означает, что вывод логически следует из предпосылок. В редукции же мы имеем дело с ситуацией, в которой переход от предпосылок к выводам не соответствует направлению логических выводов, в том смысле, что предпосылки логически следуют из выводов, принимая во внимание определенные положения, составляющие часть знаний того, кто делает выводы. Рассматривая данную проблему несколько иначе, можно сказать, что в редукционном мышлении (выводах) предпосылка является следствием (результатом), а основание (причина) является выводом.

Обе процедуры эмпирического обоснования, каждая из которых имеет собственные, характерные для нее проблемы, вынуждены в значительной мере идти на попятную перед сложными условиями интерсубъективности.

Итак, идея, которая склоняет исследователей к постоянному поиску условий правильного обоснования описаний, утверждений или теории науки, – это стремление к поиску основания для признания истинности или ложности научных положений, независимо от того, кто их пропагандирует. Одним из двух чаще всего указываемых условий правильного обоснования является требование осуществлять интерсубъективный контроль утверждений и научных теорий. Соблюдение этого условия возможно в науке благодаря интерсубъективному общению, основывающемуся, между прочим, на использовании номинальных определений, способствующих тому, что семантическое содержание научных положений становится публичным и не зависит от интуиции исследователя. Таким образом, научные знания, полученные опытным путем, становятся общедоступными. Другим же условием является требование интерсубъективно подтверждать эти знания, гарантируя каждому желающему выполнение любого количества наблюде-

ний или экспериментов, подтверждающих данные тезисы. Причем, это возможно лишь настолько, насколько ранее было выполнено условие интересубъективного общения¹.

Интерсубъективный контроль научных положений, выполняющий оба названных условия, должен обращаться к опыту объективного наблюдения внешних проявлений различных типов поведения, т. е. наблюдения внешнего, которое, для того чтобы оно могло быть доступным многим исследователям, должно быть направлено вне, в направлении общественного мира. Предполагается, что таким образом судить о «данных» науки смогут все, кто этого пожелает, и научные утверждения могут быть признаны в качестве истинных, независимо от того, кто и когда их сформулировал.

Обозначенная таким образом цель остается недостижимой и может означать, как максимум, ориентир, к которому следует устремлять исследовательские усилия. Реализации поставленной цели препятствуют, по меньшей мере, 2 обстоятельства: научное знание, кроме множества других особенностей, является, в определенном смысле, также и нашей собственной интерпретацией — существа, определенным образом наделенного биологическими и культурными особенностями. И, кроме того, каждая мысль для того, чтобы стать знанием, должна быть выражена при помощи определенного языка. Независимо от того, что объектом поисков науки служат особенности, не зависящей от языка действительности, все равно она не может обойтись без языка, как инструмента коммуникации, так же, как и претендовать на языковой нейтралитет в ситуации, когда язык является также инструментом описания этой действительности. Все, что

¹ K. Szaniawski, *O nauce rozumieniu i wartościach*, Warszawa 1994, s. 8-17.

можно предпринять в такой ситуации, это «...укрепить объективизм и ослабить интерференцию языка посредством самого выбора языка»¹.

Итак, кажется, что степень интерсубъективности, имеющая решающее значение для контроля обоснований научных теорий, соотносится со степенью математизации таким образом, что «... научные утверждения тем более интерсубъективны, чем более они формализованы математически не тривиальным способом»². В конечном итоге, частные научные дисциплины тем отличаются друг от друга в лучшую сторону, чем легче их тезисы поддаются интерсубъективному контролю, чем богаче они математическими средствами, позволяющими выполнять дедуктивные доказательства истинности одних положений на основании других, уже признанных истинными. В этих условиях язык первого уровня, выработанный посредством математической логики, подробно описывающей как словарный состав, так и правила математического языка, а при случае, и языка математизированных естественных наук, признается в качестве оптимального для науки, поскольку представляется относительно стабильным с точки зрения истинности и фальши.

Некоторые эмпирические теории, помимо процедур эмпирического обоснования, имеют в своем распоряжении дедуктивные средства, позволяющие выполнять формально-логическое обоснование, т. е. обоснование доказательное. Общественным наукам, принимая во внимание частные особенности предмета их исследования, который, в принципе, не поддается математическо-

¹ W. V. O. Quine, *Granice wiedzy i inne eseje filozoficzne*, Warszawa 1986, tłum. B. Stanosz, s. 34-35; por. Także: F. Fernandez-Armesto, *Historia prawdy*, Poznań 1999, tłum. J. Ruzkowski, *passim*.

² J. Woleński, *Umiarkowana obronascjentyzmu "Studia Filozoficzne"* nr. 9/1986, s. 70.

му описанию, таких теорий недостает. Аппарат понятий общественных наук далек от той степени однозначности в представлении результатов исследований, идентификации фактов, которая позволила бы достичь соответствующей систематизации, поддающейся логически правильной количественной оценке (квантификации). В конце концов, эмпирические общественные науки, о которых порой говорят, что они не являются науками в идеальном смысле, формулируют теории слабее обоснованные, а, следовательно, и менее «дедуктивные», а также менее «математизированные», и поэтому более «гипотетические» и «индуктивные». Особенности этого рода позволяют не признавать мнение о ненаучности политологии, формируют аргумент, подтверждающий принципиальность положения, утверждающего взгляды, в соответствии с которыми, «научность» является атрибутом, который знания приобретают поэтапно.

Однако, даже такой высокий уровень интерсубъективного контроля обоснования научной теории, который становится возможным благодаря использованию математического языка для выражения теоретических утверждений, не гарантирует их безусловной истинности, независимо от того, кто формулирует эти утверждения, поскольку существуют четкие границы формализации математических систем, а, значит, формализации эмпирических теорий. Поэтому, научные знания, независимо от того, каким образом выполнено их обоснование, остаются знаниями временными, относительными, в которых «...все допускает ревизию, включая... закон исключенного среднего»¹.

¹ W. V. O. Quine, *Granice wiedzy i inne eseje filozoficzne* s. 46.

4.4. Границы теории

Рассматривая эти вопросы самым простым и не самым подробным образом, можно сказать, что о сфере теории позволяет судить набор частных условий, определяющих степень важности теории и область ее применения. Теория как бы сама определяет область своего применения через те логические выводы, которые вытекают из ее утверждений.

Выполняя построение теории, мы создаем нечто, что можно было бы назвать «познавательной перспективой»¹, через призму которой исследователь рассматривает окружающий нас общественный мир в его политическом измерении. Эмпирические теории построены таким образом, чтобы полученный при их помощи образ фрагмента мира был как можно более адекватным. В одних случаях теория может касаться лишь одного определенного эмпирического уклада, и в то же время этот определенный уклад составляет и объект, и сферу теории (например, в политологии и теории политики сфера объекта исследования данной дисциплины отождествляется со сферой теории, сформулированной этой дисциплиной). В других же случаях, теория может касаться определенного класса отличающихся между собой эмпирических укладов (например, общественная теория, относящаяся ко множеству различных классов общественных явлений, в том числе, и политических).

Рассматривая упомянутую проблему в общих чертах, можно принять, что определенные условия выражают и абстрактных теоретических терминах те особенности, которым должна соответствовать ситуация, в которой

¹ K. Ajdukiewicz *Naukowa perspektywa świata*, K. Ajdukiewicz, *Język i rzeczywistość* I I Warszawa 1985, s. 215-221.

теория могла бы найти свое применение, а значит, чтобы предлагаемые ею объяснения и предположения оказались точными.

Анализ структурного аспекта теории позволяет исследовать, насколько спорно и неоднозначно понимаемы элементы теоретической структуры, выявляет их философскую запутанность и различные логические особенности. Оказывается, что, невзирая на то, удачно ли скомпонована система элементов, признанных тут в качестве схемы эмпирической теории, или же нет, выделение всех оговариваемых составных частей, особенно в тех теориях, которые функционируют в сфере общественных наук, в конце концов, невыполнимо. Каждый из этих элементов, если рассматривать их обособленно, также является весьма спорным и порождает в теориях, создаваемых на основе политологии, трудноразрешимые проблемы.

Представленную тут схему теоретической структуры следует понимать как идеальную, упрощенную реальность исследовательской практики общественных наук. Невозможность опровержения структурных особенностей теории зачастую приводит к отрицанию существования квалифицированной, с точки зрения научности, теории политики, и к использованию этого термина в качестве метафоры, то есть, скорее для обозначения общности определенной группы взглядов, нежели для обозначения научной теории.

Однако же, по отношению к описанной ситуации, можно занять иную позицию и признать, что осознание трудно преодолимых проблем, возникающих в процессе построения научной теории, само по себе уже является успехом и составляет обстоятельство, благоприятствующее методологическому совершенствованию конкретной научной дисциплины. Благодаря этому легче удастся установить разницу между характеристикой научной те-

ории, приобретаемой при помощи современной методологии наук и определяющей критерии, которым должен соответствовать язык, логическая структура и достаточные для ее принятия обоснования, и тем, чем мы фактически располагаем в исследовательской практике. Это также позволяет совершенно точно доказать, что теория – особенно в общественных науках, а особенно в политологии – может быть признана научной, либо стремиться к научности лишь тогда, когда она рассматривается в смысле соответствия фундаментальным принципам принятой философии науки¹.

Еще одним преимуществом, вытекающим из этого рода анализа, является провокация методологической рефлексии политологов так, чтобы познавательная ценность знаний, находящихся в распоряжении общественных наук, могла находиться под их осознанным контролем. Умелое использование знаний общественных наук существенным образом влияет на правильность, качество и эффективность прагматического мышления в политике, целью которого является проектирование новой, а также совершенствование или преобразование окружающей нас действительности.

¹ H. Bull, *International Theory: The Case for a Classical Approach, Contending Approaches to International Politics*, K. Knorr, J.N. Rosenau (red.), Princeton 1970.

5. СТРАТЕГИИ ПОСТРОЕНИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ ИЛИ КАК ВОЗНИКАЮТ ТЕОРИИ?

Эмпирические теории могут быть построены при помощи одной из двух основных методологических стратегий, связанных либо с позицией индукционизма, либо с позицией гипотетизма. Каждую из этих стратегий можно представить в виде модели, упорядочивающей и вместе с тем упрощающей сложный образ эмпирических исследований действительности в сфере общественных наук. Обе эти методологические модели, между которыми возникает множество промежуточных версий, принципиально различными способами организуют исследовательский процесс и, прежде всего, различными способами подходят к решению проблемы обоснования научных знаний. Несмотря на эти отличия, обе модели функционируют и получили признание в рамках аналитически-эмпирической концепции науки. Они наводят мосты между теориями и исследованиями, побуждают к взаимодействию логики и наблюдения. Оба понятия считаются в исследовательской практике правомочными. Каждое из этих направлений идет характерным для себя путем, ведущим к построению теории общественных явлений.

Первая из этих стратегий, стоящая на позиции индукционизма, прежде всего, включает эмпирические исследования, а затем, на их основе – формулирование обобщений и теории. Основным методом, принятым в этой стратегии, является индуктивный, позволяющий как формулировать новые обобщения (утверждения), так

и проверять их правомочность путем внимательного обращения к чувственным ощущениям. Вторая же использует обратный процесс: прежде всего, надлежит начать с построения смелой гипотезы, благодаря которой находится ориентир, позволяющий продвижение в мире эмпирических исследований. Эта стратегия связана с позицией гипотетизма, критически относящегося к индукционизму и усматривающего собственный метод эмпирических наук в так называемом гипотетически-дедуктивном методе. Этот метод заключается в смелом выдвижении гипотез, а затем их критике при помощи дедуктивного метода, позволяющего противопоставлять гипотезы и опыт. Применяемая здесь процедура дедуктивного обоснования более надежна, создает возможность показать внутреннее согласие, существующее между отдельными положениями науки, способна к более глубокому проникновению в исследуемую действительность и делает возможным более результативное прогнозирование. При этом гипотетизм трактует индуктивный метод как не очень эффективный или вовсе призывает к его полному отлучению от науки, поскольку признано, что именно эта, вторая модель, связанная с гипотетизмом, при равных усилиях, прилагаемых для выяснения глубин действительности, недоступных непосредственному чувственному восприятию, в большей степени позволяет приблизиться к истине. По этой причине на нее иногда указывают как на обязательную для безоговорочного применения в аналитически-эмпирической модели науки. Научные знания, полученные таким путем, в значительной степени обретают познавательные и практические достоинства, поскольку позволяют точное прогнозирование, подтверждающее, что нам на самом деле известно действительное положение вещей, как оно есть на самом деле, хотя это и недоступно для наших чувственных ощущений.

Методологической моделью, о которой идет речь, в большей мере пользуются представители точных естественных наук. Познания же общественных наук, невзирая на попытки совместить в них истину с глубиной разъяснений и точностью прогнозирования, в большей мере соответствуют индуктивной методике, поскольку разъяснения здесь обосновываются, прежде всего, чувственными впечатлениями, а их «глубина» достигает наблюдательного уровня. Это положение вещей иногда воспринимается как повод для отказа общественным дисциплинам в праве называться наукой или поиска для них иной модели науки, нежели аналитически-эмпирическая модель. Иногда это расценивают как отставание и указывают различные способы методологического поощрения отдельных общественных дисциплин, в то же время выражая надежду, что в будущем все они выйдут на общий уровень.

Однако такое положение вещей можно считать нормальным и признать его в качестве научного, по крайней мере, частично соответствующего требованиям аналитически-эмпирической модели, и, прежде всего, можно согласиться с индуктивным способом обоснования утверждений в общественных науках. Знания, подтвержденные лишь опытом, не достигнут импонирующей глубины, и, хотя они эмпирически истинны, создают существенные трудности для прогнозирования. Тем самым, уменьшаются шансы достичь цели в виде знания, гармонически сочетающего познание с возможностью его практического применения. Разъяснение приобретает психологический характер, а прогнозы становятся нечеткими. В конечном итоге снижается степень научности этого знания.

В реальной исследовательской практике между уровнем теории и уровнем эмпирических исследований непрерывно возникают взаимодействия и удерживаются

взаимные зависимости, так что различия между этими двумя стратегиями являются скорее внешними, чем фактическими. Так, в ситуации, когда теория считается свободным полетом отважной мысли, это еще не означает, что данные, полученные в результате наблюдений, не могут подсказать теорию или что теории не должны быть подтверждаемы данными, полученными в результате наблюдений. Более того, в связи с этим обращается внимание на то, что основополагающие термины теории не имеют значений, установленных при помощи определенных экспериментальных процедур, а также что теория может быть признана и действовать, несмотря на то, что данные в ее пользу носят, в силу необходимости, косвенный характер¹. То же, что позволяет различить 2 стратегии, заключается в различии позиций по отношению к месту теории в исследовательском процессе, а также разных способах понимания роли и места эксперимента в научном исследовании. Однако же, догматичная приверженность какой-либо одной позиции оказывается в исследованиях нецелесообразной, тем более, что в исследовательской практике используются обе стратегии.

5.1. Индуктивная стратегия

Методологическую модель индукционизма и связанную с ней в общественных науках стратегию исследований при помощи теории систематизировал и описал Роберт Мертон, который подверг анализу функции эмпирических исследований, обратив внимание на тот факт, что они играют не только пассивную роль, заключающуюся в верификации, подтверждении или проверке либо

¹ B. Krauz-Mozer, *Metodologiczne problemy wyjaśniania w nauce o polityce*, s. 43.

опровержении гипотез, но составляют активный элемент в том случае, когда дают начало какой-нибудь новой теории или на их основании удастся сформулировать заново уже существующую теорию, придать ей другое направление или уточнить¹.

Стратегия исследований, предшествующих теории, означает в этом случае конструирование теории при помощи метода индуктивного анализа, сторонники которого действуют согласно принципу: «Наблюдай и обобщай результаты наблюдений. Прежде всего, наблюдение, потом теория! Наблюдай, не поддаваясь влиянию какой-либо теории, а затем среди полученных в результате проведенных наблюдений фактов ищи характерный образец закономерности, который мог бы указать на существование определенных, относительно универсальных принципов»². Анализ данных и выбор наиболее наглядной схемы зависимости между ними, приводит к формулированию теории, которую называют «обоснованной теорией»³.

Организованные таким образом научные исследования стремятся достичь своей оптимальной цели – «истины», придерживаясь поверхностной стороны явлений, то есть, мира, непосредственно доступного для наблюдений. Путь к ее достижению видится посредством описания всех единичных фактов и эмпирических закономерностей, а, следовательно, описания чередования и взаимного проявления событий причинно-следственного или корреляционного характера, о которых нам доподлинно известно на основании наших чувственных ощущений, что они истинны⁴.

¹ R. Merton, *Teoria socjologiczna, i struktura społeczna*, tłum. E. Morawska, J. Wartenstein-Zuławski, Warszawa 1982, s. 169-183.

² J. Such, M. Szcześniak, *Filozofia nauki*, Poznań 1997, s. 19.

³ Por.: B. Glaser, A. Strauss, *The Discovery of Grounded Theory*, Chicago 1967.

⁴ A. Chalmers, *Czym jest to, co zwiemy nauką?*, tłum. A. Chmlelewski, Wrocław 1993, s. 35-42.

Следовательно, построение теории начинается с исследований, заключающихся в определении, описании и индуктивном обобщении связей, возникающих между категориями наблюдения, а затем, представлении их в виде комплекса утверждений, в полной мере объясняющих данное явление.

Этот вид стратегии подтверждает точку зрения, в соответствии с которой подчеркивается значение индуктивных аргументов в науке. В своей наиболее распространенной версии индукционизм касается в равной мере как контекста открытия, так и контекста обоснования. Что касается контекста открытия, индукционизм утверждает, что научные исследования заключаются в индуктивном обобщении результатов наблюдений и экспериментов. Что же касается контекста обоснования, индукционизм придерживается взглядов, в соответствии с которыми закон или научная теория являются обоснованными только в том случае, когда свидетельства, говорящие в их пользу, совпадают с индуктивными свидетельствами, т. е. соответствуют определенным схемам индукции.

В этом случае положения, выработанные в результате наблюдений, принимаются в качестве достаточных предпосылок для всевозможных рассуждений, не требующих, следовательно, дополнительных обоснований. Это является следствием положения, гласящего о том, что непосредственный познавательный смысл свойственен исключительно положениям, утверждающим нечто на основании опыта. Тем самым признается, что элементарные ощущения составляют простейшие элементы, из которых все остальное, в конце концов, и состоит.

Основываясь на опыте, приобретенном в результате наблюдений, мы приходим к познанию внешнего мира посредством индукции. Однако эта схема рассуждений приводит к ложным выводам, о чем нам известно, по

крайней мере, со времен Дэвида Хьюма, поскольку истинность предпосылок (в виде наблюдений) не гарантирует истинности выводов (в виде обобщений). В лучшем случае, индуктивные выводы могут достигать высокой степени правдоподобия. Опыт подсказывает нам, правдиво и в полной мере, лишь кое-что о наших собственных убеждениях, наблюдениях. Но то, что на этом основании мы можем сказать о внешнем мире, является чем-то, что выходит за пределы нашего чувственного опыта и не может быть выведено на его основании логическим путем. Для таких утверждений общего характера о действительности, которые являются экстраполяцией отдельных наблюдений, не существует каких-либо логических обоснований¹. Так происходит, поскольку предпосылки, на основании которых можно судить о нашем опыте, приобретенном в результате наблюдений, содержат единичные положения, полученные опытным путем, о минувшем или существующем положении вещей. В то же время, утверждения, говорящие нечто о внешнем мире, выходят за рамки нашего опыта и являются либо частным предвидением грядущего события, либо положением, выражающим общую закономерность, соответствующую эмпирическим предпосылкам. Таким образом, эти положения являются логически друг от друга независимыми, поскольку ни одно из них не следует ни из другого, ни из его опровержения. Следовательно, утверждения, полученные методом индукции, неприемлемы с рациональной (т. е. логической) позиции, хотя и могут быть признаны утверждениями, верными эмпирически.

Таким образом, ни то, о чем говорят индуктивные обобщения, ни то, из чего формируются теории, нельзя оценивать в категориях правды и фальши. Законы и те-

¹ J. Watkins, *Nauka a sceptycyzm, tłum. E. i A. Chmieleccy, Warszawa 1989, s. 12, 57.*

ории, даже в том случае, если они истинны, все же являются лишь логически случайными законами о зависимостях взаимодействия или временной последовательности событий. Мы никогда не сумеем доказать, что данные события должны произойти! Мы можем постичь знание истинное и в то же время полное, но только для нас и только в том случае, если ограничимся описанием наших чувственных ощущений. В этих условиях наука является, в лучшем случае, попыткой классифицировать и описать знания, которые дает наблюдение, тот непосредственный опыт, в истинности которого не приходится сомневаться.

Индукционизм призывает своих сторонников, стремящихся к постижению надежных знаний, принять теории и обобщения, которые в минимальной степени выходят за границы опыта и, тем самым, обладают минимальной степенью риска их опровержения. Лучше придерживаться поверхностной стороны явлений, частных обобщений результатов наблюдений, чем рискованных теоретических обобщений, которые будут являться случайной экстраполяцией непознанных явлений, недоступных для нашего непосредственного наблюдения. Так же предполагается, что утверждения политических наук будут поддаваться эмпирической проверке, поскольку должны быть эмпирически разрешимыми. В противном же случае, если они не будут удовлетворять этому условию, следует причислить их к системе ненаучных знаний.

В индукционизме выразительное ударение делается на верификации существующих и новосозданных теорий, то есть, на усилиях, направленных на их максимальное подтверждение и правдоподобие, а не на их опровержение.

Вот простой алгоритм действий исследователей, в том случае, когда исследования предшествуют созданию теории. Он состоит из нескольких последовательных ша-

гов: на первом этапе исследователь выполняет анализ явления и описывает его основные характеристики; на втором этапе – исследует эти характеристики в различных ситуациях; третий этап – это анализ полученных данных с тем, чтобы с определенной степенью вероятности установить, являются ли они источником систематических отклонений (вариаций). На последнем, четвертом этапе, если удалось установить источник систематических вариаций, можно приступить к выработке некоей новой формы теории¹. Такую теорию называют базовой (или обоснованной), поскольку ее понятия и гипотезы выведены на основе конкретных исследовательских наблюдений, собранных исследователями данных, и она непосредственно обоснованна и связана с определенными ситуациями, в которых проводится исследование². Она является результатом действий, которые можно представить в виде простой и наглядной схемы обобщения посредством ее сравнения с новыми наблюдениями того же самого явления: **описание – индуктивное обобщение – тестирование.**

Эту схему можно представить иначе, более образно, указав, что исследования, предшествующие созданию теории, заключаются в «перетряхивании кубла», то есть, результатов наблюдений, с целью обнаружения некоего образца в виде принципа или же теории, которая бы упорядочивала его. На самом деле, это процедура, упрощающая и ограничивающая представления об общественной действительности, но благодаря этой мере, становится возможным трактовать определенное событие как реализацию закономерной повторяемости явлений.

¹ J. Losee, *Wprowadzenie do filozofii nauki*, tłum. T. Bigaj, Warszawa 2001, s. 62-63.

² Ch. Frankfurt-Nachmias, D. Nachmias, *Metody badawcze w naukach społecznych*, tłum. E. Hornowska, Poznań 2001, s. 313.

Широко известным примером такой стратегии построения теории являются исследования Маурицио Дюверже, который заинтересовался причинами того, что в одних государствах сформировалась двухпартийная система, а в других – многопартийная. В поисках ответа на этот вопрос, М. Дюверже изучил историческую ситуацию и современное положение общества в двух десятках стран с точки зрения количества и вида возникающих там политических партий. Полученные в ходе наблюдений результаты позволили исследователю сформулировать теорию, в соответствии с которой, в государствах возникает двухпартийная система в том случае, если в них существуют только 2 соперничающие политические силы, или в ситуации, когда их более, чем 2, но существующий там избирательный закон вынуждает к компромиссам, и, для того чтобы одержать победу на выборах, просто необходимо объединение избирателей вокруг двух мощных, конкурирующих между собой политических партий¹.

Однако, методологическая схема научного исследования, сопутствующая упомянутой стратегии, на самом деле гораздо более сложна и порождает целый ряд противоречивых дискуссий. Оставляя эту проблему в стороне, об индуктивном методе, в самом общем виде, можно сказать, что в эмпирических науках исследователю приходится осуществлять переход от наблюдения к теории через индуктивное обобщение эмпирических фактов, причем этот процесс происходит в соответствии с известными законами эnumerативной индукции, т. е. путем простых вычислений, или же в соответствии с законами элименативной индукции, или так называемых канонов Милла. Существенно то, что это индуктивное обобщение относится так же к фактам еще неизвестным, которые

¹ M. Dwyerger, *Political Parties*, New York 1963, s. 206-280.

мы относим к определенному классу фактов уже в какой-то мере нам известных. Индуктивное обобщение своими умозрительными конструкциями выходит за рамки опыта, поскольку их невозможно проверить непосредственно, «приложив» их к описываемой действительности.

Между тем, исследователь должен осознавать, что сформулированные им утверждения говорят и о том, какой эмпирический смысл заложен в иных единичных эмпирических фактах, принадлежащих к данному классу явлений. Убедиться в этом можно, выводя путем дедуктивного анализа из общих утверждений прогнозы, касающиеся отдельных эмпирических положений. Наблюдение фактов и сравнение их с прогнозами позволяет судить о том, насколько верны были предположения, и, тем самым, верифицировать теорию.

Эти особенности приводят к тому, что наука становится систематическим представлением наших непосредственных убеждений. Но является ли истинным это знание об общественном мире, окружающем нас и существующем в определенной мере независимо от нас? Однако же, не стоит задаваться этим вопросом. Ибо тем самым мы утверждаем, что наблюдения никогда не смогут предотвратить твердого, позитивного обоснования теориям или сформулированным на их основе научным прогнозам.

И все же, с психологической точки зрения, такой скептицизм неуместен. Несмотря на все сомнения, допускается существование научного знания в форме теории, при том условии, что единственной возможностью для ее признания является индуктивное подтверждение посредством эмпирических фактов.

Наука в таком понимании накапливает знания лишь о внешней стороне явлений, но зато безопасна, подтверждена эмпирически, благодаря чему в какой-то

мере истинна и может быть признана в качестве вполне достижимой цели. С другой же стороны, приверженности эмпирически подтвержденным знаниям о мире недостаточно для постижения о нем знания истинного и в то же время такого, которое бы выходило за рамки результатов наблюдений, и содержало бы нечто большее, чем «нашу истину».

Метод индуктивного анализа, связанный с позицией индукционизма, и провозглашающий, что единственным источником знания является опыт, отвечает, прежде всего, дисциплинам эмпирическим и описательным, пользующимся при описании языком наблюдателей, приспособленным для того, чтобы формулировать узконаправленные эмпирические обобщения. Таким образом, метод индуктивного анализа в достаточной степени удовлетворяет требованиям описательной версии науки, формулируемым в виде тезиса, утверждающего необходимость преобразования теоретических утверждений в утверждения об объектах, доступных для наблюдения¹, поскольку окончательным и, с эпистемологической точки зрения, безупречным фундаментом научного знания признаются эмпирические факты, полученные эмпирическим путем.

Общественные науки используют этот метод, главным образом, в качественных исследованиях, с которыми, между прочим, связана традиция *понимания*, то есть, традиция, обязывающая исследователей постараться понять общественное явление, осознать исторический контекст человеческого поведения, познать субъективные аспекты исследования человека, его ценности, ритуалы, символы, верования, эмоции, чтобы потом иметь возмож-

¹ E. Nagel, *Struktura nauki*, tłum. J. Giedymin, B. Rassalski, H. Eilsteln, Warszawa 1970, s. 113.

ность, ссылаясь на собственные наблюдения, подтвердить свою теорию. Кое-кто утверждает, что без *понимания* не удастся достичь «сути» общественной действительности, поскольку восприятие ее отдельными личностями лежит вне поля зрения наблюдателя¹.

Однако такая позиция требовала пренебречь другими особенностями науки, прежде всего, стремлением к пониманию, выходящему за пределы того, что лежит в поле зрения, а, следовательно, постулирующему существование объектов, недоступных для непосредственного наблюдения. Нежелание углубляться в исследования склоняло определенную часть исследователей к элиминации каждого утверждения, утверждающего существование чего-либо такого, чему нельзя поставить в соответствие какое-нибудь чувственное ощущение. Осуществление научных исследований в соответствии с описательной моделью науки стало протестом против такой концепции науки, которая исследует человека как организм, мотивированный физическими причинами, а ее цель заключается в объяснении явлений при помощи законов, указывающих необходимый порядок вещей и в то же время являющихся чем-то большим, нежели эмпирически истинные утверждения.

5.2. Дедуктивная стратегия

Все же, подозрения о том, что существуют объекты, которые наши органы чувств не в состоянии регистрировать непосредственно, склонило некоторых исследователей к изменению стратегии и формулированию теории в соответствии с рекомендациями гипотетизма, о котором

¹ W. Outhwaite, *Understanding Social Life. The Method Called Verstehen* London 1975.

мы уже упоминали ранее, и связанной с ним позицией гипотетически-дедуктивного метода¹.

Сторонники этого метода признают контекст открытия несущественным: неважно каким образом была построена теория, какие обстоятельства сопутствовали ее возникновению, поскольку единственное, что имеет значение для научного знания, – это способ его обоснования. Обоснование же заключается в доказательстве того, что дедуктивно выведенная из теории гипотеза не противоречит другим основательно подтвержденным законам (знаниям), а также, что эмпирические последствия такой гипотезы соответствуют результатам наблюдений². Таким образом, стратегия построения теории, предшествующей исследованиям, заключается в выводе при помощи дедуктивного метода на основании принятых в качестве исходных ожиданий образца, на который можно рассчитывать, и последующего поиска его среди данных, полученных в результате наблюдений. Теория превращается в этой стратегии в прожектор, при помощи которого можно обнаружить подтверждающие ее эмпирические события. Удачным примером построения теории при помощи дедуктивного метода может служить теория общественного выбора А. Доунса, который разъяснял и прогнозировал поведение политических партий, исходя из предположения, что политическая система – это разновидность, только более сложная, экономического рынка, где происходят процессы обмена товаров и услуг³. Доунс анализировал процессы принятия решений и совершения общественного выбора в ситуации политической игры. Эта игра имеет свои специфические правила, которые, меж-

¹ E. Pietruska-Madej, *Wiedza i czlowiek*, Warszawa 1997.

² P. D. Reynolds, *A Primer in Theory Construction*, New York 1971, s. 140-144.

³ A. Downs, *An Economic Theory of Democracy*, New York 1957.

ду прочим, описаны в конституции и положении о выборах, а наиболее важными ее участниками являются избиратели, политики и политические партии. Эти последние стремятся к достижению власти, а процедура голосования трактуется как обмен голосов на политические выгоды. Исход этой игры имеет решающее значение для установления формы политических институтов, прежде всего – правовых и административных.

Описанный процесс связан с позицией гипотетизма, состоящей из двух частей. Первая составляющая – критическая, называемая также антииндукционизмом, содержит аргументы против индукционизма, индуктивного метода и верификационизма. Вторая составляющая – программная, представляющая позитивную модель научного исследования в комплексе с описанием, признанная правильной научной процедурой, заключающейся в методе творческого и смелого выдвижения гипотез, а затем дедуктивного вывода на их основании опытных (практических) предположений и прогнозов. Таким образом, появляется возможность критического противопоставления фактам выдвинутых гипотез. Такой, вкратце описанный выше, ход событий называют гипотетически-дедуктивным методом или, принимая во внимание содержащуюся в этом методе процедуру критических опровергающих тестов, – фальсификационизмом¹.

Гипотетизм, связанный, прежде всего, с творчеством Карла Р. Поппера, отвергает концепцию индуктивного метода, основанную на предположении, в соответствии с которым, разум пассивно накапливает, а затем упорядочивает результаты наблюдений и признает такие убеждения наивными. В пользу принятия такой позиции свидетельствует удачная попытка тесно соединить 2 поз-

¹ Such, Szcześniak, *Filozofia nauki*, s. 18-23.

навательные ценности: истину и разъяснение. Истинные научные знания (истина возможна), по Попперу, обладают силой разъяснения, благодаря ним наука может ответить на вопросы «как» и «почему». Однако, для того, чтобы соединить с собой и установить зависимость разъяснения от истины, следует признать индукцию ложной методикой исследования, позволяющей заниматься наукой только в смысле «нашего знания», соответствующего нашим, чувственным человеческим ощущениям, и пренебречь ею. Взамен предлагается так выстроить эмпирический фундамент науки, чтобы можно было говорить о науке объективной, в смысле знания, в самом деле, безоговорочно зависящего от субъекта познания, но содержащего возможную истину – относительную, поскольку она ложна и ошибочна, о мире внешнем, существующем независимо от нас¹.

При аргументации этой позиции антииндукционизм (в критической части) или же гипотетизм (в позитивной части), обращается, между прочим, к специфическому материалу чувственных ощущений и языка, при помощи которого мы описываем наши познания в этой сфере. А именно, указывается на то, что не существует ощущений в чистом виде, лишь только ощущения, интерпретированные при помощи теории. Все же язык, который выражает то, что «дано», является орудием весьма несовершенным, поскольку всегда содержит предубеждения и выходит за пределы того, что дается нам в наших ощущениях. Оказывается, что мы до сих пор не располагаем автономным языком, отражающим «голую сущность» познания. Элементарные чувственные данные, рассматриваемые как факт психологический, вовсе не составляют первичной сути ощущений. Так каждое наблюдение

¹ А. R. Popper, *Logika odkrycia naukowego*, tłum. U. Niklas, Warszawa 1977, s. 80-83.

ние, даже простейшее, содержит кроме своего, сугубо чувственного, компонента, также компонент «разумный», интеллектуальный, в виде определенного суждения, связанного с тем, первым компонентом. Так происходит, поскольку в процессе восприятия мы имеем дело с наблюдением явления и присвоением ему определенного названия, то есть, актом, в процессе которого происходит соединение смыслового аспекта явления с понятийным. Тесное соединение этих двух компонентов является следствием общественного процесса самообразования, так что «... явление способно говорить само за себя, без какого-либо внешнего воздействия или стороннего знания»¹.

Если же и разграничивают чувственный аспект и те мыслительные процессы, которые так тесно взаимосвязаны с чувствами, то делают это для того, чтобы обратить внимание на значение этих мыслительных процессов для организации нашего восприятия. Чувственный опыт – довольно сложная реакция, в которую исследователь привносит не только свои биологические и культурные способности, не только свои убеждения, интерпретационные навыки, рефлексы, наблюдательность и т. п., но и язык, необходимый для того, чтобы при помощи выбранных систем обозначений закрепить результаты опыта в виде описания. Поскольку не существует непосредственного познания или бесспорного описания, всякое познание, в том числе и научное, не может быть истолковано как шаг за шагом последовательное открытие очередных свойств действительности, к которой мы подходим с «непредубежденным сознанием», но лишь как проверка того понимания действительности, с которым мы приступаем к исследованию.

¹ К. Ajdukiewicz, *Obraz świata i aparatura pojęciowa*, K. Ajdukiewicz, *Język i poznanie*, 1.1, s. 175-195.

Задача описания заключается в том, чтобы выразить данный опыт в системе знаков, выполнить «перевод» информации об объектах внешнего мира на язык науки. Этот «перевод» – элементарная процедура. Но с точки зрения познания, эта процедура довольно сложна, поскольку требует анализа, абстрагирования, идентификации, обозначения или, в конце концов, записи¹. В процессе этих действий (т. е. описания) эмпирические «данные» подвергаются предварительной теоретической обработке, и происходит это при помощи принятого в науке языка и понятий, «стоящих» за терминами языка. Такие положения не являются окончательными, не имеют отношения к «сырым» фактам, а лишь только к фактам научным, то есть, к фактам теоретическим. Тем самым, отделение в описании явлений эмпирического уровня от уровня теоретического оказывается невозможным, поскольку каждое наблюдение носит теоретический характер. Утверждение же, подобное этому, равнозначно признанию существования нейтральной наблюдательной базы.

Поэтому научное описание, в отличие от описания наивно-наблюдательного (т. е. субъективного), никогда не может быть безусловной истиной, а лишь только записью научных данных, возможной исключительно в контексте научной теории, располагающей определенным языком. Так устроено, что язык, который выражает то, что «дано», и носит главенствующий характер, выходит за пределы чувственного опыта, однако же, несмотря на присутствие теоретических элементов, описание всегда остается в рамках эмпирического познания.

Но если допустить, что представления о фактах содержат теоретический компонент, то мы будем вынужде-

¹ E. Nikitin, *Wyjaśnienie jako funkcja nauki*, tłum. S. Jędrzejewski, Z. Ślmbierowicz, Warszawa 1975, s. 219-221.

ны также признать, что их признание или опровержение в какой-то мере зависят от теоретических убеждений исследователей, что они являются скорее интерпретациями наблюдаемых явлений при помощи аппарата понятий признанных ранее или же только модных теорий или современных убеждений.

Подобные рассуждения вынуждают нас признать и другое важное заключение, а именно, что невозможно все теоретические утверждения перевести на язык «чисто» чувственного содержания.

В конечном итоге «язык», делающий возможным описание изучаемого положения вещей, но не дающий гарантии «чистого описания голых впечатлений», косвенным образом вынуждает к оценке истинности этих описаний при помощи логических схем размышления. Этот факт имеет решающее значение для способа обоснования утверждений в науке, которая возражает против их догматического принятия.

Припомним, что положения в науке могут быть обоснованы двояко: либо при помощи доказательств, полученных в результате наблюдений, непосредственно, индуктивно, и этот способ лучше отринуть, либо же путем рационального логичного доказательства, а это влечет за собой признание взглядов о том, что любые положения могут быть обоснованы исключительно при помощи иных положений. Признание такой позиции не требует ссылаться при построении основ эмпирического знания на фактический опыт, полученный в результате наблюдений, а, следовательно, в конечном итоге, допускает в крайних случаях полную независимость в сфере эмпирических наук от результатов наблюдений и экспериментов. С другой же стороны, стремление к тому, чтобы все положения были обоснованы логически, приводит к *регрессии в бесконечность*.

Выход из этого тупика заключается в иной, нежели ранее конструкции эмпирического фундамента науки. Поппер иронически называет его «эмпирической базой», поскольку эта база неустойчива, она вовсе не может служить фундаментом, здесь все аморфно, ошибочно и относительно. Она состоит из так называемых базовых положений, относительных и признанных добровольно, естественно, если рассматривать этот процесс с логической точки зрения. Эти положения действительно признают удовлетворительными в связи с нашими исследованиями, с чувственным опытом. Однако же, эти исследования единственно мотивируют наше отношение к их признанию или отрицанию, но никогда «... базовое положение невозможно таким образом обосновать – разве что ударом кулака по столу»¹. Их выбор носит договорной характер и осуществляется для того, чтобы при помощи этих положений «закрепить» логическое обоснование, которое без принятия этой меры имело бы бесконечный характер.

Положения, которые окончательно составляют эмпирическое основание научного знания, с точки зрения наших психологических убеждений, вполне могут быть приняты, но для того, чтобы можно было их признать в качестве базовых, они не должны носить характер так называемых свободных базовых положений (гипотезы *ad hoc*), но должны быть связаны логически и быть признаны в ходе проверки теории.

Процедура проверки теории (гипотезы), принятой свободно и временно, носит дедуктивный характер. Она заключается в дедуктивном выводе на основании теории единичных положений, заключающих прогнозы будущих положений вещей, которые легко проверить опытным путем. Если прогнозы, полученные на основе тео-

¹ Popper, *Logika odkrycia naukowego*, s. 89.

рии, оправдываются, то о такой теории можно сказать только то, что она «подтверждена» нашим современным опытом, описанным в принятых базовых положениях.

Так методологическая модель науки приводит к тому, что изменяется связь между эмпирическими положениями и теоретическими. Теперь она заключается в том, что теоретические положения не трактуют как обобщения положений, полученных в результате наблюдений. Как известно, для того, чтобы эти последние можно было сформулировать, требуется теоретический компонент, а, следовательно, они не могут служить подтверждающим (обосновывающим) материалом для теоретических положений, содержащих ту же самую составляющую. Если бы такой порядок действий исследователей можно было признать характерным, то кроющиеся в «природе вещей» доказательства, свидетельствующие против доказываемых положений, стали бы «невидимками».

В этом случае следует принять противоположную точку зрения, а именно ту, что определенные эмпирические факты исключают определенные теоретические гипотезы, выдвигаемые без учета наших ощущений. Вместо подтверждающей верификации предлагается фальсификация, т. е. поиск контраргумента для данного утверждения, а, следовательно, эмпирические тесты, опровергающие данную гипотезу. Причем, эти тесты опираются на базовые положения, содержащие подтверждения на уровне нашего чувственного восприятия, признаваемые окончательными, но только условно, и в силу этого обстоятельства в любой момент могут быть подданы ревизии и, в конечном итоге, опровергнуты. Факты могут подтвердить теорию только в том случае, когда являются следствием неудачных попыток опровержения того, что теория прогнозирует, попыткой доказательства ее ложности, которая, в случае удачи, позволяет развенчивать

ложные теории. Такие факты являются чем-то большим, нежели обычным повторением предварительно свободно принятой теории!

О научном характере теории (гипотезы) позволяет судить предположение, что любые попытки, которым подвергается теория, являются попытками фальсификации прогнозов, на ней основанных. В этом смысле гипотезы должны оставаться под «негативным контролем» опыта, поскольку никогда не может существовать уверенности в том, что гипотеза безусловно истинна. Даже если существует достаточно большое количество фактов, которые ее подтверждают, всегда следует оставаться настроенным критически и выжидать опровергающий гипотезу эмпирический опыт. Если такое событие наступит, тем самым мы приобретаем уверенность в том, что гипотеза была ложной, а установление этого факта, несомненно, полезно для науки.

Из описанной методологической модели эмпирической теории следуют определенные и необычайно интересные для исследователя общественных наук выводы. Итак, можно себе представить существование множества конкурирующих между собой, противоречащих друг другу моделей реально существующего, действительного общественного мира, которые, несмотря на различия, являются моделями истинными, в том смысле, что они соответствуют нашим переживаниям, нашему чувственному опыту. Эти, последние, у каждого из нас могут быть разными, описанными при помощи другого, выбранного нами (сознательно или неосознанно) языка, и, несмотря на то, что представляют «объективно», т. е. в соответствии с нашим опытом, то же самое явление или целый класс явлений, например, политических, все же в каждом случае в контексте иных теоретических принципов, при помощи иного языка.

Избежать этой «теоретической нагрузки» понятий, которыми оперируют наблюдатели, вообще невозможно, поскольку она – неизбежная спутница каждого познания. Максимум, что можно сделать, так это заменить один теоретический компонент другим. Используя другой язык, можно оставить определенные явления или их аспекты без интерпретации и только лишь в свете другой интерпретации, которая становится возможной в рамках другой теории, они могут быть разъяснены. В этом случае теории можно рассматривать как льющиеся со всех сторон потоки света, освещающие один и тот же объект, причем, этот объект никогда не бывает освещен целиком, в каждом случае освещается лишь какой-то отдельный его фрагмент. Различаются между собой теории адекватностью их собственного языка, при помощи которого описываются результаты наблюдений, лучше или хуже передающего обособленную часть политической действительности. В конечном итоге, политические теории можно себе представить как сумму всех теорий, созданных для того, чтобы разъяснить разнородные аспекты политических явлений.

Однако, теории, соответствующие результатам наблюдений, вовсе не являются «весьма правдоподобными», но лишь психологически более доступными для восприятия, поскольку позволяют судить о нашем способе постижения мира, который существует независимо от нас, но не обязательно в таком виде, как нам спонтанно подсказывают наши ощущения.

Поэтому теорию надлежит трактовать как систему временную, но для того чтобы придать ей некоторое постоянство и понять когда и каким образом она модифицируется, можно прибегнуть к четким формулировкам, желательно в строгой форме «системы аксиом». Такое понимание теории приводит к пренебрежению ее

предметным содержанием, а концентрирует внимание на способе изложения ее предмета. Такая мера, если она только возможна, позволяет рассматривать истинность наших описаний (эмпирических теорий) иначе, то есть, путем рационального логического доказательства, а значит, в соответствии с принципом, гласящим, что положения могут быть обоснованы лишь при помощи иных положений.

В этом случае принципиальным элементом структуры теории, сосредотачивающем на себе внимание исследователей, становится «утверждение» (закон, гипотеза), ведь сама теория понимается как комплекс утверждений, а значит, как набор определенных языковых объектов¹. Однако же, окончательно формирует теорию мышление, которое позволяет превратить ее в комплекс дедуктивно упорядоченных положений, часть которых принимается без доказательств и носит характер аксиом (первичные утверждения), другие же положения принимаются на основании доказательств, предпосылками которых являются либо первичные утверждения, либо их следствия. Такая система дедуктивно упорядоченных утверждений достигает наивысшей степени методологической точности в том случае, когда ее удастся представить в виде формализованной системы аксиом. А это значит, в виде такой системы, в которой присутствует четко обозначенное определение основного положения, в котором закодированы аксиомы, первичные термины, способ определения производных терминов, а также установлены жесткие правила доказательств.

В практике исследователей общественных наук в связи с этим существует постулат построения разъясняющей теории в форме дедуктивной системы, строгой

¹ R. Wójcicki, *Wykłady z metodologii nauk*, Warszawa 1982, s. 71.

либо приблизительной. Понимаемая таким образом теория является совокупностью следствий принятых аксиом (сформулированных гипотез) и содержит 3 уровня обобщения утверждений, расположенные в иерархическом порядке. В основе расположены аксиомы, иначе говоря – исходные постулаты теории или же утверждения в высшей степени абстрактные, из которых в соответствии с принятыми логическими правилами выведены все остальные теоретические утверждения среднего уровня обобщения – это производные утверждения или теоремы¹. Конечным результатом применения этой формы упорядочения теоретических установок является поиск комплекса взаимосвязанных утверждений, каждое из которых выведено, по крайней мере, из одной аксиомы и более абстрактных утверждений. Теорию в этом случае понимают как строгую или приблизительную совокупность следствий определенных принятых аксиом.

Такую форму упорядочения теории связывают с математической дедуктивной системой, так называемым аксиоматическим методом исчисления, который позволяет вычислить количественные характеристики тех аспектов наблюдений, которые поддаются измерениям, что в свою очередь, предоставляет возможность прогнозировать новые данные. В свою очередь, удачные прогнозы являются убедительным подтверждением «истинности» теории как системы утверждений.

Преимущества, вытекающие из выстроенной подобным образом теории, не вызывают сомнений. Возможность применения в высшей степени абстрактных понятий позволяет установить широкий спектр родственных явлений, находящихся в сфере интересов теории. На самом деле,

¹ J.S. Coleman, *Wstęp do socjologii matematycznej tłum. M. Tabln, Warszawa 1968, s. 48, 114, 508.*

абстрактные понятия невозможно непосредственно измерить, но они логически связаны с более частными и вполне поддающимися количественной оценке (измеримыми) утверждениями, которые могут быть подданы эмпирическим исследованиям и, таким образом, опосредованно, может быть проанализировано эмпирическое содержание более абстрактных утверждений и аксиом. Также не подлежащим сомнению преимуществом, связанным с применением логических законов, применяемых для вывода утверждений из абстрактных аксиом, является возможность генерирования множества интереснейших утверждений, указывающих на новые, неожиданные взаимозависимости между явлениями, в нашем случае – общественными. Логические операции позволяют создавать новые гипотезы и абстрактные утверждения о взаимоотношениях между ними. Располагая аксиоматической формой эмпирической теории, при помощи дедуктивных выводов разъясняется интересующее нас явление. Оно трактуется как частный эмпирический случай более абстрактной зависимости, выраженной при помощи аксиом.

Но все же представление эмпирической теории в форме формализованной аксиоматической системы встречается на своем пути трудно преодолимую проблему. Связано это, между прочим, с фактом непреодолимой незавершенности всякой эмпирической теории. Ведь теории представлены при помощи обычного языка, в лучшем случае, обогащенного (и то, в различной степени) специфической терминологией, позволяющей формулировать утверждения и гипотезы как можно более точно, применительно к нуждам теории. Такое положение вещей приводит к тому, что становится трудно достичь какого-то однозначного определения понятий языка теории, а, следовательно, законов теории, средств обоснования положений (формальных и эмпирических) или определения сферы

действия теории. В конечном итоге, полное определение каждого из слагаемых функциональных теорий в системе научных знаний является недостижимой целью. Однако, если, исходя из предположения, что сутью теории является размышление, и, единственно при помощи логического языка можно сообщить об этом нечто важное, предпринимаются усилия, направленные на логическую реконструкцию теории, то поставленная задача становится тем более выполнимой, чем легче данная эмпирическая теория поддается математической формализации.

Формализация теории заключается в формализации ее языка и четком определении ее содержания. Язык же можно признать формализованным в том случае, когда четко определен языковый словарь, обязательные для него правила грамматики, методы доказательств и принципы построения определений. Придание теории такой формальной математической структуры позволяет заменить наблюдения реальных объектов оперированием понятиями, выполняемым на бумаге.

Математическая логика подробно описала элементы математического языка, кроме того, она оказывает влияние и на язык естественных наук, а это, в свою очередь, приводит к тому, что языковые структуры, характеризующие положения, входящие в состав естественных эмпирических теорий, позволяют определить формальные средства, характерные для этого языка. В конечном итоге, определяют все математически-логические средства, используемые в рамках данной теории, формулируя при этом утверждения, высказывая определения и доказывая утверждения. Возникает ситуация, в которой становятся возможными ограничение языка теории и достижение высокой степени его однозначности, скрупулезное уточнение ее логических оснований, а также осуществление выбора ее аксиом.

Но математической логики явно недостаточно для описания языка гуманитарных наук и, в частности, философии. Вызывает сомнения также возможность ее применения в ориентированных номотетически¹ общественных науках. В этом, последнем, случае, складывается настолько парадоксальная ситуация, что, кажется, будто номотетическая наука может существовать лишь в том случае, если располагает формальным языком. Тем временем, в сфере общественных дисциплин даже языки, описываемые при помощи логики высших порядков, не могут быть признаны исчерпывающе достаточными по причине неоднозначности языка общественных наук. Это связано с часто встречающимися в этих науках мнениями о состояниях мышления, в которых используются выражения типа: мысли, суждения, верю, знаю, и т. п. Такое положение вещей приводит к тому, что язык общественных наук невозможно причислить ни к одной из синтаксических категорий языка первой степени или высших порядков. Тем самым, их номотетичность становится весьма проблематичной.

Указанные обстоятельства приводят к тому, что общественные науки находятся в такой ситуации, где существует множество различных возможностей интеллектуальной обработки данного фрагмента мира. Все эти интерпретации в первом приближении могут быть признаны в равной мере, учитывая всеобщее признание правил обоснования. В экспериментальных и дедуктивных науках, связанных с методологической моделью гипотетизма, они получили широкое распространение, поскольку дают возможность с относительной достоверностью отличать истину от фальши, что в свою очередь, позволяет признать эпистемологический вопрос этих наук разре-

¹ *Номотетический* – от греч. *nomothetike* – законодательное искусство.

шенным. В то же время в общественных науках действие всеобщих правил обоснования фактически ограничено определенными установками, сводится к индуктивному подтверждению, а, стало быть, к процедуре, связанной с методологической моделью индукционизма. Обоснованным таким образом знаниям неизбежно сопутствует множество альтернативных решений, что превращает их в знания, несущие на себе печать интерпретации. Утверждения общественных теорий с большим трудом поддаются экспериментальным исследованиям и по этой причине тем более подвержены всевозможным интерпретациям.

Закономерным итогом описанного положения вещей является то, что не существует двух интерпретационных обработок одних и тех же данных, которые бы привели к одинаковым последствиям. Оценочные интерпретации позволяют в этом случае существовать множеству спорных, но все же в равной мере правомочных способов эмпирического описания и разъяснения одного и того же самого, доступного нашему чувственному опыту фрагмента мира.

В итоге, мы располагаем знанием, стремления придать которому статус безоговорочной истины, выходящей за пределы истории культуры или же психологии, совершенно не имеют под собой никаких оснований.

6. ТЕОРИЯ КАК РАЗЪЯСНЯЮЩЕЕ ЗНАНИЕ

6.1. Функции теории

Бесконечные и бесплодные дискуссии об особенностях логической структуры теории и логического характера теоретических утверждений, наряду с неудачными попытками установить обязательные элементы теории, наличие которых позволило бы признать ее в качестве научной, склонили методологов к поискам взаимопонимания в функциональной плоскости, в которой анализируется роль, которую приписывают тому частному результату исследовательской деятельности, который называют теорией.

Прежде всего, обращают внимание на то, что знания, представленные в форме теории, должны быть эффективным средством для удовлетворения человеческой тяги к познанию, давать ответы на волнующие человека вопросы, делать мир более понятным.

Среди самых спорных и чаще всего упоминаемых функций теории находятся: описательная функция, разъясняющая функция, функция прогнозирования, прагматическая (практическая) функция, а также аксиологическая (оценочная) функция. Набор этих функций вызывает весьма проблематичные споры, однако большинство исследователей, рассматривая функциональные особенности научной теории, указывают на обычно исполняемую ею функцию – разъясняющую: почему нечто именно таково, а не иное. Это обстоятельство привело

к утверждению убеждения, в соответствии с которым, теоретические знания – это знания разъясняющие.

Для примера приведем только 2 определения теории, указав на ее разъясняющие функции. Петр Штомпка пишет: «Теорией мы будем называть такой и только такой результат исследований, который выполняет функцию разъяснения»¹. А Джонатан Тернер говорит, что: «Теория – это умственная деятельность. Это процесс развития идей, позволяющих исследователю выяснить, почему должны произойти определенные явления»². Очевидно, что функция разъяснения не является единственной, выполняемой теорией, однако же, она является особенно важной, поскольку обуславливает, в меру истинности разъяснения, возможность удачной реализации остальных функций. Прежде всего, функции прогнозирования, когда от теории ожидают знаний о том, каким будет ее объект в будущем, а также практической, когда теоретические знания становятся основой для формулирования директив – что делать, как поступать, чтобы объект или явление приобрели бы в будущем желаемые черты или ход событий.

Это разъясняющее свойство теории особенно подчеркивают методологи общественных наук. Может быть потому, что именно для этих дисциплин соответствие методологическим требованиям, определяющим условия научности в структурной плоскости, представляется особенно трудным или вообще недостижимо. Поэтому стоит все конкретные особенности функций теории описать более подробно.

¹ P. Sztomпка, *Teoria i wyjaśnianie. Z metodologicznych problemów socjologii*. Warszawa 1973, s. 77.

² J.H. Turner, *Struktura teorii socjologicznej*, Warszawa 1985, s. 60.

6.2. Разъясняющая функция теории

Термин «разъяснение» в обыденном контексте употребляется довольно широко и не стоит строго определять значение этого слова для всех встречающихся случаев его применения. Лучше подобными попытками пренебречь, тем более что с точки зрения методологии речь идет совсем о другом. Методолог, решая проблему разъяснения, прежде всего, определяет, каковы те условия, которые должны быть выполнены в результате разъяснения, чтобы можно было признать его удовлетворительным с научной точки зрения. Однако не трудно догадаться, что прежде требуется установить, что же понимают под словом «наука», поскольку без этого любой ответ, формулирующий условия «удовлетворительного» или правильно научного разъяснения, может быть оспорен.

Среди сторонников аналитически-эмпирической модели науки довольно широко распространено убеждение в том, что разъяснение – это самое лучшее средство из тех, которыми мы располагаем, при помощи которого, по крайней мере, хотя бы в какой-то ограниченной мере, возможно осуществлять контроль над явлениями. Управление событиями зависит от наших шансов выяснить, как и почему возникают эти события. Факты, события, которые уже произошли, нам известны, поскольку их истинность была установлена при помощи нашего чувственного опыта. Но почему они произошли – это нам неизвестно. Если нам удастся ответить на этот вопрос, то тем самым мы сможем разъяснить эти факты и события или, пользуясь языком логики, сможем подобрать не вполне надежную причину для истинного события¹. Поэтому «разъяснение» является ответом на

¹ J. PrzybyJowski, *Logika ogólna z metodologią nauk*, Gdańsk 2001. s. 159.

общий вопрос «почему» мир существует таким, как он есть, а точнее, таким, как его воспринимают наши органы чувств.

Простой, на первый взгляд, вопрос «почему» при более пристальном рассмотрении оказывается весьма неоднозначным и может повлечь за собой множество различных ответов в зависимости от того, в каком контексте этот вопрос поставлен. Ввиду необычайного разнообразия мы не будем останавливаться на рассмотрении всех вариантов контекстов, в которых может быть поставлен этот вопрос, и ограничимся лишь утверждением, что такой анализ приводит к выявлению ряда принципиальных форм разъяснения, которые встречаются в сфере научного познания.

Основой этих различий является наблюдение, позволяющее установить, что предпосылки разъяснений содержатся в различных отчетах, логически обосновывающих разъясняемое положение. В конечном итоге, мы можем наблюдать соответствие или же несоответствие развития последствий разъясняемого события направлению нашего разъяснения.

Следуя этому тезису, можно выделить несколько принципиальных типов научного разъяснения, таких, как дедуктивное разъяснение, номологическое разъяснение и его частная версия в виде вероятностного разъяснения, разъяснение причинно-следственное и его производная – разъяснение функциональное, а также его разновидность в виде телеологического разъяснения, и, наконец, генетическое разъяснение. Всеобщий интерес приковывает к себе разъяснение дедуктивное, а вернее – доказательное, которое основывается на принципе регрессивной дедукции и которое признано парадигмой добротного научного разъяснения, к которому нужно стремиться при попытке разъяснения.

Анализ разъясняющих функций политической теории приводит к бесконечным и уже «обросшим бородой» дискуссиям, в ходе которых предпринимаются попытки точно определить принципы разъяснения в сфере общественных наук. Каждое вносимое предложение относительно правильного разъяснения при определенных обстоятельствах оказывается довольно спорным и согласия в этом вопросе пока что не видать¹.

Тем временем, начинает казаться, что дело разъяснения политических (общественных) явлений связано с ответом на вопрос о возможности применения методов естественных наук в науках общественных и, в конечном итоге, влечет за собой декларацию позиции в отношении идеала науки, связанной с ним концепции объекта и метода его исследования, а также принципов правильного разъяснения. Ответ на этот вопрос в любом случае будет спорным, независимо от того, как он будет сформулирован. Причиной этому – содержащиеся в нем определенные философские предпочтения и аксиологические установки.

Следовательно, кажется, что то, что позволяет судить о принятии принципов разъяснения и признания их удовлетворительными с точки зрения научного разъяснения, связано с принятием определенных ценностей, реализация которых ожидается от обретенных теоретических научных познаний². В этом случае приобретает особое значение решение вопроса – должно ли быть разъяснение сформулировано в категориях, которые относятся к наблюдаемым явлениям, или же должно иметь отношение к объектам, особенностям или отношениям, недоступ-

¹ B. Krauz-Mozer, *Metodologiczne problemy wyjaśniania w nauce o polityce*, Kraków 1992, s. 78-79.

² S. Amsterdamski, *Między historią a metodą Spory o racjonalność nauki*, Warszawa 1983, s. 43; por. także: A. Bronk, *Rozumienie, dzieje, język. Filozoficzna hermeneutyka H.G. Gadamera*, Lublin 1988, s. 113.

ным для непосредственного наблюдения. Необходимо ли разъяснить то, что неизвестно, через то, что известно, или же наоборот – разъяснить то, что известно через то, что неизвестно, еще укрыто от нас. Наконец, следует решить, должно ли быть разъяснение технически оперативным, а, следовательно, должно ли оно позволять воспроизведение и предвидение разъясняемых явлений или же просто должно давать ощущение их понимания и психологического удовлетворения. За ответом на каждый из этих вопросов стоит принятие определенной модели научного разъяснения, что, в свою очередь, влечет за собой выбор определенных ценностей, определяющих цели, к которым должны быть устремлены деятельность исследователей и достигнутые в их результате научные знания. Эти ответы определяют принятые – осознанно или нет – концепции научного познания¹.

Дискуссии, длящиеся вокруг правил той модели разъяснения, которая могла бы всех удовлетворить, не дают надежды на формулировку определяющих аргументов, поскольку являются спором о ценностях. Однако, они могут послужить убедительным доводом того, как модель разъяснения зависит от выбранной концепции науки и связанной с ней концепцией теории.

Если мы убеждены, что цель науки – разъяснить все, что требует таких разъяснений и тесно связано с двумя категориями познания – истиной и разъяснением, то в этом случае можно указать критерии, которым должно удовлетворять каждое разъяснение, чтобы соответствовать нормативной концепции науки². Только теперь можно говорить о том, какими должны быть критерии

¹ *Amsterdamski, Między historią a metodą, s. 44*

² *K. R. Popper, Cel nauki, K. R. Popper, Wiedza obiektywna. Ewolucyjna teoria epistemologiczna, tłum. A. Chmielewski, Warszawa 1992, s. 250.*

удовлетворительного разъяснения, лучшим образом соответствующие данной модели науки. В подобной ситуации можно продолжать спор об элементах структуры теории, о логическом характере утверждений, посредством которых мы разъясняем, можно, в конце концов, дискутировать об условиях познания, которые должны быть выполнены для того, чтобы разъяснения могли получить признание.

3. Логические особенности разъяснения

Сторонники аналитически-эмпирической модели исследования в области общественных наук допускают право на существование перечисленных выше типов разъяснения. Их характерной чертой является полное или же частичное пренебрежение психологизмом (интуитивизмом) и привязанность к некоторым традициям позитивизма, которые берут свое начало в теории Дэвида Хьюма, в соответствии с которыми знание постоянных корреляций позволяет не только прогнозировать, но и разъяснять конкретные явления. В соответствии с этими концепциями, научное разъяснение, называемое по-латыни *экспланацией* (*explanation*), заключается в формулировании общего положения, которое составляет логический смысл для положений, признаваемых истинными и подтверждающими факт существования данных конкретных явлений. Положение, которое должно быть разъяснено, обычно называют *eksplanandum*. В этой роли может выступать положение, сформулированное на основании наблюдений, утверждающее некий единичный факт, какое-либо отдельное событие, или же это может быть положение в виде индуктивного обобщения или научного закона. Система же положений, составляющих в комплексе смысл

«Почему возникло данное явление?» в этом случае означает лишь вопрос «В соответствии с какими законами и на почве каких начальных условий возникло данное явление?» Разъяснение такого рода опирается на тип мышления, называемый регрессивной дедукцией, где следствием признанных истинными доводов, содержащихся в *eksplanans*, является положение в *eksplanandum*, которое, в свою очередь, ранее тоже было признано истинным на основании нашего чувственного опыта.

В то же время, разъяснение общей закономерности строится на предположении, что она логически подчиняется иной, более общей закономерности, более общему закону, поскольку разъяснение закона заключается в предоставлении доказательства, то есть, указания на тот факт, что данный закон выведен на основании других законов, то есть, законов, имеющих более общий характер, на основании которых методом дедукции можно получить данный закон. С точки зрения формальной логики, логический аспект этой версии научного разъяснения заключается в доказательстве. Следовательно, умозаключения, являющие доказательства определенного положения, одновременно являются его доказательным разъяснением, а, значит, истинным его разъяснением. Но самым важным, как мы видим в обоих случаях, является тот факт, что между *eksplanans* и *eksplanandum* существует связь, позволяющая при помощи метода дедукции делать определенные выводы.

Выстроенная таким образом модель дедуктивного разъяснения должна удовлетворять четырем условиям, и то, каким образом они сформулированы, указывает на зависимость категории разъяснения от категории истины. А именно, предполагается, что:

- (1) *eksplanandum* должен быть логическим следствием из *eksplanans*;

- (2) *eksplanans*, в свою очередь, должен содержать общие законы, которые необходимы для вывода *eksplanandum*;
- (3) *eksplanans* должен иметь эмпирическую сущность;
- (4) положения, из которых состоит *eksplanans*, должны быть истинными¹.

С точки зрения формальной структуры данной модели, разъяснение в науке идентично прогнозу. Вероятные различия носят прагматичный характер и зависят от того, на что делается ударение и что преподносится в качестве проблемы. В прогнозировании *eksplanans* используется для того, чтобы проверить его истинность. Проверая истинность *eksplanans* методом дедукции, мы строим на его основе прогнозы относительно фактов, о существовании которых нам пока неизвестно. Естественно, если наши наблюдения подтвердят сделанные прогнозы, то появляется возможность разъяснить наши прогнозы и произошедшие на самом деле события, указав на содержащиеся в *eksplanans* законы, факт разъяснения которых является частным случаем общей закономерности.

Модель *Д-Н* научного разъяснения широко описана в литературе, где в огромном количестве представлены ее описания, развитие этого метода. Опубликовано много литературы, полемизирующей по поводу этого метода или полностью ее отрицающей. Обсуждаются многочисленные спорные вопросы, логически связанные с этой моделью, предпринимаются попытки разрешить определенные частные проблемы, возникающие из-за разницы онтологических и эпистемологических позиций. Однако, невзирая на существование множества противоречивых взглядов, разъяснение, осно-

¹ C. G. Hempel. *Studies in the Logic of Explanatlon*, «*Philosophy of Science*», 1984, vol. 15, nr 2, s. 137.

ывающееся на поиске ответа на вопрос – почему произошло событие, которое мы хотим разъяснить – является основным способом объяснения, применяемым в науке.

Это же касается и политологии (общественных наук), хотя здесь признание описанного «стандарта» разъяснения вызывает множество проблем, порождает дополнительные трудности и влечет за собой множество дополнительных ограничений. Использование этого метода неизбежно требует от политологов методологической опытности, необходимой для понимания принципов действия иных способов разъяснения общественных явлений, а также причин, по которым ими пренебрегают.

В естественных эмпирических науках, которые формулируют сильные научные теории, часто встречаются дедуктивно-номологические разъяснения, то есть, такие, где между *eksplanans* и *eksplanandum* существует связь, позволяющая при помощи метода дедукции делать определенные выводы, а это значит, что *eksplanans* должен содержать, по крайней мере, одну общую предпосылку (закон), имеющую бесспорный характер, что позволяет логически заключать в себе *eksplanandum*.

В то же время, если номологическое разъяснение появляется в эмпирических общественных науках, например, в социологии или политологии, то дедуктивно-доказательное мышление уступает место редукционному мышлению, а вернее, регрессивной редукции¹. В этом случае оно приобретает вид разъяснения индуктивно-номологического (или индуктивно-статистического), в котором *eksplanans* на самом деле содержит общие или статистические законы, но не заключает в себе *eksplanandum* (то есть, оно логически не следует из *eksplanans*), а лишь индуктивно его обосновывает. Следователь-

¹ Przybyłowski, *Logika ogólna z metodologią nauk*, s. 166.

но, в этом типе номологических разъяснений *eksplanans* состоит из положений, небезупречных с логической точки зрения. Чаще всего, это какие-то индуктивные или исторические обобщения, или гипотезы иного рода, которые сами требуют основательного подтверждения. В этом случае мы имеем лишь частично содержащийся в *eksplanans* *eksplanandum*, что означает, что разъясняющие утверждения едва ли могут обеспечить индуктивное обоснование того, что мы разъясняем. Разъяснение того, что содержит в себе *eksplanandum*, довольно сложно и, с логической точки зрения, заключается в доказательстве того, что оно является частным случаем определенного общего закона. В *eksplanans* же, помимо общего закона, должны присутствовать также частные положения, заключающие в себе начальные условия. Логическая связь между таким *eksplanans* и *eksplanandum* не носит здесь характер логического следствия, принятого в формальной логике, являющейся теорией дедуктивных выводов, это лишь вероятностная связь, принятая в индуктивной логике.

Этот род разъяснения часто вызывает дискуссии в контексте «потенциального разъяснения», которое от самой предпочтительной в науке дедуктивно-номологической модели отличается тем, что не предъявляет требования истинности к *eksplanans*. Он может содержать суждения, более-менее подтвержденные опытными свидетельствами, доступными исследователю, но все же не поддающиеся полному позитивному обоснованию (т. е. верификации) и, в этом смысле, всегда остающиеся гипотезами, т. е. экстраполяциями, касающимися, в том числе, и неизвестных фактов, которые отличаются от законов тем, что, имея их вид, не обязательно должны быть истинными¹.

¹ C. G. Hempel, *Deductive – Nomological versus Statistical Explanation, Minnesota Studies In Philosophy of Science, 1962, s. 102*

Этот род разъяснения встречается в эмпирических науках, прежде всего общественных, и называется, в отличие от доказательного разъяснения, разъяснением эмпирическим¹. От предыдущего этот случай разъяснения отличается способом обоснования положений, из которых состоит *explanans*, и родом первичных предпосылок. Применяемое при эмпирическом разъяснении редуccionное мышление приводит к тому, что истинным в нем является следствие импликации. Составляет его положение, сформулированное на основе наблюдений и содержащее описание события, которое мы стремимся разъяснить, являющееся в то же время исходным в процессе разъяснения, направленном на поиск положения, являющегося предшественником импликации, следствия которой нам уже известны. Но этот предшественник, в виде довода, в процессе разъяснения является выводом, носящим характер индуктивного обобщения. Отсюда, эмпирическое разъяснение, не являясь доказательством, не являет собой и ход мыслей, приводящих ко вполне определенным заключениям.

Итак, если мы признаем следствие импликации истинным положением, то может случиться так, что будет выбран такой его предшественник, который на самом деле является доводом для известного нам, истинного следствия, но является предшественником ложным. В этом случае получается, что истинное положение, которым является следствие импликации, может следовать также из ложного положения, т. е. предшественника этой импликации. Именно эти особенности приводят к тому, что эмпирическое разъяснение, опирающееся на редуccionное мышление, не обязательно должно быть истинным, но все же может быть признано приемлемым, поскольку

¹ S. Pabls, *Metodologia i metody nauk empirycznych*. Warszawa 1985, s. 132.

очевидно, что сбываются прогнозы, выполненные на его основе, и оно полностью соответствует нашим знаниям.

Структуру, аналогичную номологическому разъяснению, имеет также статистическое разъяснение (или иначе – вероятностное). Различие между ними заключается только в том, что при статистическом разъяснении *eksplanandum* не следует логически из *eksplanans*. При этом мышление не носит ни дедуктивный, ни редукционный характер, а является лишь вероятностным¹⁴. Так, например, на вопрос: «Почему умер господин X?» можно ответить: «Поскольку был укушен коброй, а укус этой змеи в 80% случаев смертелен». Разъяснения этого рода, ссылающиеся на статистические законы, характерны для общественных наук (например, социологии, политологии), в которых используются так называемые *статистические* выводы. В этом случае предпосылками являются положения, описывающие результаты исследований, касающихся данного случая, однако, сформулированный на их основании вывод, относится к целой группе населения (в нашем случае – ко всем, кто был укушен коброй). Такая форма разъяснения лишь индуктивно обосновывает смерть господина X, не указывая достаточного условия, на основе которого эту смерть можно было бы вывести при помощи метода дедукции.

Номологическое разъяснение в обеих своих версиях – дедуктивной и индуктивной, несмотря на множество возникающих вокруг них полемик, порождаемых его главной особенностью, заключающейся в том, что во всех случаях это разъяснение основывается на использовании других законов, является необыкновенно привлекательной моделью научного разъяснения. Исследователей,

¹ Przybyłowski, *Logika ogólna z metodologią nauk*, s. 163-164; por. także: Pabis, *Metodologia i metody nauk empirycznych*; J. Karpiński, *Przyczynowość w badaniach socjologicznych*, Warszawa 1985.

прежде всего, привлекает прагматичная значимость связи истинного знания со знанием, содержащимся в разъяснении, которая в том случае, если удастся эту связь установить, дает возможность применять такое знание для прогнозирования явлений, которые еще не произошли. Что же может быть более привлекательным для исследователей мира политических явлений, ведь уметь предвидеть – значит, уметь контролировать!

6.4. Номологическое разъяснение в политических науках

Когда речь заходит о тех методологических условиях, которым должны удовлетворять эмпирические политические теории, об их логических особенностях, структуре и функциях, которые следует от них ожидать, нельзя не обратить пристального внимания на вопрос о законах общественных наук, несмотря на весьма сложную и слишком противоречивую «материю» этой проблемы¹.

Достаточно вспомнить о том, что «научность» общественных дисциплин порой облекается в форму по-разному понимаемых «законов», при помощи которых выражается убеждение в существовании закономерного характера действительности или же предполагается существование каких-то устойчивых черт человеческой природы, установление которых позволяет сформировать системные суждения о мотивации и поступках людей.

Однако же, в каждом случае формулирование «научного закона» следует расценивать как попытку понятийной реконструкции закономерностей, возникающих

¹ Hempel, *Aspects of Scientific Explanation*; por. także Amsterdamski, *Nauka a porządek świata*, s. 49-92. W. Krajewski, *Prawa nauki. Przegląd zagadnień metodologicznych*, Warszawa 1982.

во взаимосвязях между явлениями общественного мира, а это означает, что оно (формулирование) имеет, прежде всего, методологическое значение, и признание за ним онтологического статуса является весьма проблематичным. Сосредоточение внимания на этом довольно важном вопросе оказывается совершенно неизбежным, особенно в ситуации, в которой в общественных науках допускается применение номологической модели разъяснения. Согласие с такой моделью или несогласие с ней требует взвешенного решения и в вопросе о выборе определенного образца науки¹.

Если все же такой выбор сделан (в пользу номологического разъяснения), его можно не только применять в политических науках, но и отстаивать, при условии, что будет отброшено определение закона, которое используют приверженцы этой модели разъяснения в естествознании. Достаточно согласиться с тем, чтобы статус научного закона мог быть присвоен некоторым общим суждениям, не отвечающим требованиям неограниченной универсальности, тем самым, ослабив определение научного закона, чтобы номологическую модель можно было применять в политологии (общественных науках).

В то же время закономерности в сфере общественных явлений, в принципе, никогда не имеющие универсального характера, можно было бы рассматривать как некую форму общих утверждений, которым не свойственна полная универсальность. В результате, процедуры разъяснения в этих дисциплинах не будут опираться на номологическую модель, в которой статус законов присваивается лишь безоговорочно универсальным утверждениям, их место займут исторические обобщения, принадлежащие к разряду положений, не вполне универсальных.

¹ *Amsterdamski, Nauka a porządek świata, s. 135*

Такая мера допустима потому, что путем аргументации невозможно установить, насколько то или иное утверждение являются универсальными. Поскольку невозможно доказать эту безграничную универсальность, можно только признать ее в результате соглашения или конвенции¹.

Универсальные утверждения определяют сферу действия данной закономерности, не обращаясь к именам собственным, в них можно обнаружить только названия универсальные, касающиеся неограниченного числа индивидуумов. О таких утверждениях говорят, что они являются «точными» или «чистыми» признаками. Однако, прежде всего, полностью универсальные утверждения являются «открытыми», их действие не ограничивается временем и пространством, а, следовательно, они не ограничивают сферу действия данной закономерности неким временным интервалом или пространством, ей свойственна неограниченная универсальность.

Историческое обобщение не удовлетворяет этим условиям, поскольку является научным положением лишь номинально, а стало быть, положением не вполне универсальным, действие которого ограничено определенным пространством или интервалом времени². Это означает, что оно является положением «закрытым», сформулированным путем перечисления всех случаев, имеющих отношение к ограниченному классу определенных элементов, находящегося в пределах ограниченного пространственно-временного отрезка. Такое положение можно заменить рядом частных положений и, при желании, можно перечислить все составные элементы ограниченного класса³.

¹ Popper, *Logika odkrycia naukowego*, s. 56-57.

² *Amsterdamski, Nauka a porządek świata*, s. 63, 125.

³ Popper, *Logika odkrycia naukowego*, s. 56-57.

Не подлежит сомнению, что в сфере общественных наук вполне оправданно утверждение о невозможности формулирования утверждений, совершенно универсальных и в то же время истинных. Однако же, из этого вовсе не следует, что здесь совершенно неприменима модель научного разъяснения при помощи законов. Достаточно пренебречь вопросом о том, является ли какое-либо утверждение законом, удовлетворяет ли оно всем предъявляемым к законам условиям. Тем более, что факт признания или непризнания какого-либо утверждения в качестве закона зависит от наших знаний, которые позволяют нам осуществлять именно такую, а не иную понятийную реконструкцию закономерностей, возникающих между явлениями, равно, как и от принятых нами концепций функций, приписываемых закону, одним словом, от принятых нами принципов философии науки.

Принимая во внимание эти особенности, стоит задаться над вопросом, может ли в данной ситуации какое-либо утверждение выполнять функции, приписываемые закону. При этом оказывается, что не вполне универсальные положения, особенно исторические обобщения, могут в структуре наших знаний об общественных явлениях (в структуре политических теорий) выполнять ту роль, которую мы ожидаем от законов¹. Предикативная² функция не составляет исключения, хотя в отношении возможности ее реализации и возникают некоторые сомнения. Это препятствие становится незначительным, особенно, если вспомнить о том, что степень предикативности утверждения не зависит от онтологической открытости того класса явлений, к которому оно (утверждение)

¹ *Amsterdamski, Nauka a porządek świata, s. 128.*

² Предикативный – лат. *predicatum* – логическое сказуемое; то, что в суждении высказывается о предмете суждения. *Словарь иностранных слов под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова, Москва 1955, с. 559.*

относится, а зависит лишь от эпистемологической открытости. А если так, то степень предикативности находится в зависимости не от того, является ли сфера действия утверждения фактически бесконечной, а от того, является ли эта сфера действия исчерпанной в плане познания. Утверждение может утратить способность к прогнозированию лишь тогда, когда класс событий, которых оно касается, становится исчерпанным, особенно в том случае, когда нам уже известно, что он исчерпан, и мы можем перечислить все его элементы.

Исторические обобщения обычно описывают закономерности поведения, типичные для данной формации (например, эпохи, региона, общественной группы) обычаи, подобию и связи между различными аспектами определенных общественных формаций. Они касаются отдельных разновидностей общественного устройства или культур и являются выражением очевидного для многих исследователей общественного мира убеждения, что каждый вид сообщества реагирует на внешние и внутренние раздражители специфическим для себя способом, а историческая справедливость – это не что иное, как характерная форма общественного поведения в определенное время и в определенной ситуации.

Очевидно, время от времени, обращается внимание на существование весьма немногочисленных, но универсальных исторических законов, остающихся неизменными, т. е. действующими в человеческом обществе всегда и везде. Их существование позволяет антропологам говорить о человеке вообще, историку – об истории человечества, а политологу – о власти, как универсальной составляющей общественного человеческого устройства¹.

¹ P. Gardiner, *The Nature of Historical Explanation*, London 1952.

В исследовании политических поступков или культурных событий исторические обобщения, заменяющие теоретические научные законы, играют необыкновенно важную роль. Это именно они создают теоретический пласт наших знаний и составляют «образ» определенной общественной формации: эпохи, региона, культурного слоя и т. п. Они позволяют выделять такие классы фактов, которые при помощи другого способа, т. е. нетеоретического, не могли бы быть обособлены. Более того, они позволяют построить эмпирические (индуктивные) обобщения, которые без их помощи не могли бы быть сформулированы. Благодаря им удастся постичь специфику интересующей нас формации и установить, что в ней типично, а что – нетипично.

С другой же стороны, исторические обобщения позволяют классифицировать принадлежность определенного события, индивидуума, черты художественного произведения к данной формации. В свою очередь, такая мера позволяет обосновывать и разъяснять открытые факты при помощи процедуры, характерной для номологической модели.

Значение той роли, которую играют в исследованиях исторические обобщения, становится очевидным особенно тогда, когда мы начинаем осознавать, что в общественных науках, даже в простейшей ситуации, с точки зрения наблюдения или эксперимента, приходится иметь дело с таким большим количеством переменных, что становится необычайно трудно, а зачастую даже и вовсе невозможно, непосредственное открытие касающихся их эмпирических законов (индуктивных обобщений). В этих условиях теоретические законы, в самой слабой своей версии исторических обобщений, вполне применимы для определения направления поисков, имеющих своей целью формулирование этих закономерностей. Их цен-

ность заключается, прежде всего, во введении, либо постулировании теоретических понятий (гипотетических конструкторов), помогающих в поиске связи между исследуемыми переменными, а заодно, выявляющих «скрытые» онтологические исторические обобщения.

6.5. Онтологические особенности разъяснения при помощи законов

Говоря о номологическом разъяснении, особенно в общественных дисциплинах, нельзя ограничиваться уточненным и абстрактным логическим анализом. Он действительно очень полезен и даже необходим, но он вовсе недостаточен, поскольку дает лишь одностороннее представление об этой проблематике.

Следует заметить, что политолог говорит о разъяснении фактов, событий, закономерностей, в то время как методолог рассуждает о проблеме научного разъяснения, которая, по его мнению, заключается в разъяснении одних положений при помощи других. Таким образом, методологи скорее говорят о положениях, утверждающих факты, события, закономерности, а не просто о разъяснении фактов, событий, закономерностей. Так происходит, поскольку, с их точки зрения, одной из важнейших проблем научного разъяснения является проблема логических связей, которые возникают или должны возникнуть между тем, что разъясняется, и тем, что еще предстоит разъяснить. Эти связи возникают только между положениями. Так, с логической точки зрения, «... разъяснить некий факт, значит, доказать, что положение (или положения), утверждающие этот факт, является (являются) частным следствием одного или большего количества утверждений более общих (возможно вместе с определенными

ми частными положениями, содержащими информацию, касающуюся рассматриваемого случая)¹. Следовательно, мы имеем дело с действием, имеющим своей целью доказать то, что явления, обладающие данной характеристикой, связаны более тесно неопределенной зависимостью с явлениями, обладающими иными характеристиками. Это «доказательство» становится возможным благодаря тому, что является процедурой, которая в своей самой приемлемой версии заключается в выводе при помощи метода дедукции положения, описывающего данное явление на основе научного закона, представляющего собой запись, часто математическую, определенной закономерности².

Как видим, логический анализ научного разъяснения ограничивается исследованием связей между положениями разъясняющими и разъясняемыми, и может лишь разрешить, являются ли они верными с формальной точки зрения, то есть, удовлетворяют ли они логическому условию когеренции, заключающемуся в соответствии с остальными утверждениями данной теоретической системы, то есть, данного *eksplanans*³. Все же невозможно, основываясь на этом типе анализа, выработать для себя исчерпывающий взгляд на предметное содержание самих разъясняющих положений, из которых состоит *eksplanans*. Это становится возможным лишь в случае углубления в рассуждения о разъяснении (а заодно и теории) онтологических проблем, и, прежде всего тех, которые непосредственно касаются человека, общества, процесса человеческой деятельности, а также рефлексии по пово-

¹ M. Bunge, *O przyczynowości. Miejsce zasady przyczynowej we współczesnej nauce, flum. S. Amsterdamski, Warszawa 1968, s. 350*

² M. Hempohński, *Filozofia współczesna. Wprowadzenie do zagadnień i kierunków, t 1, Warszawa 1989, s. 32.*

³ Bunge, *O przyczynowości, s. 348*

ду интеллектуального климата, в котором формируется мышление исследователей.

Необходимость онтологического анализа номологического (научного) разъяснения становится очевидной, когда требуется решить, является ли разъяснение материалистически верным. Речь идет о том, чтобы установить, как соотносится содержание наших знаний с существующим независимо от нас действительным миром. Недостаточно твердая позиция в этом вопросе может означать признание того, что законы являются только понятийными конструкциями. Следовательно, в этой ситуации надлежит определить онтологический статус положений, из которых состоит *eksplanans*, и в отношении которых мы питаем надежду, что они соответствуют, хотя бы в какой-то мере, действительным закономерностям, а та структура мира, которую из них можно составить, имеет право на существование.

Следовательно, от научного разъяснения ожидают, что оно будет истинным в предметном смысле, а значит, в его *eksplanans* найдутся такие не лишенные смысла и поддающиеся подтверждению положения, которые будут иметь эмпирический статус. Судить о том, удовлетворяют ли онтологические корреляты разъясняющих утверждений эмпирическим условиям достаточной (но всегда несовершенной) адекватности с точки зрения установленных научных фактов, которые отличаются от так называемых сырых фактов, позволяет наш опыт.

Пользуясь случаем, стоит заметить, что адекватность не заключается в эмпирической проверке, но в неукоснительном соответствии между идеями и фактами. Условию адекватности должны удовлетворять частные следствия теоретических утверждений, содержащихся в *eksplanans*, но не сами законы. Не трудно себе представить изменение степени адекватности гипотезы в зависимости

от фактов определенного класса. Она может усиливаться или ослабевать по мере проявления противоречий между идеями и фактами, к которым эти идеи относятся.

Благодаря онтологическому анализу легче понять, что то, что разъясняется, и то, посредством чего это разъясняется, в значительной степени зависит от того, как мы представляем себе мир и существующие в нем связи. Именно наши познания определяют, какие составляющие мира следует разъяснять в свете накопленных нами знаний. Именно наши знания подсказывают нам, каким образом определены факторы, которые при нашем багаже знаний и нашем интеллектуальном климате мы принимаем в качестве разъясняющих¹ факторов. Такое ограничение неизбежно, поскольку невозможно выйти за границы собственного познания и собственных оценок.

Другим интересным и неизбежным следствием онтологического анализа является все более остро ощущаемая необходимость трактовать научные знания не как «совокупность фактов», но скорее как «набор фактов», зависящих от точки зрения исследователя. Ее (точку зрения) в науке определяют доступные в данное время теории, которые в общественных дисциплинах часто заменяют лишь по существу упорядоченные исторические обобщения. С таким же успехом в этих целях можно использовать философские идеи, идеологические системы подстроенных «модных» взглядов или бытующих в настоящее время убеждений. Это они служат источником вдохновения для построения теоретической модели понятий, отображающей некий фрагмент действительности. Благодаря ей становится возможным научное описание мира, хотя это описание и является частичным, всегда избирательным, отличающим только определен-

¹ J. Topolski, *Teoria wiedzy historycznej*, Poznań 1983, s. 371.

ные факты (либо их аспекты) и только некоторые связи между ними.

Этой малоприятной для нашего познания особенностью избежать не удастся, поскольку науке неизвестны факты, которые не подверглись бы интерпретации. Даже положения, выработанные в результате наблюдений (базовые), должны содержать множество неявных положений, касающихся существенности или несущественности различных факторов, возникающих в конкретной ситуации. Вследствие этого, ни одно научное утверждение не имеет смысла вне данной теоретической системы, в рамках которой формулируются определенные «категории», теоретически упорядочивающие мир.

Ведь то, что мы воспринимаем, например, как политические процессы, возможно лишь благодаря одной из теорий, находящихся в нашем распоряжении, поскольку не существует логически обоснованной связи между фактами и «глобальным» описанием хода событий. Какой-либо порядок не может родиться путем простого накопления эмпирических (опытных) знаний, если он не выстраивается нами, т. е. не находит основания в онтологическом слое данной теории и генерированных ею разъяснений.

Следовательно, научные знания, которыми располагают политические науки, носят в равной степени как описательный характер, так и разъясняющий (теоретический). Но хотя описание и отличается от разъяснения (от теоретического познания), все же при этом они неотделимы друг от друга.

Онтологический анализ теоретических утверждений, которые составляют *explanans*, вынуждает также согласиться с тем фактом, что существует возможность указать на множество вариантов ответа на вопрос «почему», и это в ситуации, когда каждая модель, вариант, струк-

тура является (может являться) в равной мере правомерной и в равной степени удовлетворять исследователей. Наблюдение исследовательского процесса в политологии (общественных науках) свидетельствует о том, что исследователи устанавливают различного типа зависимости между фактами, и для того, чтобы проверить, что означают применяемые ими термины «причина», «повод», «фактор» и т. д. следует, по мере возможностей, проследить, какого рода зависимости объединяют описываемые ими факты.

Вопрос из разряда «почему» не предполагает какой-нибудь определенной схемы ответа, следовательно, не предопределяет в качестве ответа и какого-нибудь определенного рода разъяснения. Таким образом, то, с какой разновидностью разъяснения приходится нам иметь дело, зависит от различного рода онтологических корреляций разъясняющих утверждений¹. Это именно они определяют, какой тип разъяснения мы используем: каузальный (т. е. причинно обусловленный), телеологический, функциональный, или же генетический.

Как видим, эти различия оказываются особенно важными в исторических и общественных науках, где разъясняющие гипотезы зачастую предстают в виде единичных положений, а не в виде структур, состоящих из этих положений. Они представляют нам причины или генезис разъясняемого положения вещей или явления, существование которых утверждается положением, выработанным в результате наблюдений. Или же, стремясь разъяснить, почему действующий субъект выполнил определенное действие, принял определенное решение, обращаются к его замыслам, мотивам, целям, эмоциям, ценностям, знаниям, наклонностям, опасениям и т. п.

¹ Bunge, *O przyczynowości*, s. 370.

6.5.1. Причинно обусловленное (каузальное) разъяснение

Посмотрим, как выглядит в политологии каузальное разъяснение (по-латыни *causa* – причина), сколь популярное, столь же и противоречивое, заключающееся в указании причины разъясняемого явления. Однако такое определение является слишком уж общим и не дает возможности понять причины, по которым оно так часто применяется в повседневной жизни, в то время как в науке его иногда указывают в качестве конечной цели научных разъяснений всевозможного рода событий, которые мы стремимся описать¹. Но, несмотря на это, оно сталкивается с серьезной критикой со стороны ученых и методологов, пытающихся полностью его дискредитировать.

Увлечение этим типом разъяснения приводит к тому, что модель добротного научного разъяснения зачастую называют моделью каузального разъяснения событий и законов, в соответствии с которой, дать причинное разъяснение какого-либо факта – значит, при помощи дедуктивного метода получить утверждение, которое этот факт описывает, используя в качестве предпосылки для дедукции определенные общие законы или единичные положения, которые можно назвать начальными условиями.

Это общее правило разъяснения довольно широко известно, однако следует обратить на него более пристальное внимание, указав на различные возможности его интерпретации.

Отметим, что эта схема включает 2 рода предпосылок. Это теоретические законы (универсальные или исторические обобщения) и начальные условия, то есть

¹ Popper, *Logika odkrycia naukowego*, s. 55.

единичные положения, полученные в результате наблюдений, описывающие то, что обычно называют «причиной» данного события, и то, что составляет *eksplanans* модели разъяснения. Из этих предпосылок путем метода дедукции получают вывод или положение, описывающее прогнозируемое явление (прогноз), обычно называемое «следствием», которое в случае разъяснения определяется как *eksplanandum*. Следовательно, располагая в *eksplanans* соответствующим законом причинного характера и положениями, описывающими начальные условия, можно частное событие разъяснить каузально, что в данном случае также означает, что его можно предвидеть дедуктивно. Например, если задать вопрос: «Почему тонет брошенный в воду нож?» (*eksplanandum*), причинно обусловленное разъяснение звучит: «Поскольку предметы, удельный вес которых больше удельного веса воды, тонут в воде. Именно так происходит в случае с ножом», (*eksplanans*).

Здесь отчетливо видно, что о причине или следствии нельзя говорить безапелляционно. Можно только сказать, что некое событие (бросок ножа в воду) является причиной иного явления (нож утонул), которое является его следствием, с точки зрения какого-либо общего закона, являющегося утверждением об относительно устойчивых связях между объектами, фактами, событиями, явлениями и т. п. Проблема заключается в том, что эти зависимости, описываемые научными законами, могут пониматься по-разному. Можно утверждать точку зрения, как это делает каузализм, в соответствии с которой, зависимости между фактами носят причинный характер, а предметом научных законов должны быть причинные связи, которые можно проследить в закономерности взаимодействия или последствий фактов и описать при помощи этих, первых.

Причинные законы понимаются как детерминистские, то есть они говорят о том, что определенно произойдет, если возникнут предпосылки, о которых говорится в законе. Наблюдаемое постоянство взаимного существования или непосредственного следствия зачастую отождествляют с причинно-следственной связью между фактами или событиями и описывают в научных законах, содержащих описание причинной обусловленности, заключенное в формулировке: «Те же самые причины вызывают те же самые следствия». В соответствии с теорией причинно-следственных связей, которая была известна уже Дэвиду Хьюму, причинная обусловленность приводит к однозначному следствию так, как будто необходимость такого последствия проистекала бы из самой природы вещей, являлась бы онтологическим принципом.

Понимание таким образом причинности порождает ряд сомнений. Прежде всего, такое понимание не учитывает то, что научный закон является определенным языковым объектом, составляющим понятийную реконструкцию наших наблюдений, вербальным отражением, моделью, воплощающей феноменальный, доступный для наблюдения принцип осуществления связи между предшествующим условием и следующим за ним явлением, которую наш язык описывает как причинно-следственную.

А ведь «причина» и «следствие» являются отражением нашего чувственного опыта, который никогда не является результатом «чистого» наблюдения «голых фактов», но всегда обусловлен какой-либо теорией и каким-либо языком. Следовательно, то, чем мы располагаем, — это всего лишь определенным способом «обработанные» научные факты. Это наше теоретическое предположение о том, что, быть может, события возникают таким образом, что одно из них, как причина, вызы-

вает своим действием другое, как его последствие. Следовательно, закономерность взаимного существования или непосредственного чередования фактов не может трактоваться как тождественная причинно-следственным связям с точки зрения онтологии, поскольку ничего, кроме этой закономерности, мы наблюдать не можем.

Безопаснее трактовать причинность только как опосредованное методологическое правило, предписывающее поиск причинных законов, а причинно-следственное разъяснение, ссылающееся на такие законы, признать только за разновидность научного разъяснения, а не его безоговорочно обязательную парадигму. Такая уступка кажется необходимой даже в ситуации, в которой понимание науки как постижения причин приводило к открытиям множества частных зависимостей и типов связей, особенно в мире естественных явлений.

Современное использование понятия побудительной причины в научном разъяснении встречается с серьезной критикой, между прочим, по причине неоднозначности и условности терминов «причина» и «следствие», так что многие методологи, желая обосновать этот тип разъяснения, пытаются заменить понятие причины более определенными понятиями необходимого и достаточного условий¹. Ведь зависимости между фактами, существование которых утверждают научные законы, представлены таким образом, что либо это зависимость, в которой одно явление является для другого *достаточным* условием, либо это зависимость, опирающаяся на *необходимое* условие. Взгляд, поддерживающий убеждение, в соответствии с которым, научные законы описывают достаточные условия или необходимость возникновения явлений, называют *обусловливанием*. Он широко распространен,

¹ J. M. Bocheński, *Współczesne metody myślenia*, Poznań 1992, s. 114-115.

особенно в тех эмпирических науках, которые должны, особенно в силу особенностей своего предмета исследования, понимать научные законы настолько широко, чтобы иметь возможность в их формулировке пренебречь математическим языком. Тем не менее, обусловливание оказывается самой удобной формой интерпретации всех тех научных законов, которые имеют вид положения обусловленного или категорического, а, следовательно, также и математических законов¹.

Трудности в определении причинно-следственной связи являются одной из причин, по которым наука стремится к поиску иных способов представления зависимости между фактами, существование которых утверждают научные законы, в ситуации, когда обусловленность причин не исчерпывает всех наблюдаемых форм зависимости (детерминирования). Тем самым, наука не ограничивается познанием причин и требует введения также иных категорий в отношении устойчивых связей и зависимостей между объектами, фактами, событиями, явлениями и т. п. Это приводит, в конечном итоге, к дифференциации типов законов науки, с точки зрения различного понимания зависимости между фактами, так что причинные законы становятся только их частным случаем.

Когда же мы говорим о правильности, понимаемой как соответствие научным законам, то не следует отождествлять ее с соответствием исключительно причинным законам. А если так, то указание причин является только одним из способов ответа на вопрос: «Почему?». Причем, не подлежит сомнению, что этот ответ отличается от других, поскольку, в соответствии с причинно-следственной схемой, он не только разъясняет прошлое, но и позволяет прогнозировать будущее.

¹ T. Kwiatkowski, *Logika ogólna*, Lublin 1998, s. 310.

6.5.2. Телеологическое разъяснение

Как нам уже известно, научный закон или, говоря иначе, теоретический закон, является языковым объектом, понятийной реконструкцией закономерностей, которые мы пытаемся разглядеть среди объектов и событий, принадлежащих к реальному материальному миру. Можно считать, что он носит характер причинный, телеологический, функциональный или генетический. Главным конкурентом причинного закона, не только в общественных науках, но и в биологических, является закон телеологический, который определяет настоящее при данном, уже известном нам прошлом. Он является основанием для телеологических разъяснений (т. е. целенаправленных), суть которых заключается в определении цели разъясняемого явления. С логической точки зрения, эта разновидность разъяснения является, в определенной мере, противопоставлением причинно обусловленному разъяснению, поскольку в нем действительно указывается условие в виде наблюдаемого явления, но это условие заключено в еще не существующем событии, которое часто проявляется лишь спустя какое-то время после разъясняемого явления.

Одной из причин противоречивости этого типа разъяснения являются скрытые в нем сложные философские проблемы, которые, между прочим, порождают вопрос о том, как нечто, что еще не существует, может разъяснять существующее явление? В этом вопросе слышны отголоски старого философского спора о том, должны ли законы определять будущее на основе настоящего или же определять настоящее на основе прошлого¹.

¹ Bocheński. *Współczesne metody myślenia*, s. 116.

Теория, содержащая в своей структуре законы, корреляции которых онтологически предопределяют намеренность предпринимаемых человеком поступков или предполагают существование целенаправленного порядка в природе или истории, предоставляют возможность телеологического разъяснения (по-гречески *telos* – конец, цель), которое еще называют целевым. Оно заключается в том, что указывается некая цель разъясняемого явления или события и, желая, например, выяснить, почему действующий субъект (человек, организованная группа людей) выполнил определенное действие или принял определенное решение, мы обращаемся к его намерениям, мотивам, целям, наклонностям, опасениям, и т. п. Например, мы верим, что Яносик¹ грабил богатых, поскольку хотел помогать бедным.

Разъясняем мы это при помощи намерений, в соответствии с теоретическим предположением, выражающим наше убеждение, что поведение человека скорее обусловлено целями, чем причинами, поскольку определенным целям подчинены все осознанные человеческие поступки. Пользуясь случаем, стоит обратить внимание на то, что в этом типе разъяснения мы не задаемся вопросом – откуда все это берется, каковы его причины, а наоборот – определяем и указываем последствия этого чего-то. В качестве идеала целенаправленного деяния обычно принимается рациональный поступок. Образец мышления, характерный для телеологических разъяснений, встречается так же часто в науках о культуре, когда утверждается, что только тогда можно понять «смысл» определенных взглядов или институтов, когда становится известно «почему», с какой целью они существуют².

¹ Яносик – польский народный герой, прим. переводчика.

² S. Nowak, *Metodologia badań socjologicznych*, Warszawa 1970, s. 374.

Однако телеологические разъяснения являются весьма противоречивыми еще и потому, что, позволяя делать вывод на основании конечного результата о причине, тем не менее, нередко пытаются ее представить как частный случай причинно обоснованного разъяснения¹, в котором причиной является «цель» поступка, в определенной степени связанная с будущим. При этом с высокой долей вероятности предполагается осознанность в выборе цели².

Разъяснение этого рода часто используется не только в повседневной практике и в судопроизводстве, но и в общественных науках, в том числе, в социологии, политологии, педагогике, а также психологии и истории. Следует отметить, что некоторые ученые и методологи считают такой подход ненаучным, учитывая его обращения к чувственным состояниям, недоступным для непосредственного наблюдения, или же к будущим событиям, еще не произошедшим.

6.5.3. Функциональное разъяснение

Подобным же образом, открывая онтологические корреляции теоретических законов, можно говорить о функциональном разъяснении, часто признаваемом за определенную разновидность телеологического разъяснения³.

Оно заключается в указании, для чего это годится, почему это так, чему это служит, какова его роль. При этом мы не разъясняем причин существования этого явления, а лишь задаем вопрос о его функциях. Функцио-

¹ J. G. Kemeny, *Nauka w oczach filozofa*, tłum. S. Amsterdamski, Warszawa 1967, s. 58-63, 174-177; E. Nagel, *Teleological Explanations and Teleological Systems, Readings in the Philosophy of Science*, H. Feigl, M. Brodbeck (red.), New York 1953; E. Nagel, *Struktura nauki*, tłum. J. Giedymin, B. Rassalski, H. Eilstein, Warszawa 1970, s. 344-383.

² G. H. von Wright, *Explanation and Understanding*, Ithaca, New York 1971.

³ Nowak, *Metodologia badań socjologicznych*, s. 375.

нальные разъяснения объясняют явления или события их последствиями, их вкладом в общую стабильность. Например, функциональное разъяснение понятия преступности гласит, что оно служит для определения и более четкого обозначения границ общепринятого социального поведения. Функциональным разъяснением будет также ответ на вопросы: «Для чего (почему) происходят парламентские выборы?», «Для чего (почему) современное демократичное общество имеет конституцию?» и т. п. Социолог, вместо того чтобы интересоваться причиной существования данных религиозных убеждений, может удовлетвориться ответом Эмиля Дюркгейма на тему функционального разъяснения явления религии и принять, что ее главной функцией (результатом деятельности) является интеграция группы. Можно также задавать вопросы о функциях каких-то поступков и определять, способствуют ли они или же препятствуют дальнейшему существованию, например, политической системы или же какой-либо составляющей этой системы, на которую оказывает влияние данная деятельность¹.

Однако, функциональное разъяснение общественных явлений, в силу того, что оно носит назидательный и в то же время оценочный характер, вызывает частые споры, особенно, если учесть его весьма сомнительную познавательную ценность².

Науки, которые измеряют исследуемые ими явления в единицах меры, например такие, как физика, придают научным законам вид математических выражений, в которых зависимости между явлениями рассматриваются

¹ R. K. Merton, *Teoria socjologiczna i struktura społeczna*, tłum. E. Morawska, J. Waren-steln-Żuławski, Warszawa 1982, s. 92-150; T. Parsons, *The Social System*, Glence 1951; T. Parsons, *The System of Modern Societies*, New York 1971; B. Malinowski, *Naukowa teoria kultury, Szkice z teorii kultury*, Warszawa 1958.

² Nagel, *Struktura nauki*, s. 445-458.

как функциональные зависимости¹. Зависимости между явлениями, которые можно представить в виде математических функций, называются функциональными зависимостями. В свою очередь, научный подход, в соответствии с которым, объектом научных законов являются исключительно функциональные зависимости между явлениями, называется *функционализмом*. В эмпирических науках, в которых математические модели имеют ограниченное применение, зависимости между фактами должны быть представлены иначе, чаще всего, в категориях *необходимого* и *достаточного* условий. Это приводит к тому, что критики функционального разъяснения в общественных науках представляют аргументы в пользу того, что этот тип разъяснения вообще не является разъяснением, поскольку не идентифицирует причинно-следственные механизмы и процессы, а вместо этого предлагает считать, что разъяснить общественное устройство можно при помощи предполагаемых последствий его существования.

6.5.4. Генетическое разъяснение

Генетическое разъяснение получило довольно широкое признание в качестве одной из разновидностей разъяснений, применяемых как в практике общественных исторических наук, так и в практике наук естественных. С другой же стороны, оно порождает, особенно среди методологов, множество споров относительно его природы и содержания его *eksplanans*².

¹ Kwiatkowski, *Logika ogólna*, s. 309.

² B. Krauz-Mozer, J. Woleński, *O wyjaśnianiu genetycznym. «Studia Nauk Politycznych» nr 2 (44), 1980.*

Тадеуш Котарбиньский, говоря о «генетических разъяснениях», обращает внимание на огромное разнообразие значений этого термина. По его мнению, о происхождении чего-либо, а особенно о происхождении генезиса, речь заходит в тех случаях, когда:

- (1) речь идет о природе данного объекта;
- (2) указывается предыдущее состояние данного объекта;
- (3) называется организм, потомком которого является данный организм¹.

Термин «генетическое разъяснение» встречается довольно редко, но зато, часто можно встретить обороты такого рода: «характеристика генезиса», «представление генетических истоков», «характер происхождения», «характер развития», «указание особенностей, которые привели к...», и т. п. Крющееся за этими формулировками содержание не вполне ясно, поскольку исследователи, говоря о генезисе, при разных обстоятельствах вкладывают в свои слова разный смысл, что только умножает сомнения относительно характера и значения генетического разъяснения для исследовательского процесса. Когда заходит разговор о генезисе, нам не всегда понятно, идет ли речь о предоставлении очередных стадий развития данного общественного явления или же о причинах его возникновения. Может даже случиться, что генетический вопрос по своей форме может быть вопросом о причинах. Однако здесь мы не будем рассматривать этот интересный случай.

В общем случае, отбросив ряд сомнений, механизм генетического разъяснения понимается таким образом, что каждый факт в описании хронологически чередую-

¹ Kotarbiński. *Elementy teorii poznania logiki formalnej i metodologii nauk*, Warszawa 1986, s. 339.

щихся фактов является обязательным условием возникновения последующего факта¹. Рассматривая эту проблему несколько иначе, можно сказать, что «генетическое разъяснение» – это «... представление, по крайней мере, одного из эпизодов, поочередно во времени наступающих друг за другом положений вещей, где последним является именно то положение вещей, которое должно являться определенного рода результатом предшествующих ему во времени событий или ситуаций, результатом, смысл которого в данном контексте ... становится вполне понятным»².

Можно также, используя типичную для научной методологии стилистику языка, сказать, что основной отличительной чертой генетического разъяснения является та особенность, что *eksplanans* слагается из определенных фрагментов, положений, описывающих предыдущие события, поочередно сменяющие друг друга, которые привели к появлению того факта, который должен быть разъяснен, а *eksplanandum* дополняет эту конструкцию, как последний кирпичик.

Вот пример генетического разъяснения, касающийся процесса формирования польской интеллигенции, но не в оригинальной версии, как это представлено в историческом повествовании автора³, а реконструкция в виде так называемого генетического развития⁴:

- 1 – политический упадок польского государства;
- 2 – последовавшие за этим восстания;
- 3 – конфискации помещичьих имений;

¹ J. Topolski, *Metodologia historii*, Warszawa 1973, s. 513.

² J. Kmita, *Z metodologicznych problemów interpretacji humanistycznej*, Warszawa 1971, s. 103.

³ J. Chalasiński, *Przeszłość i przyszłość inteligencji polskiej*, Warszawa 1958, s. 69-71.

⁴ Nagel, *Struktura nauki*, rozdz. XV.

- 4 – раскрепощение крестьян;
- 5 – утрата помещиками власти и значения в обществе;
- 6 – преобразование помещичье-крепостного хозяйства в капиталистическое;
- 7 – обнищание помещиков;
- 8 – миграция дворян в города;
- 9 – возникновение в городах дворянских районов;
- 10 – утрата прежнего положения в обществе дворянами, которые перебрались в город и превратились в интеллигенцию.

Иногда методологи сомневаются в том, является ли генетическое разъяснение самостоятельным типом разъяснения или же оно представляет собой лишь вариацию иных, уже известных его разновидностей. Если *eksplanans* не содержит ни одного четко сформулированного общего закона, то упоминавшиеся ранее положения, описывающие ранее произошедшие события, можно воспринимать в ключе причинно-следственного или телеологического разъяснения.

Однако, существуют и такие попытки интерпретации, где принимается, что генетическое разъяснение является системой своеобразных номологических разъяснений, в которых четко описаны только начальные условия, а соответствующие теоретические законы лишь подразумеваются как достаточно известные, очевидные или же принятые по общему согласию. Они исполняют важную селективную функцию, позволяющую осуществлять отбор явлений при построении разъясняющих структур, так что те же самые события могут разъясняться при помощи различных и даже противоречивых генетических рядов.

Распознавание онтологических принципов в разъяснении при помощи законов в общественных науках является предприятием довольно сомнительным, учиты-

вая повсеместное распространение в этих дисциплинах *сокращенных разъяснений*, являющихся только частью полных разъяснений. В политологических разъяснениях или же, вообще, в разъяснениях общественных наук, зачастую бывает так, что законы не упоминаются, они остаются подразумеваемыми, энтимематичными, что делает представляемые разъяснения неполными, фрагментарными и затрудняет определение онтологических корреляций таких «прозрачных», скрытых законов. Это иногда создает впечатление, что историк или политолог разъясняют некий факт попросту через указание какого-либо иного факта, подчиняющегося определенному закону, и только благодаря этому объясняющий факт становится доводом для объясняемого факта, а представленное разъяснение приобретает, например, характер причинно-следственный, функциональный, генетический, или телеологический.

Причинно-следственные разъяснения психологически очень убедительны, поскольку относятся к другому факту, но могут быть ошибочными, если остается неуказанным закон, устанавливающий связь между этими фактами, или если причинно-следственный закон трактуется как единственная установленная форма закономерности, т. е. связи между фактами.

Очень многие не осознают этого обстоятельства, склонны им пренебрегать, как выходящим за пределы компетенции науки. Это особенно характерно для феноменалистской концепции науки, где, в соответствии с программными взглядами, акцент делается на описании корреляций, указывающих лишь на существование систематической связи между явлениями, не обращая внимания на то, стоит ли за этим какая-либо причинно-следственная связь, которую можно выразить в виде научного закона (обобщения).

Невзирая на недостаток определенности, схема *Н-Д* (см. раздел 6.3.) широко используется в исследовательской практике для объяснения общественных явлений, но при этом, их связь с научными законами носит, как правило, неявный характер. Эти законы либо не упоминаются, либо принимаются по умолчанию, они сформулированы нечетко, их описание «размыто», но хуже всего то, что они не доказаны, поскольку зачастую опираются на так называемый «житейский опыт». Политологи, подобно другим исследователям общественных наук, не говорят отчетливо о законах, а попросту их энтимематически предполагают. Скрытые, а, стало быть, энтимематические предпосылки, часто воспринимаются как очевидные, что, в свою очередь, приводит к тому, что они кажутся «прозрачными» и, в этом смысле, незаметно для автора вплетаются в ход его размышлений. Поэтому разъяснения в общественных дисциплинах, несмотря на то, что они поддаются интерпретации в соответствии с моделью *Н-Д*, едва ли можно назвать «разъясняющими очерками», скорее их можно признать выражением методологического предпочтения, нежели разъяснением, опирающимся на законы, за которым стоит логически систематизированная и упорядоченная научная теория.

Однако же, в общественных дисциплинах, выразительно декларирующих свой номологический характер, таких, как экономика или социология, чаще появляется иной вид разъяснения, заключающийся в том, что общественное явление объясняется при помощи метода дедукции как частный случай какого-нибудь общего закона. Это разъяснение не обращается непосредственно к фактам (они энтимематичны), оно опирается лишь на законы, хотя к фактам мы все-таки косвенным образом вынуждены обращаться, поскольку указанный нами закон имеет

определенное материальное соответствие, а не является фикцией, уж по крайней мере, не должен ею быть.

6.6. Эпистемологические особенности разъяснения при помощи законов

Онтологический контекст разъяснения при помощи научных законов следует дополнить соответствующими эпистемологическими рассуждениями, объясняющими познавательные возможности этой процедуры. При этом становится особенно заметно, что, в принципе, это всегда «частичное разъяснение». Таким образом, событие, о котором говорит *explanandum*, описывается во всех его подробностях, во всей наблюдаемой нами сложности этого явления, но, разъясняя его при помощи научных законов, мы обращаем внимание только на те более общие его черты, которые позволяют рассматривать его как элемент абстрактного класса явлений определенного рода¹.

Поскольку все научные законы явно или неявно содержат понятие класса, они касаются разновидностей или классов фактов, а не единичных явлений. Тем самым, законы не распространяются на индивидуальные, конкретные случаи, а лишь исключительно на классы фактов. Классы же различаются только определенным (конечным) количеством аспектов. Индивидуальные же факты, события, процессы – нескончаемо многогранны. Одно и то же событие в таком случае может относиться к различным классам, может быть классифицировано различными способами в зависимости от различных форм проявления его особенностей.

¹ C. G. Hempel, *Aspects of Scientific Explanation and Other Essays In Philosophy of Science*, New York 1965, s. 415

В конечном итоге, для того чтобы иметь возможность причислить данный, конкретный объект к определенному классу, приходится пренебрегать рядом его индивидуальных характеристик, несущественных с точки зрения рассматриваемой системы классификации.

Именно таким образом классификация явлений, необходимая для того, чтобы иметь возможность использовать научные законы, преобразует конкретные объекты в абстрактные. Этот процесс продолжается до тех пор, пока интересующее нас событие не будет разъяснено настолько подробно, насколько оно было описано в *explanandum*. Но ведь если заходит речь о разъяснении общественных, исторических, политических явлений, то мы говорим о них как о конкретных и неповторимых явлениях, а не как об элементах определенного класса. Когда встает вопрос о разъяснении конкретных общественных явлений, нас не удовлетворяют даже правильные ответы, разъясняющие механизм возникновения этого рода явлений вообще, поскольку речь идет не о том, почему вообще случаются забастовки, войны, кризисы, восстания, но о том, почему произошла именно эта конкретная забастовка, кризис, эта конкретная война, революция или восстание. Нас не интересует факт, почему люди поступают так или иначе, важно лишь знать, почему люди или конкретный человек делает именно то, что он делает.

Объект, разъяснения которого мы добиваемся, является единичным, обладающим индивидуальными характеристиками. Нас не очень-то интересуют обобщенные факты, то есть, те, которые являются следствием единичных фактов, касающихся частных элементов данного класса. Однако, стремясь к уточнению разъяснения, во всех случаях, когда мы прибегаем к разъяснению при помощи научных законов, мы трактуем разъясняемый случай как элемент определенного класса аналогичных

событий и не разъясняем его индивидуальные черты, отличающие его от иных, ему подобных.

В результате, среди исследователей зарождаются сомнения, выражающиеся в дискуссиях о пригодности номологического разъяснения. Утверждают, что одно-разовый характер, неповторимость, специфичность являются индивидуальными чертами общественных наук, и в этом случае говорят об идеографических и номотетических науках, разграничивая, например, историю и социологию. Такая позиция вполне понятна, но только в случае предположения, что существуют реальные совершенно единичные события, и все то, что случается потом, совершенно неповторимо, что, таким образом, история человечества и общественные свершения – совершенно разные вещи!

Для того, чтобы разрешить это противоречие, было бы не плохо для начала разобраться, о чем именно идет речь, когда мы говорим о единичном событии. Действительно ли это событие должно быть совершенно уникальным и неповторимым?

Ответ на сформулированный таким образом вопрос перво-наперво требует осознания, в чем же заключается совершенная и безоговорочная идентичность. Не подлежит сомнению, что встречается это понятие лишь в логике и математике. Только эти дисциплины имеют дело с идентичными объектами, которые удовлетворяют принципу, гласящему, что x идентичен y при условии, что все характеристики x являются в то же время и характеристиками y , и наоборот¹. Определяемая таким образом идентичность и полная повторяемость является идеальным случаем, но это лишь плод человеческого воображения, поскольку она никогда не встречается в реальном

¹ Bunge, *O przyczynowości*, s. 325.

(действительном) мире, независимо от того, идет ли речь о природных явлениях или же явлениях общественно-исторических. Ни одна наука, предметом изучения которой является реальный мир, не может претендовать на открытие чего-либо такого, что было бы полностью и безоговорочно повторимо, поскольку только с определенной точки зрения, но не абсолютно, все элементы изучаемого явления будут иметь те же самые характеристики.

Следовательно, в процессе изучения реального мира мы можем наблюдать только случаи частичной идентичности, а полная идентичность – это лишь привнесенная конструкция, соответствующая реальному положению вещей только в определенном приближении, образец, корректируемый с течением времени в результате все более подробных наблюдений, более глубокого теоретического анализа. Однако, чем подробнее наблюдение, тем меньше надежд на обнаружение двух абсолютно идентичных объектов, и тем более крепнет убеждение в том, что то, что не является уникальным, хотя бы по одному параметру, не имеет отношения к реальному миру.

Такое положение вещей не мешает существованию естественных наук, следовательно, не должно мешать и общественным наукам, следует лишь принять во внимание их более высокую степень индивидуализации. А это вовсе не означает, что общественные явления абсолютно единичны. Если бы общественно-исторические события принципиально отличались бы между собой, если бы не было двух подобных событий, если бы неповторимость в деталях полностью исключала бы, по крайней мере, частичное подобие (или частичную идентичность), то общественная действительность и общественное развитие были бы недоступны нашему пониманию. Более того, даже описание, собственно говоря, было бы невозможным, поскольку каждое отдельное событие требовало бы введения новых терминов.

Анализ этой проблемы позволяет заметить, насколько поверхностными и ошибочными могут быть оба, противопоставляемые друг другу тезиса об абсолютной неповторимости истории и о непрерывно повторяющейся истории. Но в то же время этот анализ позволяет заметить, что индивидуальное событие не удастся разъяснить лишь при помощи научного закона, а значит, невозможно вывести его путем умозаключений на основе единичного номологического утверждения и положений о начальных условиях. Признание такой позиции влечет за собой обязательное признание убеждения, что конкретные и «неповторимые» общественные явления могут трактоваться как результат наложения определенного количества закономерностей, а, следовательно, можно представить существование множества имеющих право на существование причинно-следственных, телеологических или генетических научных разъяснений, содержащих тот же самый *eksplanandum*. Так происходит, поскольку, не смотря на все частности, содержащиеся в описании интересующего нас класса явлений, разъяснение при помощи научных законов всегда должно быть представлено в следующем виде: *в таких-то и таких-то условиях всегда (либо зачастую) происходят такие-то и такие-то явления, а именно такие условия как раз и сложились*¹. Описание этих условий никогда не бывает исчерпывающим и не учитывает всех характеристик разъясняемого явления. Если бы было иначе, то разъяснение при помощи научных законов было бы невозможным, поскольку законы являются утверждениями, касающимися именно классов явлений, а это означает, что содержащиеся в них закономерности не имеют отно-

¹ S. Amsterdamski, *Między historią a metodą. Spory o racjonalność nauki*, Warszawa 1983, s. 47.

шения к единичным фактам, но лишь к определенным классам объектов.

Все же, для того, чтобы вскрыть закономерность, проследить некую связь и порядок, приходится прибегать к определенной степени абстракции, приходится этот порядок «сфабриковать», поскольку он не может родиться только из тщательно накопленной совокупности знаний. Для того чтобы изучить существующий порядок вещей и иметь возможность подняться над изучаемым явлением, взглянуть на него со стороны, выйти за пределы аскетического исследования фактов в соответствии с принципом причина — следствие, становится неизбежным упрощение комплекса наших непосредственных данных, поскольку введение законов требует построения теоретических моделей. А эти модели, в свою очередь, являются лишь взглядом на то, как, по нашему мнению, может быть упорядочен этот мир. Проблема заключается в том, что наши знания в различных общественных и культурных ситуациях зависят от времени и доступных на тот момент горизонтов познания, онтологических убеждений и аксиологических установок, то есть, другими словами, от общественных и культурных условий¹.

Таким образом, научные законы следует понимать лишь как понятийные реконструкции закономерностей, создаваемые человеческим разумом, как неполные и подверженные изменениям проекции этих закономерностей на плоскость понятий, которые, однако, никогда не отражают их в полной мере.

Ведь мы не в состоянии исследовать путем изучения закономерностей даже факты в их «чистом», «ненарушенном» виде, а процесс научного исследования не заключается только в регистрации фактов при помощи индукции,

¹ Z Kuderowicz, *Filozofia dziejów*, Warszawa 1983, s. 23.

а лишь в их реконструкции, проникающей вглубь, но никогда не позволяющей исчерпывающе их познать.

Следовательно, разъяснения не могут касаться конкретных, а значит, уникальных случаев во всей их сложности, всех их сторон или аспектов. Это может считаться возможным только с точки зрения обычного обывателя. В то время как в исследовательской практике наши разъяснения фактически касаются не событий и поступков как таковых, но скорее каких-то общих их аспектов¹, которые, прежде чем стать «научными фактами», должны пройти процедуру установления и признания их действительности, затем должны быть описаны при помощи определенного научного языка. Факты не являются чем-то таким, что может быть нам дано само по себе. То, что мы выясняем, является в этом смысле конструкцией, создаваемой исследователем, который в стремлении обнаружить закономерности в окружающем его действительном мире, описывает этот мир, но не во всей его сложности и многообразии проявлений, а лишь, оперируя определенными понятиями, рассматривает только некоторые стороны или аспекты объекта, абстрагируясь от большинства характерных для него свойств, сосредотачиваясь только на некоторых и оставляя без внимания остальные².

Убеждение, что кому-либо, кто занимается исследованиями человеческих поступков: историку, социологу, политологу или репортеру – может удасться описать некое событие в «чистом» виде, во всей его действительной сложности, как оно на самом деле и происходит в действительности, является, в принципе, ошибочным. Само такое намерение является идеалистическим, по той при-

¹ W. Y. O. Quine, J. S. Ullian, *The Web of Belief*, New York 1970, s. 72-83.

² M. Bunge, *Scientific Research, 1.1: The Search for Truth*, Berlin-Heidelberg-New York 1967, s. 348.

чине, что такие события нам попросту недоступны. Их описания являются и должны быть, хотя бы в определенной степени, абстракциями по отношению к действительности, ее упрощенными изложениями. То же самое можно сказать и в отношении разъяснений!

Если же при определении способа понятийного выражения (описания), при выборе аспекта решающее значение имеет характер черт, которые мы приписываем объекту, то разъяснение служит переходом от незнания к знанию (дедукция в общем виде), поскольку объект, который мы разъясняем, до этого не принадлежал к определенному классу, и именно исследователь причисляет его к этому классу на основании опыта.

С эпистемологической точки зрения, разъяснение не заключается только в самой идентификации элемента определенного класса, которая сама по себе дает исследователю отчетливые представления о своих свойствах и характерных особенностях. Скорее, оно заключается в определении того класса, к которому принадлежит определенный объект (факт, идея). А это уже является творческим актом, конструктивным, новаторским, требующим предварительного схематического изучения данного объекта и проведения сравнительного анализа. Таким образом, научное познание становится реконструкцией, а не изоморфным отображением общественной действительности, оно представляет собой процесс построения теоретических моделей, помогающих составить более яркое представление о действительности, но не создает ее точную копию.

В конце концов, если мы хотим разъяснить при помощи научных законов индивидуальные, конкретные события, перед нами возникает альтернатива, которую исследователь общественных явлений должен осознавать, как никто другой. Итак, нам придется сделать выбор: или

наше разъяснение будет неполным, в том смысле, что оно не будет охватывать всех особенностей разъясняемого положения вещей, или, стремясь к всесторонней (что, в конце концов, недостижимо) детализации описания, мы будем вынуждены пренебречь разъяснением при помощи научных законов, что, в свою очередь, приведет к тому, что, хотя понимание конкретных событий и процессов, разъяснение их значения для людей, все-таки станет возможным, за такой позицией будет стоять совсем другой идеал научного знания.

Выбор первого варианта влечет за собой серьезные последствия. Можно себе представить, что, стремясь к разъяснению конкретного события при помощи научных законов, что является характерной тенденцией, особенно для историков и политологов, мы можем в его описании разглядеть все новые и новые характеристики (свойства). Такой поворот событий позволит нам каждый раз причислять изучаемое событие к элементам различных классов аналогичных событий. Но в то же время каждый раз наше описание будет селективным – должно быть таковым, поскольку существует бесконечное количество и разнообразие возможных (объективных и в то же время субъективных) аспектов действительности, следовательно, описание всегда должно быть неполным, поскольку всегда приходится делать выбор среди того, что еще ожидает своего описания и разъяснения.

По этой причине в среде общественных наук иногда говорят об их «бесконечном» или «безграничном» объекте исследования, который не удастся до конца описать, а в результате – полностью разъяснить. Все это означает, что нам не удастся воспроизвести данное общественное явление на основании знания обстоятельств, которым мы приписываем ответственность за его возникновение, тем самым, мы лишаемся возможности с достаточной степе-

нию вероятности прогнозировать его повторение в будущем.

Неизбежно селективный характер всякого описания и несовершенство каждого разъяснения делает наше знание в определенной степени относительным, а именно, если бы мы располагали иной точкой зрения относительно наших познавательных возможностей, иными принципами, определяющими метод, или иной моделью понятий, мы бы представили не это, а иное разъяснение тех же самых, привлекших наше внимание событий. Условия, в которых формируются эмпирические теории политических (общественных) наук и генерируемые ими разъяснения, в принципе, позволяют построить лишь модели, упрощающие выбранные аспекты общественной действительности, и не следует их путать с тем, что им предшествует, а это значит – не онтологизировать их.

Если же общественные науки не могут точно разъяснять и прогнозировать, то это не потому, что наши знания еще несовершенны, но потому, что они еще неполные, вследствие того, что их объект еще «искрит» и подвержен изменениям, имеет протяженность во времени, а значит, будет модифицирован под влиянием обстоятельств, которые сейчас, в процессе исследования, предвидеть невозможно. На них оказывают влияние различия интересов, различия объективно и субъективно рассматриваемого аспекта, определяющие точку зрения, и различия языка, к которому мы прибегаем для его описания – все это убеждает нас в том, что, с этой точки зрения, наши знания всегда останутся такими, как есть, то есть, неполными и относительными, поскольку общественные явления не являются чем-то постоянным, возникают только при определенных условиях, которые нам не удастся до конца распознать.

7. НАУЧНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА — МЕЖДУ ИСТИНОЙ И ПРАКТИЧЕСКИМ ПРИМЕНЕНИЕМ

7.1. Нужны ли политику знания исследователя политики?

Зачастую, кроме разъяснения, от теоретических знаний ожидают также исполнения прогностической (предиктивной) функции, позволяющей прогнозировать или планировать события, которые лишь должны наступить в будущем. Политическую теорию в этом случае можно сравнить с призмой, которая не только отфильтровывает настоящее, но и отбрасывает яркий луч света в будущее, предоставляет знания, которые можно применять на практике¹.

Стремление к познанию событий, которые могут произойти в будущем — это мечта, старая, как и само человечество. Человек всегда хотел и старался прогнозировать грядущее развитие событий, стремился спрогнозировать его, в равной степени, как в своих индивидуальных поступках, так и в отношении целого сообщества.

Эту настойчивость в стремлении к постижению знаний о том, что только должно когда-либо случиться,

¹ W. J. Stankiewicz, *Niezbędność teorii politycznej. Klasyczne pojęcia w dobie relatywizmu*, Wrocław 2003, s. 204.

можно даже признать в определенной степени необходимой. Без прогнозов обойтись невозможно, поскольку, не прогнозируя, не планируя, мы обрекаем себя на бездействие. Ведь каждый поступок должен опираться на предвидение его последствий, приспособлен к образу того, что должно наступить в его результате.

В прогнозировании последствий заключается, в конце концов, всякое планирование во всех сферах общественной жизни. Военная стратегия, дипломатия, политическое, хозяйственное, или же вообще общественное планирование – деятельность в каждой из этих сфер возможна лишь в том случае, если она базируется на определенных прогнозах.

Каждый такой прогноз старается принять во внимание максимальное количество условий, детерминирующих поле деятельности и устанавливающих границы предпринимаемых усилий. Также каждое предвидение, в принципе, учитывает альтернативность возможных решений, связанных с поступками.

Однако прогнозы могут касаться не только краткосрочных результатов предпринимаемых нами поступков, но и быть связаны с более отдаленным будущим и, по большей части, иметь отношение к таким важным фактам, как судьбы значительных общественных групп (например, народа, государства) или даже всего человечества. Судьбы масс необычайно важны, вызывают всеобщее беспокойство и требуют ответов, выразительно и убедительно подкрепленных аргументами. Такие ответы должны, по возможности, опираться на мощные, рациональные основания, вытекающие из некоей концепции совокупности исторических процессов.

В чем заключается смысл этих процессов? Подвластны ли они случаю или же подчиняются определенным законам, устанавливающим последовательность собы-

тий и определяющим направление развития? Этот вопрос повторяется снова и снова. В далеком прошлом ответ на него ожидали от божества, одним из атрибутов которого было именно предвидение – *providentia*. Современное представление о будущем пытаются рационализировать, преобразуя его в объект логического прогнозирования для того, чтобы иметь возможность его отстаивать, обращаясь в своих доводах к наивысшему авторитету науки.

Мера похвальная, но осуществить ее удастся только частично, поскольку по различным причинам никогда не достаточно аргументов, позволяющих окончательно доказать свою правоту.

7.2. Границы применения научных знаний

Общепризнано, что общественные науки, накапливающие эмпирические знания об общественных явлениях, должны обеспечивать нас проверенной информацией, которая может служить надежным основанием для принятия решений в нашей повседневной жизни¹.

Такая обязанность создает в науках о политике немало сложностей, и некоторые из них стоит четко осознавать. Прежде всего, они возникают из того факта, что все эмпирические науки, которые, независимо от объекта своих исследований, обращаются к экстроспективному опыту, позволяющему осуществлять его интерсубъективную проверку и обмен мнениями, носят одновременно как теоретический, так и практический характер. Таким

¹ A. Siemianowski, *Poznawcze i praktyczne funkcje nauk empirycznych*, Warszawa 1976, s. 91; K. Szanlowski, *Prognoza a podejmowanie decyzji*, K. Szanlowski, *O nauce, rozumowaniu i wartościach*, Warszawa 1994, s. 402-410.

образом, неизменно повторяемую дихотомию¹, противопоставляющую теоретические науки наукам практическим, следует признать ошибочной, поскольку все науки, в понимании оговариваемой тут модели, по своей сути должны обладать обоими этими свойствами².

В противном случае, следовало бы предположить возможность существования некой эмпирической дисциплины, в которой достигнутые знания не содержали бы ни одного утверждения, которое могло бы служить основанием для разъяснения и предвидения. Но в то же время эта дисциплина располагала бы утверждениями, позволяющими дать ответы на вопросы о том, как следует поступать, чтобы достичь определенной цели, выходящей за пределы процесса исследования. Более того, должен был бы существовать некий пласт эмпирических знаний, на основе которых можно было бы разъяснять и прогнозировать, но в то же время это должны быть знания, не содержащие никакой информации, имеющей практическое значение³.

Таким образом, следует признать, что эмпирические науки, представляя результаты своих исследований в форме свободных теоретических структур, описывающих и одновременно разъясняющих, или же в форме кратких, упорядоченных логически теорий, предназначенных для исполнения функций разъясняющих и прогнозирования, приобретают тем самым способность выполнять роль информатора о том, как надлежит поступать для того, что-

¹ Дихотомия — греч. *dícha* на две части + *tomé* сечение — последовательное деление целого на две части, затем каждой части снова на две и т. д., *Словарь иностранных слов*, под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова, ГИИНС: Москва 1955, с. 240.

² R. L. Ackoff, *Decyzje optymalne w badaniach stosowanych*, tłum. B. Walentynowicz, Warszawa 1969.

³ H. W. Riecken, R. F. Boruch (red.), *Social Experimentation A Method for Planning and Evaluating Social Intervention*, New York 1974.

бы достичь определенных практических целей, то есть, целей, выходящих за пределы процесса познания.

Однако, то, как изучаются возможности практического применения знаний, зависит от того, как понимается «научность» общественных дисциплин. Позиция, занимаемая по отношению к этому вопросу, должна иметь определяющее значение для формирования весьма сложных взаимоотношений между политиками и исследователями, представляющими общественные науки¹.

Политика, если рассматривать ее в смысле «политических поступков», означает деятельность, осуществляемую через формальный центр принятия решений, использующую общественные технологии и направленную на то, чтобы группы людей, отличающиеся количественным составом и различными интересами, реализовывали цели, указанные этим центром². При этом выразительно просматривается потребность обращения к практическим научным знаниям об обществе. Но слишком уж часто этим знаниям сопутствуют надежды на то, что поступки политиков, и, прежде всего, используемые ими политические технологии управления государством должны, в свою очередь, базироваться на совершенно бесспорной технологии, использующей научные достижения.

Кроющееся в этом предположении ожидание всеобщей эффективности научного познания ссылается на свободную повторяемость научного эксперимента как свидетельство его истинности, однако, с точки зрения этого понятия, «истиной» можно назвать только то, что мы не в силах изменить, то, что должно случиться! Применение в этом случае науки фактически означает повторение

¹ Z. Bauman, *Socjologia*, Poznań 1996, s. 231-234.

² K. Opalek, *Zagadnienia teorii prawa i teorii polityki*, Warszawa 1986, s. 238.

хода уже известного нам эксперимента, подтверждающего существование некоей причинно-следственной связи между явлениями. Ведь достижение поставленной цели путем применения соответствующей директивы технического характера – это функция точности утверждений, на которые она опирается, а также качества самого поступка¹. Непосредственным основанием для этих правил должны служить практические (прикладные) общественные науки (например, прикладная политология), определяющие комплекс разнообразных проектов организации общественно-политической жизни, среди которых возможно выбирать².

Иногда, в крайних случаях, эта претензия на истинность относится к обоснованию не только технологии рационального управления государством (прагматическая рациональность), но и целей, к которым должны быть устремлены деяния политиков (аксиологическая рациональность). В этом случае политик начинает напоминать исполнительный орган «научного авторитета», политика обретает славу полностью научной, а государство становится примером в плане рационального управления. Рациональный расчет позволяет более полно реализовать намерения государственной власти, но, с точки зрения отдельных индивидуумов, выполняющих роль обывателей, ограничивает возможность их индивидуального выбора, поскольку демократическое осуществление общественной воли в обществе, подчиненном «диктатуре истины», истины несомненной, поскольку она является научной, – становится невозможным.

¹ M. Bunge, *Pięć związków technojlozofii*, W. Gasparski, D. Miller (red.), *Projektowanie i systemy*, t. III, Warszawa 1981.

² Ackoff, *Decyzje optymalne w badaniach stosowanych*; H. W. Riecken, R. F. Boruch (red.), *Social Experimentation. A Method for Planning and Evaluating Social Intervention*, New York 1974.

Такая модель взаимоотношений между общественными науками и политикой, называемая технократичной, ведет свою традицию со времен Френсиса Бэкона и Клода Генри де Сэн-Симона¹. Ее характерным недостатком являются не всегда явные, а в наше время уж довольно сомнительные с научной точки зрения принципы, касающиеся объективного общественного развития, крайнего натурализма (как в версии онтологической, так и в версии методологической), а также рациональности человеческих поступков.

В представляемой таким образом модели взаимодействия утрачивается фактическая ценность научных знаний, а также то, что составляет существенный сегмент политики, понимаемой как частная разновидность общественных явлений, а именно, неизбежное различие человеческих интересов и потребностей, различия в оценке окружающего нас мира, беспомощность в отношении чувств и эмоций, которые ослабляют или полностью разрушают рациональность наших поступков.

Однако наиболее часто в наше время встречается репитительная модель взаимоотношений между научными знаниями о политике и политической практикой, наследующая традицию, основанную Томасом Гоббсом, и продолженную Максом Вебером, опирающуюся на исследование выразительного отличия функций эксперта (распорядителя) и функций политика (политического руководителя). Эксперт обладает знаниями и на их основании может планировать различные версии будущего, политик же умеет эти знания использовать, принимать решение относительно выбора проекта, отвечающего той системе ценностей, которую он пред-

¹ F. Bacon, *Eseje*, tłum. Cz. Znamierowski, Warszawa 1959; C. H. de Saint-Simon, *Pisma wybrane*, t. 1-2, tłum. St. Antoszczuk, Warszawa 1968.

ставляет, и способен его (проект) реализовать, претворяя в жизнь.

Взаимодействие в духе такой модели базируется на предположении о том, что невозможно в полной мере рационально обосновать политические поступки и, бок о бок с сугубо рациональными сферами политической практики, существует доступный только для политиков мир, в котором практические проблемы могут разрешаться при помощи актов политической воли, а не при помощи рационального знания. Более того, политическое решение в упоминаемой модели является выбором между конкурирующими системами ценностей и убеждениями, которые невозможно обосновать при помощи неопровержимых научных аргументов, так же, как и невозможно окончательно разрешить этот спор путем дискуссий. Эксперт едва ли может описать технологии рационального управления. Однако рациональность выбора средств неразрывно связана с полнейшей иррациональностью в отношении ценностей, целей и потребностей. Таким образом, вопрос о целях совершаемых поступков, общественной оценке их значимости – находится настолько вне компетенции основных эмпирических наук, что они не могут предложить на него сколько-нибудь убедительного ответа и вынуждены ограничиваться лишь техническими рекомендациями, инструкциями, как следует поступать, чтобы результативно, с позиции обозначенной цели, осуществлять практическое управление массами людей и общественными процессами.

Интерес государственных институтов или промышленных сфер к знаниям общественных дисциплин, вселяющим надежду на их практическое применение, вполне понятен. Однако осуществление этой надежды доставляет немало хлопот, вовлекает их в конфликт с теми сегментами сообщества, для которых верховное правление

означает угрозу их основным ценностям и которые готовы отстаивать свои интересы и свой образ жизни. Общественные науки, помимо воли, становятся жертвой неразрешимых внутренних конфликтов, источником которых является создаваемый ими самими же проект рационализации современного, развитого общества, в момент реализации всегда демонстрирующий свой Янусов лик¹: для одних он создает надежду на осуществление ожидаемых перемен, для других же является суровой перспективой ближайшего будущего, согласиться с которой совершенно невозможно.

Замешательство усугубляет и тот факт, что в общественных дисциплинах, а особенно в политологии, разделение на науки теоретические и прикладные не вполне четко, не ясно выражено, так что они объединяют в себе свойства обеих этих эмпирических сфер научной деятельности². Направления теоретических исследований в этой сфере явлений в какой-то мере подсказаны жизненным опытом, практикой общественной жизни, контекстом научной деятельности. Тем самым, в этих дисциплинах открывается специфическая возможность для проникновения общественных норм в структуру науки.

В то же время теории общественных наук, служащие, насколько это возможно, истинному познанию, исследующие «вещи» такими, каковы они есть, описывающие и разъясняющие общественную реальность, иногда используют непосредственно в качестве основания для программы ее изменения, в качестве исходной точки для переустройства и создания новых реалий, которые будут состоять из пока еще не существующих об-

¹ Bauman, *Sociologia*, s. 233-234.

² E. Mattessich, *Instrumental Reasoning and Systems Methodology. An Epistemology of the Applied and Social Sciences*, Dordrecht-Boston 1978.

щественных явлений, которые в настоящее время только замышляются.

При этом нам приходится иметь дело не с тем, что дано, не с вещами, как они есть, но с такими вещами, которые должны обладать требуемыми характеристиками. В этом случае от общественных наук ожидается, чтобы их знания были бы применимы на практике и позволяли бы формировать директивы, указывающие, как при помощи определенных действий достичь запланированных общественных перемен, соответствующих выбранным целям. То есть, как формировать поведение людей и общественные отношения, опираясь при этом на систему признанных ценностей, свойственную для данного общества или общественной группы. Эти особенности приводят к тому, что политолог участвует в политическом процессе дважды: когда является частью политического сообщества и когда исследует его и пишет о нем, что всегда является попыткой, часто помимо воли, влияния на его развитие.

А ведь мир знаний, с одной стороны, и мир их применения, с другой, — это два совершенно разных мира! Забывание о существовании различий в мире общественных наук между теоретической наукой и наукой прикладной (практической, технологией, инженерией), лишний раз подтверждает тот факт, что в массовом сознании терминология этих различных типов эмпирических наук ничем не отличается¹. В то же время от теории разъясняющей и от теории прикладной ожидают разных результатов. Если их не различать, то какой критерий для теории, исполняющей одновременно функции разъясняющей и прикладной, является более важным: критерий

¹ J. Agassi, *The Confusion Between Science and Technology in the Standard Philosophies of Science*, J. Agassi, *Science in Flux*, Dordrecht 1973

истинности (то есть, эмпирической подтверждаемости) или же критерий эффективности? Является ли познание той целью, ради достижения которой создается теория, или же ее целью является практическое применение или точность предлагаемых ею технологий? А может быть, нет и не может быть ничего более практически применимого, чем истинная теория? В эмпирических общественных науках определенность в этом вопросе очевидна лишь на первый взгляд!

Ведь в науке истину иногда трактуют как ценность самодостаточную, саму в себе, категорическую, а иногда, как ценность инструментальную, то есть, как средство реализации иных ценностей, например, экономической мощи, военного превосходства, богатства и т. п. Две эти позиции представляют разные люди, различные общественные институты, для которых характерен различный характер поведения и способ взаимодействия. Результат же различного подхода к определению истинного познания проявляется, между прочим, в степени свободы обмена полученными результатами, в моральной ответственности за последствия исследовательской деятельности, в оценке научных достижений, в конце концов, в выборе социальных слоев, которым адресуются результаты научной деятельности. В одном случае это будет компетентное сообщество ученых, заинтересованных экспериментальным идеалом науки, в другом же случае это будут люди и институты, не имеющие к науке непосредственного отношения, которых интересуют научные достижения лишь в качестве эффективного инструмента, то есть, наука их интересует лишь постольку, поскольку существует возможность ее практического применения, что в контексте политических наук означает заинтересованность в знаниях, позволяющих осуществлять эффективное влияние на поведение и поступ-

ки значительных общественных групп¹. В этом случае использование научных знаний в ежедневной практике политической жизни означает всегда действия, несущие на себе отпечаток морального акта. В этих обстоятельствах наука перестает быть для всех самодостаточной категорией, а истинность знаний оценивается, прежде всего, по результативности их применения.

Однако же, возможность практического применения, в отличие от истины, является категорией относительной и зависит от точки зрения пользователя или ситуации². И даже если предположить, что лишь только знания, применимые на практике, могут быть истинными, не рассматривая ситуации, в которых прибегают к фальши, лжи, обману, а науку подчиняют узким, прагматичным политическим или идеологическим интересам, то для данной ситуации и для данного пользователя далеко не всякое истинное знание годится для применения³. Вызывают интерес только те научные знания (теории), которые можно использовать как средства для реализации определенных, внешних по отношению к ним, целей. Ученый, который их формулирует, перестает быть независимым мыслителем, а превращается в эксперта, рекомендующего, как реализовать цели, которые были обозначены без его участия. Более того, в этой ситуации он беспомощен, поскольку то, как лучше поступить в данной ситуации, зависит от контекста самой ситуации, от того, как ее видят политики, заинтересованные в научной информации, и от того, чего они не замечают. Именно от состояния их сознания, а значит, от их знаний, системы ценностей, эмоций, воли, зависит, чему они придают зна-

¹ *Amsterdamski, Między historią a metodą. Spory o racjonalność nauki, s. 40-41.*

² *Amsterdamski, Między historią a metodą. Spory o racjonalność nauki, s. 111.*

³ *H. Arendt, Prawda a polityka, «Literatura na Świecie», 1985, nr 6.*

чение, а чему – нет, и, в конечном итоге, как они реализуют существующие возможности, которые в состоянии осознать¹. Принимаемые ими политические решения окончательно определены не в результате непосредственного разъяснения, объективной оценки сложившихся условий, но лишь в результате их субъективных определений, всегда запутанных аксиологически.

В общественных науках, в том числе, и в политологии, где нам приходится иметь дело с постоянным взаимным проникновением теорий, имеющих характер познавательных (т. е., описательных и разъясняющих), и теорий практических (нормативных), возникает весьма парадоксальная ситуация. Ученые стремятся постичь знания, в равной мере удовлетворяющих требованиям, выдвигаемым одновременно этими двумя направлениями, познавательным и практическим, в то время как реализация каждого из них требует иного подхода, иной организации труда, иного рода самосознания. Вряд ли можно представить себе виртуоза, который одновременно мог бы принимать участие в двух разных концертах, посвященных различным музыкальным направлениям, выступать перед публикой, которая в каждом случае имеет совершенно иные художественные вкусы, и при этом надеяться, что одно и то же исполнение удовлетворит совершенно разные ожидания.

7.3. Иллюзорность научного познания

В сфере эмпирических научных дисциплин взаимоотношения между теоретическим и прикладным познанием осложняются множеством дополнительных труд-

¹ P. Winch, *Etyka a działanie*, tłum. D. Lachowska, J. Szawlel, Warszawa 1990, s. 112-129.

ностей. Они вызваны противоположными позициями, занимаемыми в вопросе о пригодности наук о человеке и обществе для выработки социотехнических директив, особенно тех, которые имеют отношение к деятельности средних и больших социальных групп. Как нам уже известно, эти директивы должны базироваться на нормативных прикладных теориях, которые, в свою очередь, выстроены на основе законов и теорий, получивших признание в сфере теоретических общественных наук.

Проектирование будущих моделей существования общества – это та плоскость, на которой пересекаются знания, накапливаемые множеством теоретических научных дисциплин, с практическими потребностями, тем синтезом эмпирических знаний, истинность которых свидетельствует о степени результативности создаваемых нами проектов. В то же время на эти знания, которые должны служить фундаментом нашей веры в успешность предпринимаемых нами действий, особенно в сфере общественных явлений, нельзя полностью полагаться, по крайней мере, по двум причинам.

Первая из них – общего характера и имеет отношение к любой из научных дисциплин, выстроенных в соответствии с аналитически-эмпирической моделью и сочетающих истинное познание с практическим применением.

Многие считают, что отличительной чертой понимаемых таким образом наук, в том числе и тех, которые исследуют общественные явления, является их метод, который в идеале требует математической определенности. Его применение неизбежно приводит к тематической редукции, поскольку исследуемый при его помощи фрагмент действительности доступен лишь настолько, и может быть исследован только так, как это позволяет выбранный

Требования эмпиричности, предъявляемые науке, приводят к тому, что ее задачей становится исследование всевозможных эмпирических фактов, то есть, событий, являющихся некими частями реального мира, доступного нашим чувственным ощущениям. Все же описания фрагментов этого мира, а также указанные в них причинно-следственные связи и закономерности могут быть в данном отрезке подтверждены и не выходят за его пределы.

То, что нам дано эмпирически, посредством чувств в процессе экстраспективного опыта, позволяющего выполнять его интересубъективную проверку и обсуждение, может в равной степени являться как явлением природы, так и историческим фактом, языком, произведением искусства, человеческим поведением, общественной структурой, экономическим процессом, а также проявлением реального мира, возникшим в результате человеческой деятельности.

Принципы обозначенной таким образом эмпиричности, как черты реальных наук, заключают в себе философскую проблему, решение которой невозможно в рамках самой эмпирической науки. Возникает решительная необходимость найти какой-то выход, философскую аксиому, определяющую условия научного опыта. В конце концов, выходит, что нам приходится иметь дело с эмпирическим знанием, отвергаемым наукой, поскольку не всякие исследования фактов можно причислить к научной деятельности, но лишь только те, которые помимо общих целей объединены общностью метода. При этом не имеет значения, что составляет объект исследований, ведь наука включает в себя огромное количество человеческих поисков. Поэтому слово «наука» часто служит названием не для всех эмпирических знаний, а лишь для таких, которые накоплены при помощи научного метода

исследований, заключающегося, главным образом, в соединении все более и более отточенных техник наблюдения и экспериментов, с измерениями и математическим языком данных.

Однако же, невозможно доказать, что именно то, а не иное эмпирическое знание носит научный характер. Это возможно только в том случае, если мы определим чему оно должно служить, какова сфера его применения, с какой целью оно было получено. В конце концов, это единственная возможность, позволяющая признать обоснованность вопроса: «Почему?», – поскольку единственно возможные функциональные обязанности, заложенные в модели научного познания, связаны именно с исследовательскими процедурами. Если этой целью должно быть постижение истины, делающее возможным разъяснение и практическое применение, то естественно, что в основе естественных наук и техники находится математика, а наука в самых ответственных своих выкладках пользуется математическими средствами, поскольку они повышают результативность метода в достижении поставленной цели.

Однако же, такой научный метод, требующий математической однозначности, неизбежно приводит к тематической редукции, поскольку исследуемый при его помощи фрагмент действительности лишь настолько доступен (постижим), насколько это позволяет сам метод. Действительно, знания, добытые таким путем, носят «точный» характер и сопровождаются весьма убедительной аргументацией, но позволяют познание данного фрагмента действительности лишь с количественной точки зрения. Принимая во внимание сферу применения этого метода, наши знания позволяют описать данный фрагмент действительности лишь в тематически ограниченной и методически абстрактной форме модели. А ведь этот исследу-

емый отрезок реальности: природы, общества, человека – вовсе не является моделью, и уж тем более, математической. Однако же, «точные» научные знания должны абстрагироваться от различий между природой, обществом и их моделями, поскольку эти различия выходят за пределы сферы действия метода. Таким образом, проявляется, в определенной степени драматическая, особенно в мире общественных явлений, ограниченность научных знаний до уровня практического применения модели, то есть, до уровня ее пригодности для разъяснения и прогнозирования.

Такое положение вещей предвещает зачастую неосознанные опасности и трудности, на которые обречена любая попытка адаптировать выбранную научную модель к практическим целям, организующим человеческие поступки в реальном мире, мире, разнообразность которого всегда выходит за пределы наших познаний о нем.

Методология действительно является сильной стороной науки, ее характерной чертой, но чертой односторонней, сводящей познание лишь к одной форме мышления, а именно, к рациональному дискурсивному¹ мышлению, которое не охватывает всего богатства и многообразия мира, особенно, социального. Ограничение «науки» методом приводит к тому, что множество проблемных вопросов, даже доступных эмпирически, но не укладывающихся в жесткие рамки научного метода, не удостоиваются внимания исследователей. Таким образом, наука упрощает мир ровно настолько, насколько не может его познать при помощи своих методов.

¹ Дискурсивный – лат. *discursus* рассуждение – рассудочный: в логике – основанный на рассуждении, состоящем из последовательного ряда логических звеньев, каждое из которых зависит от предыдущего и обуславливает последующие, *Словарь иностранных слов, под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова, ГИИНС: Москва 1955, с. 235.*

Радикальный научный подход, пренебрежение всеми иными методами получения информации о мире, особенно общественном, не только сводит человеческое стремление к познанию и переживанию к весьма узкой сфере, но в то же время признает, что только то, что находится в пределах этой сферы, является действительным, игнорируя все иные знания и переживания.

Однако, если так и есть на самом деле, то не следует полагать, что все знания сводятся к науке, или, что единственно возможное знание – это знание научное. Максимально, на что можно рассчитывать, так это на то, что при помощи научного метода можно открыть только определенные истины, причем эти истины, в принципе, вероятны, но относительны. Более того, эти «истины», в то же время, частичны. Это является неотвратимым следствием того факта, что естественные науки осуществляют свои исследования под влиянием определенных, избранных аспектов и при помощи определенных методов, так что добытые ими научные знания так же не могут дать нам полное представление об исследуемом явлении.

В то же время в повседневной, рутинной научной деятельности, исследователи не рассуждают об особенностях опыта. Не вдаваясь в исследования философских истоков и сути науки, они склонны воспринимать образы мира, обличенные в форму научных знаний, как полные и исчерпывающие представления о действительности, игнорируя те аспекты, которые не принимались в расчет в ходе опыта, либо те, которые вообще не укладываются в концепцию метода, как будто бы они не настолько реальны, как аспекты, которые наука отбирает путем абстракции из хаоса бесконечно богатого и разнообразного множества интересующих нас явлений. Складывается впечатление, что стремление к всеобщему признанию важности научного познания спровоцировано практичес-

кими достижениями науки, которые, по большому счету, нашли техническое применение. Только использование этих познаний в ежедневной практике управления и переустройства мира, в равной мере, как в его природном измерении, так и в общественном, определило границы этого управления, границы технического применения научных знаний.

Очевидно, не подлежит сомнению тот факт, что научные знания находят свое практическое применение и обеспечивают в некоторых отраслях существенный технологический и экономический прогресс, что вселяет в нас полную уверенность в эффективности «научного метода».

В конце концов, его признание привело к подчинению познавательных функций науки ее прикладным функциям. Считается, что для того, чтобы иметь возможность действовать рационально, то есть, результативно в отношении поставленной цели, необходимо обращаться к научным экспертизам или прогнозам. По этой причине, между прочим, термины «наука» и «научный» стали слишком часто употребляемыми и в какой-то мере утратили свое первоначальное значение. Часто эти понятия употребляются для убеждения оппонентов, для того, чтобы придать авторитетности знаниям поверхностным и фрагментарным или относящимся к тем фрагментам действительности, которые не поддаются обоснованному научному разъяснению.

Это явление особенно явно заметно в сфере общественных дисциплин (политологии), где недостаток обоснованной методологической рефлексии, а в конечном итоге, знаний об условиях, в которых протекает процесс познания явлений общественного мира, приводит к возникновению целого ряда недоразумений, в результате которых слишком уж часто им присваивают служебную роль по

отношению к финансовым и политическим институтам. Это создает основания для беспокойства, особенно в ситуации, когда научные знания об обществе все более и более применяют в планировании, политике и иных сферах общественной практики. Объективная оценка и применение этих знаний требуют методологической компетентности как от исследователей, так и от тех, от кого зависит принятие решений, а от широкой общественности – соответствующего уровня образования.

7.4. В чем кроется источник проблем с наукой?

В настоящее время довольно широкое распространение получило убеждение в том, что вместо предполагаемой власти человека над окружающей средой, гарантией которой должны были бы служить научные достижения, человечество попало в зависимость от новых сил, которые само и вызволило. Научные достижения оказались сомнительными, а совершенствующиеся навыки управления и изменения мира только приумножили неопределенности и проблемы.

Фрагментарность знаний об эмпирически доступном для нас мире, их сомнительный и относительный характер приводят к тому, что естественные науки не оправдывают возлагаемых на них надежд. Таким образом, использование научных достижений в качестве основания для практических действий (в смысле – технологических), происходит в ситуации, в которой естественные науки не в состоянии предвидеть всех последствий, развиваемых ими технологий и структур в контексте действительного общественного мира, как единого целого.

контексте действительного общественного мира, как единого целого.

Оказывая содействие в устранении одной проблемы, использование достижений науки порождает, в свою очередь, такие проблемы, которые до той поры были неизвестны. Говоря о загрязнении окружающей среды, следует помнить о том, что именно наука породила экологические проблемы, болезни современной цивилизации или оружие массового уничтожения. Занимаясь проблемами изменения общественной структуры, ограничениями автономии человека, ростом контроля политической власти над обществом, возможным благодаря непрерывно совершенствующимся технологиям репрессий и компьютеризации, не следует забывать о том, что это именно наука является источником знаний, создающих все эти возможности, хотя этот факт и не принимается во внимание при определении представителями науки своих стратегических целей.

Эту проблему питают, по крайней мере, два источника. Первый из них заключен во внутринаучном контексте и связан с ограниченными познавательными возможностями в отношении исследований, подчиняющихся «научному методу», и дающих слабую надежду на потенциальное прогнозирование единичных событий. Для того, чтобы придать таким прогнозам уверенность, наука должна была бы располагать предпосылками двойного рода, а именно: законами и начальными условиями. Знания законов – это информация о целостной структуре мира, вплоть до мельчайших подробностей. В принципе, возможность существования такой вертикали знаний можно допустить, хотя бы даже условно. Гораздо хуже обстоят дела с начальными условиями, с теми уровнями познания, которые простираются по горизонтали, то есть, знаниями обо всех, без исключения, единичных фактах.

Такие знания окончательно непостижимы, а это, в свою очередь, означает, что независимо от того, насколько глубоко проникает наука, все равно в будущем произойдет бесконечное множество событий, спрогнозировать которые практически невозможно, поскольку нам не достает достоверной информации о начальных условиях, которые вступают в игру¹.

Однако же, это еще не все. Проблемы с применением научных знаний имеют и вненаучный контекст, едва ли не еще более значимый, в связи с чем возникает вопрос: на реализацию какой именно цели должна быть направлена «мощь», высвобождаемая наукой? Выходит, что заключенная в строгие рамки наука вовсе не уделяет внимания весьма существенным аспектам поведения человека, поскольку его познавательные функции не ограничиваются исключительно чувственным постижением окружающего мира. Человек стремится к познанию лишь тогда, когда он что-либо переживает, а в процессе переживания участвуют не только наблюдательность и мышление, но и воля (стремление) к познанию. Не рассматривая эти особенности, наука в определенном смысле игнорирует и отменяет функцию побуждения, поскольку методы, используемые в науке и позволяющие познание и переустройство мира, не в состоянии сформулировать ответ на вопрос: «Для чего человек должен познавать и переустраивать мир?» Наука сама по себе такую цель не определяет, поэтому решение этого вопроса требует направить дополнительные усилия на исследования аксиологических проблем, которые все более выразительно проявляются во внешнем контексте науки, в котором наступает прикладное применение ее достижений.

¹ J. Watkins, *Nauka a sceptycyzm*, tłum. E. i A. Chmieleccy, Warszawa 1989, s. 34.

Вторым существенным источником, о котором упоминалось ранее, пробуждающем скептицизм в отношении возможности обоснования при помощи научных знаний (теорий) необходимости предпринимаемых политических поступков (решений), является отсутствие в сфере общественных наук (политологии) достаточного, с точки зрения познания, обоснования этих знаний.

Мир общественных явлений, существующий как результат целенаправленных осознанных и неосознанных человеческих поступков, не является миром легко прослеживаемых закономерностей. В конечном итоге, знания о нем не всегда опираются на базу, состоящую из разъясняющих законов, обосновывающих их практическую эффективность. На самом деле, в теоретических структурах этих знаний можно обнаружить разъяснения, но возможность прогнозирования на их основе весьма сомнительна. Такое положение вещей является, между прочим, неизбежным последствием отсутствия логического вывода разъясняемого факта из законов, а точнее – из исторических обобщений, сформулированных при помощи формального или бихевиорального¹ языка, на которые мы ссылаемся в процессе разъяснений, в результате чего они не удовлетворяют критериям правильности. Это означает, что теоретическая система была сформулирована таким образом, который делает невозможным определение при помощи метода дедукции ее последствия. Следовательно, такая теоретическая система не может расцениваться как разъясняющая, потому что ложна!

Такая ситуация встречается в общественных науках довольно часто и для многих служит одним из коронных аргументов в пользу позиции, ставящей под сомнение воз-

¹ Бихевиоризм – англ. *behavio(u)rism (behaviour – поведение)* – теория, игнорирующая явления сознания и всецело сводящая поведение человека к физиологическим реакциям, с. 110.

возможность построения в этой сфере явлений научных теорий. Усиливает сомнения тот факт, что если такая ошибочная теоретическая система становится основой для прогнозирования, то возникает ситуация, в которой приходится иметь дело с несоответствием фактов ранее сформулированным прогнозам. Это несоответствие пытаются объяснить при помощи сформулированных *ad hoc* гипотез, которые в соединении с законом, являющимся основой для этого прогноза, объясняют возникшее противоречие¹.

Если же, невзирая на очевидные недостатки и сомнительный эпистемологический статус разъясняющих теорий в общественных науках, они таки удовлетворяют многих и для многих являются целью трудно достижимой, но стоящей усилий, то стоит помнить, что разъяснение какого-либо факта, принадлежащего к сфере общественных явлений, еще вовсе не означает, что его можно спрогнозировать. И тому есть еще одна причина. Ее легко понять, если в прогнозах принять во внимание движущую силу общественных явлений. Ею является «материя сознательная и мыслящая», обучающиеся люди, которые под влиянием возрастающих знаний о себе самих, изменяют свое поведение, тем самым опровергая, по крайней мере, часть прогнозов на собственную тему. Уже только по этим причинам стоит согласиться с утверждением, что мы не располагаем знаниями, практическое применение которых давало бы определенную гарантию поведения или обосновывало бы крайнюю необходимость осуществления поступков, направленных на воплощение определенного проекта общественного устройства.

Недостаток методологической определенности и логического соответствия разъяснений, предоставляемых теорией, и лишь эмпирическое обоснование этой послед-

¹ C. G. Hempel, *Podstawy nauk przyrodniczych*, Warszawa 1968, *passim*.

ней, влекут за собой невозможность успешного исполнения ею прогностической и практической функций. Эти обстоятельства тают наибольшую опасность, грозящую общественной (политической) теории, и связана она со способом применения, особенно в тех случаях, когда должна стать основанием для действий в будущем. Вот и выходит, что оценка теории, учитывающая лишь степень ее эмпирического подтверждения, не может служить гарантией ее безошибочности в будущем. Объекты исследования, в равной мере как и исследователи, взаимосвязаны цепочками довольно сложных связей, имеющих двухстороннюю направленность, отдельные звенья которых подвержены непрерывным изменениям. Возможно ли в такой ситуации рационально обосновать выбор какой-либо теории именно по той причине, что она наилучшим образом подтверждена эмпирически?

Практика это удовлетворяет, однако в мире науки такое решение вызывает сомнения, здесь исследователь стремится обосновать при помощи дедукции, для которого на стадии опыта недостаточно просто наблюдений, а требуется проведение эксперимента и измерений, а это именно те формы практики, с которыми общественные науки имеют принципиальные проблемы.

Это различие способов обоснования теоретических законов, являющихся более или менее наглядным основанием для разъяснения общественных явлений, имеет свои последствия для сферы прогнозируемых фактов. Иначе говоря, имеет значение тот способ, при помощи которого утверждения, которыми мы располагаем, связаны с эмпирическими данными, призванными обосновать их материальное соответствие. Как мы уже знаем, здесь возможны две основные стратегии, связанные с двумя отличающимися методологически концепциями эмпирической науки.

Описательная модель эмпирической науки, связанная с позицией индукционизма, предполагает, что из наблюдаемых предпосылок, касающихся индивидуальных зарегистрированных случаев, делается вывод в отношении новых случаев, еще не наблюдавшихся, или же всех случаев определенного класса. Описание единичных событий позволяет формулировать общие положения, из которых затем следуют прогнозы других единичных событий. Таким образом, если объектом описания является связь между двумя событиями, то положения, содержащие описание этой связи, по отношению к единичным событиям, могут стать основанием для формулирования общих положений. Такой метод допускает принцип индукции, позволяющей осуществлять переход от наблюдаемых примеров к утверждению, охватывающему также случаи, еще не наблюдавшиеся. Из этих утверждений, являющихся индуктивными обобщениями, следуют ожидания в отношении возникновения иных событий, принадлежащих к тому же самому классу.

Понимаемое таким образом разъяснение связано с ответом на вопрос – «как» возникают события, каким образом, в каких условиях, какие отношения возникают между отдельными вещами – в то время как прогнозирование является очевидным результатом обобщенного описания. Прогнозирование событий, имеющих отношение к общему утверждению, носит в этом случае частный характер и сохраняет связь с процессом построения описательной теории или, говоря иначе, с описательной частью «научного текста». Она содержит описания единичных событий и обобщения этих описаний. Причем процесс сбора информации о фактах не отождествляется с предварительным формулированием гипотез, верификации которых призваны были бы служить собранные данные. Так, закон (эмпирическое обобщение) возникает тут *post factum*, яв-

ляясь индуктивным обобщением того, что уже было зарегистрировано в результате наблюдений. Является утверждением, не содержащим теоретических терминов, разве что понятия «полностью» эмпирически интерпретированные, а обоснованием этих утверждений служит индукция, при помощи которой они были сформулированы. Но это обоснование – «внутреннее», разъяснить же или прогнозировать можно только то, что констатируют эмпирические утверждения. Такие знания циркулируют по замкнутому кругу, поскольку из материала нашего опыта мы можем извлечь лишь то, что сами в него вложили в виде наших познаний, в силу определенных обстоятельств дифференцированных и поэтому избыточных несоответствиями индуктивных выводов, опирающихся на различные принципы отбора материала. Располагая таким законом, можно разъяснить только те факты, которые удастся к нему приспособить.

В этом смысле разъяснение представляет собой разъяснение при помощи ссылки на определенный эмпирический закон, касающийся взаимодействия или определенных причинно-следственных связей, свойств, событий и т. п. Основой этого разъяснения служит упорядоченное описание данных о зависимостях между фактами, попавшими в поле нашего зрения и выраженными при помощи специфического языка, принятого среди наблюдателей. В таком разъяснении, а, следовательно, и в прогнозировании, невозможно выйти за границы фактов, которые явились основанием для формулирования утверждений, используемых при разъяснении.

Отсюда следует, что в сфере описаний, являющихся неотъемлемой частью наших знаний, прогнозирование фактов относится к сфере применения уже сформулированных утверждений (законов), а вовсе не является неизбежным этапом в процессе их формирования. Про-

гнозирование в данном случае связано с применением, а не с процессом формирования научных знаний. Таким образом, можно прогнозировать различные линии поведения, события на основании описаний подобных типов поведения на протяжении длительных этапов времени, тщательного описания их особенностей, взаимодействия либо последовательности событий. В этом случае разъяснение и прогнозирование относятся лишь к очень ограниченному кругу фактов, весьма подобных между собою по ряду признаков, которые не трудно определить.

Иной характеристики требует сфера разъяснений теоретических научных знаний, связанных с позицией дедуктивизма. Тут должны присутствовать положения, позволяющие дать ответы на вопрос «почему», который следует понимать как вопрос о механизме происхождения определенных явлений или о том, почему между отдельными вещами возникают определенные связи. Зная же этот механизм и выражая его в виде теоретического утверждения, которое в силу необходимости содержит теоретические термины, поскольку в нем идет речь о том, что недоступно чувственному опыту, можно разъяснить индивидуальное событие или эмпирические законы в соответствии с моделью *d-2* (дедуктивно-гипотетической).

Теоретическое утверждение обосновывается при помощи эмпирических опытов, каковыми являются полученные методом дедукции на основании данного утверждения эмпирические последствия. Применение дедукции служит обоснованием утверждений «внешнего» характера по отношению к нашим знаниям. Это настолько наглядно проявляется, особенно в тех случаях, когда мы осознаем, что в теоретических утверждениях содержится больше сведений о данных, нежели в утверждениях эмпирических (полученных в результате наблюдений), то есть, больше, чем могут дать нам чувственные ощущения,

что мы понимаем, что то, о чем в них говорится, возможно в недоступном нашим чувственным ощущениям, но определенно реально существующем мире. Следовательно, отсюда при помощи дедукции можно получить некий прогноз относительно возникновения явлений, доступных нашим наблюдениям. Это делает возможным прогнозирование новых явлений, отличных от тех, которые послужили исходной точкой для эмпирических утверждений, и если они фактически произойдут, то тем самым обеспечат этим утверждениям обоснование «из вне».

Теоретическое утверждение, обоснованное таким способом, служит основанием для разъяснения, которое, с логической точки зрения, тождественно прогнозированию. Существенное различие заключается в том, что разъяснение имеет дело с фактами уже случившимися, а прогнозирование – с теми, которые только произойдут. В принципе, это, конечно, различие прагматическое, поскольку в случае разъяснения нам известно следствие (уже произошедшее событие), и для него подыскивается закон, из которого оно логически (т. е. дедуктивно) проистекает, а в случае прогнозирования известен закон, и предпринимаются попытки определить (вывести на его основании методом дедукции) его последствия. В столь сложной среде разъяснения находятся теоретические научные знания, в условиях, когда разъяснение и прогнозирование тождественны. Однако следует помнить, что первое относится к сфере применения этих знаний, а второе заложено в основе их формирования, обоснования.

Создается впечатление, особенно в общественных науках, что для того, чтобы прогнозирование было возможным, помимо дедуктивного разъяснения следует поискать для него еще иное основание, например, описание, т. е. разъяснение, опирающееся на утверждение, достаточно обоснованное индуктивно.

Если бы не природная склонность человека извлекать пользу из полученных знаний, можно было бы не беспокоиться о способе обоснования научных утверждений, а, в конечном итоге, о связях, которые возникают между окружающей нас действительностью и ее моделью в форме теории познания, создаваемой в процессе изучения и рефлексии, заключенных в жесткие рамки научного метода.

Научные эксперименты, направленные в интересах познания на опровержение рискованных гипотез, проводятся в лабораториях, где полностью соблюдаются условия безопасности. В этом случае ошибочность научной теории и признание ее ложной становятся успехом науки, поскольку выявляется очередной ложный путь, который не ведет к познанию, и никто от этого не страдает!

Если же она (теория) должна служить основанием для построения прикладной общественной теории, которая является проекцией поступков, нацеленных на изменение общества, или планом действий, направленных на сохранение существующего положения вещей, то мы обязаны поставить вопрос о ее познавательном статусе, о ее истинности, а, следовательно, об уровне ее обоснования. Не принимая в расчет последствия, исследователь-политолог никогда не может признать ее окончательно верной или аксиологически беспристрастной. Однако, довольно слабо обоснованная теория, принятая в качестве исходного пункта для действия, направляющая и снабжающая информацией тех, кто на ее основании принимает политические решения, приведет к тому, что их поступки наверняка будут ошибочными. А ведь цена ошибки в прикладной общественной теории – качество человеческой жизни, и ошибка в прогнозировании последствий вторжения в «ткани живого общественного организма» может быть крайне опасной.

У теоретика есть достаточно причин для того, чтобы признать теорию, индуктивное подтверждение которой равняется нулю, если только эта теория в своей области достигает цели, поставленной перед наукой. Практик же не ценит в теории глубины, точности или эlegantности, но ожидает, что это будет теория, заслуживающая доверия, только в этом случае, по его мнению, она будет истинной.

В то же время наилучшим образом эмпирически подтвержденная теория является лишь идеалом, так же как и конкурирующие с ней иные теории могут представлять собой лишь идеальные случаи¹. Следовательно, требование к какой-либо из них безусловно удовлетворять требованию «истины в себе» является эпистемологической утопией.

Общественные науки находятся именно в такой ситуации познания, где существует множество различных возможностей интеллектуальной обработки данного фрагмента мира, которые в первом приближении в равной мере могут быть признаны, учитывая широкое признание правил эмпирического обоснования. В экспериментальных и дедуктивных науках, которые довольно тесно связаны с формально-логическими обоснованиями, они преобладают повсеместно и предоставляют возможность по определенным показателям отличать истину от фальши, что позволяет признать эпистемологический вопрос этих наук разрешенным.

В то же время в общественных науках действие всеобщих правил обоснования сводится к индуктивному подтверждению, основанием для которого, к сожалению, чаще служит наблюдение, чем экспериментальное исследование. Обоснованные таким образом знания не-

¹ Watkins, *Nauka a sceptycyzm*, s. 269

избежно предлагают множество альтернативных решений, а это приводит к тому, что они остаются знаниями, несущими на себе ярко выраженную печать интерпретации.

С такой ситуацией приходится иметь дело, прежде всего, благодаря неизбежному присутствию оценочных предпочтений в актах придания значений словам, используемым в описании. Но и интерпретации тоже обеспечивают возможность наличия различных способов постановки вопросов тому же самому массиву уже известных эмпирических данных, и, что важнее всего, этому способствует отсутствие общепринятых правил оценки важности явлений.

Неизбежным следствием такого положения вещей является невозможность существования двух интерпретаций одного и того же массива информации, которые приводили бы к одним и тем же последствиям. В свою очередь, интерпретации допускают существование множества спорных, в равной мере правомерных способов описания и эмпирического разъяснения одного и того же самого, доступного чувственным ощущениям, фрагмента действительности – в результате у политиков появляется свобода выбора!

Более того! Если принять во внимание множество и разнообразие обстоятельств, обуславливающих общественное мнение, и множество процессов, в результате которых происходит непрерывное обновление общества, если, что хуже всего, среди всех этих явлений присутствует момент случайности, то прогнозирование становится весьма неопределенным и, тем самым, укрепляет позиции всевозможных альтернатив. В результате предположение о будущем становится скорее предположением, нежели непреложной истиной.

В этих обстоятельствах вопрос об эпистемологическом статусе теорий, систематизирующих общественные (политические) явления и в тоже время являющихся важным источником знаний для рациональных практических действий, не является пустой академической спекуляцией, но проблемой, имеющей непосредственное моральное и практическое значение. Отсюда следует острая необходимость при реализации всевозможных планов общественных реформ осуществлять строгий и неустанный контроль и сравнивать то, что достигнуто, с тем, что было запланировано. Такие сведения совершенно необходимы, принимая во внимание неопределенность и относительность всякого научного знания, особенно общественных наук.

Не удивительно, что в наше время общественные науки все чаще находят практическое применение и не только для того, чтобы оказывать влияние на начинания других людей, но и в так называемых эволюционных исследованиях, проводимых для того, чтобы определить последствия запланированной и осуществляемой общественной интервенции в ситуации, когда достижение поставленной цели не может быть гарантировано. Исследователи все чаще анализируют общественные программы, отражающие различные идеологические перспективы, например, вроде уравнивания шансов дискриминированных групп или реформы государственной опеки. Наибольшей проблемой этих исследований является согласование критериев успешности или поражения данной программы – решение этого вопроса носит политический характер и не может быть определено в рамках науки¹.

Между тем, довольно часто случается так, что в сознании политиков доминирует убеждение, что мы обладаем

¹ E. Babbie, *Badania społeczne w praktyce*, Warszawa 2003, s. 36.

или можем обладать абсолютно надежными знаниями, позволяющими действовать результативно, преобразуя общество и природу. При этом забывается, что человек скорее является автором истины, чем ее открывателем, а систематизированная структура научной теории является его созданием, скорее им вымышленным, нежели открытым, даже несмотря на то, что согласуется с располагаемыми данными. От общественных наук скорее ожидают помощи в проектировании и реализации реформ, в придании направления развития человеческому обществу, обращаются к научной общественной практике, не обращая внимания на то, что результативность такой помощи требует квалифицированного научного знания, характерного эталона познания, которое бы помогал бы накапливать знания, согласующиеся, хотя бы в первом приближении, с существующим положением вещей и существующей уже вне науки иерархией ценностей.

В общественных науках, невзирая на известные трудности, зачастую делающие невозможным достижение результатов, удовлетворяющих методологическим требованиям, и невзирая на то, что эмпирические доказательства в пользу различных теорий, иногда довольно слабы, главным недостатком является догматическая уверенность в ценности тех знаний, которыми они обладают. Слишком часто в сознании исследователей укореняется убеждение в том, что можно быть окончательно правым в каком-либо вопросе, поскольку эту правоту гарантируют научные знания. Но случается и наоборот – научным знаниям отказывают в какой-либо познавательной ценности, отменяя концепцию, в соответствии с которой, эмпирические факты и их обобщения имеют непосредственное значение. Научные знания считают еще одним средством проявления субъективных интересов и перспектив, понимают как очередной «текст», который следует поддать

разоблачению, или как еще одну из множества систем верований. Догматизм или опoшление, так называемый объективизм или познавательный релятивизм, а-историзм, отрицание ценностей – вот лишь некоторые источники недоразумений в общественных науках, обуславливающие такое положение вещей¹.

Представители естественных наук создают образ действительности, исходя из предположения, что он не является ни полным, ни окончательным, что он изменяется со временем. Этот образ, при всех его недостатках, все же позволяет понимать механизмы природы и создает определенные возможности для прогнозирования и ограниченного управления природными явлениями. В то же время анализ, описания и прогнозы экономистов, социологов, политологов и принимаемые ими на этих основаниях решения, трактуемые как единственно верные, поскольку подтверждаются научными документами, очень часто оказываются ложными и приводят к общественным кризисам, разочарованиям, моральной и общественной деградации, крушению авторитетов, поскольку именно в них с особенной силой проявляется ненаучная склонность к идеологическому убеждению, что наука всегда права или что она всегда ошибается.

Исследовательская деятельность в сфере общественных наук, сосредоточенная на повышении методологической компетентности, должна стать результативным средством противодействия этим явлениям. Это будет полезно и для политиков, поскольку вместе со знаниями об интересующих их явлениях, общественные науки будут способны передать им все связанные с этими знаниями сомнения, чтобы таким образом стало очевидно, что не существует общественных поступков, наверняка приво-

¹ L. Laudan, *Science and Relativism*, Chicago 1990, passim.

дящих к обозначенной цели, равно как и таких, которые не имели бы недостатков и не влекли бы за собой нежелательных последствий. Обращение к научной аргументации не в состоянии ничего изменить в этой ситуации. Также можно будет убедить политиков в том, что, невзирая на всю сложность и неопределенность, общественные науки могут нам помочь узнать, что и для чего существует. Их даже можно использовать для построения общественного проекта, определяющего, как должно быть, но только в том случае, если люди совместно согласуют определенные критерии, благодаря которым станет возможным разрешить, какие из последствий принятых политических решений лучше других, а такое согласие достигается довольно редко!

ЛИТЕРАТУРА

Opracowania encyklopedyczne:

Encyklopedia politologii, M. Żmigrodzki (red.), t. 1-2 Kraków 1999, t. 3-4, 2000.

Encyklopedia socjologii, W. Kwaśniewicz (red.), t. 2, Warszawa 1999, t. 4, Warszawa 2002.

Filozofia a nauka. Zarys encyklopedyczny, Z. Cackowski, J. Kmita, P.L. Smoczyński (red.), Wrocław-Warszawa 1987.

Leksykon politologii, A. Antoszewski, R. Herbut (red.), Wrocław 1997.

Logika formalna. Zarys encyklopedyczny, W. Marciszewski (red.), Warszawa 1987.

Maia encyklopedia logiki, W. Marciszewski (red.), Wrocław-Warszawa 1988.

Przewodnik po współczesnej filozofii politycznej, R. Goodin, Ph. Pettit (red.), Warszawa 1998.

Słownik myśli politycznej, R. Scruton, Poznań 2002.

Słownik pojęć współczesnych, A. Bullock, O. Stallybrass, S. Trombley (red.), Katowice 1999.

Słownik socjologii i nauk społecznych, G. Marshall (red.), Warszawa 2004.

Słownik społeczny, B. Szlachta (red.), Kraków 2004.

Opracowania książkowe:

Abel P., *Modele w socjologii*, Warszawa 1975.

Acoff R. L., *Decyzje optymalne w badaniach stosowanych*, Warszawa 1969.

Agassi J., *Science In Flwc*. Dordrecht 1973.

Ajdukiewicz K., *Język i poznanie*, Warszawa 1985, t. I i II.

Amsterdamski S., *Nauka a porządek świata. Spory o racjonalność nauki*, Warszawa 1983.

Amsterdamski S., *Między historią a metodą. Spory o racjonalność nauki*, Warszawa 1983.

Anderson W., *Reality Isn't What It Used to Be: Theatrical Politics. Ready-to-Wear Religion, Global Myths, Primitive Chic and Other Wonders of the Postmodern World*, San Francisco 1990.

Andreski S., *Czarnoksiężstwo w naukach społecznych*, Warszawa 2002.

Anzenbacher A., *Wprowadzenie do filozofii*, Kraków 1987.

Babbie E., *Badania społeczne w praktyce*, Warszawa 2003.

Bacon F., *Eseje*, Warszawa 1959.

Bauman Z., *Socjologia*, Poznań 1996

Berger P.L., *Zaproszenie do socjologii*, Warszawa 1995.

Berlyne D.E., *Conflict, Arousal and Curiosity*, New York 1960.

Bocheński J.M., *Współczesne metody myślenia*, Poznań 1992.

- Bronk A., *Rozumienie, dzieje, język. Filozoficzna hermeneutyka H.G. Gadamera*, I ublin 1988.
- Bronowski J., *Potega wyobraźni*, Warszawa 1988.
- Bunge M., *O przyczynowości. Miejsce zasady przyczynowej we współczesnej nauce*, Warszawa 1968.
- Bunge M., *Scientific Research, 1.1: The Search for Truth*, Berlin-Heidelberg-New York 1967.
- Burk P., *Historia i teoria społeczna*, Warszawa-Kraków 2000.
- Chalmers A., *Czym jest to co zwiemy nauką?*, Wrocław 1993.
- Chalasiński J., *Przeszłość i przyszłość inteligencji polskiej*, Warszawa 1958.
- Chmaj M., Zmigrodzki M., *Wprowadzenie do teorii polityki*, Lublin 1996.
- Cohen P.S., *Modern Social Theory*, London 1968.
- Coleman J.S., *Wstęp do socjologii matematycznej*, Warszawa 1968.
- Contending Approaches to International Politics, K. Knorr, J.N. Rosenau (red.), Princeton 1970.
- Contending Theories of International Relations, J. Dougherty, R. Pfaltzgraff (red.), New York-Toronto 1971.
- Crick B., *W obronie polityki*, Warszawa 2004.
- Downs A., *An Economic Theory of Democracy*, New York 1957.
- Durkheim E., *Zasady metody socjologicznej*, Warszawa 2000.
- Duverger M., *Political Parties*, New York 1963.
- Easton D., *A System Analysis of Political Life*, Chicago 1979.
- Blias N., *Zaangażowanie i neutralność*, Warszawa 2003.
- Fernandez-Armesto F., *Historia prawdy*, Poznań 1999.
- Franfort-Nachmias Ch., Nachmias D., *Metody badawcze w naukach społecznych*, Poznań 2001.
- Galbraith J. K., *Istota masowego ubóstwa*, Warszawa 1987.
- Gardiner P., *The Nature of Historical Explanation*, London 1952.
- Gasparski W., Miller D. (red.), *Projektowanie i systemy*, t. 3, Warszawa 1981.
- Diddens A., *Nowe zasady metody socjologicznej*, Kraków 2001.
- Giedymin J. *Problemy. Założenia. Rozstrzygnięcia. Studia nad logicznymi podstawami nauk społecznych*, Poznań 1964.
- Glaser B., Strauss A., *The Discovery of Grounded Theory*, Chicago 1967
- Habermas J., *Teoria i praktyka*, Warszawa 1983.
- Hage S., *Techniques and Problems of Theory Construction in Sociology*, New York 1972.
- Hanson N.R., *Patterns of Discovery*, Cambridge 1958.
- Hempel CG., *Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in Philosophy of Science*, New York 1965.
- Hempel CG., *Podstawy nauk przyrodniczych*, Warszawa 1968.
- Hempoliński M., *Filozofia współczesna. Wprowadzenie do zagadnień i kierunków*, Warszawa 1989.
- International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory, J.N. Rosenau (red.), New York-London 1968.
- Studia z teorii polityki, A.W. Jabłoński, L. Sobkowiak (red.), t. 1, Wrocław 1999 (wyd. 3), t. 2, Wrocław 1998 (wyd. 2).
- Kaluszyńska E., *Modele teorii empirycznych*, Warszawa 1994.

- Karpiński J., *Przyczynowość w badaniach socjologicznych*, Warszawa 1985.
- Kemeny J., *Nauka w oczach filozofa*, Warszawa 1967.
- The Varied Sociology of Paul F. Lazarsfeld*. P.L. Kendall (red), New York 1982.
- Klementewicz T., *Spór o model metodologiczny nauki o polityce*, Warszawa 1991.
- Kmita J., *Z metodologicznych problemów interpretacji humanistycznej*, Warszawa 1971.
- Kolakowski L., *Husserl i jego poszukiwanie pewności*, Warszawa 1990.
- Kotarbiński T., *Elementy teorii poznania, logiki formalnej i metodologii nauk*, Warszawa 1986.
- Krajewski W., *Prawa nauki. Przegląd zagadnień metodologicznych*, Warszawa 1982.
- Kraszewski Z., *Logika - nauka rozumowania*, Warszawa 1984.
- Krauz-Mozer B., *Metodologiczne problemy wyjaśniania w nauce o polityce*, Kraków 1992.
- Kuderowicz Z., *Filozofia dziejów*, Warszawa 1983.
- Kuhn T., *Struktura rewolucji naukowych*, Warszawa 1968.
- Kurcz I., *Kompetencja językowa człowieka*, Warszawa 1987.
- Kwiatkowski T., *Logika ogólna*, Lublin 1998.
- Kymlicka W., *Współczesna filozofia polityczna*, Kraków 1998.
- Laudan L., *Science and Relativism*, Chicago 1990.
- Leach E., Greimas A. J., *Rytuał i narracja*, Warszawa 1989.
- Lipset S. M., *Homo politicus. Społeczne podstawy polityki*, Warszawa 1995.
- Losee J., *Wprowadzenie do filozofii nauki*, Warszawa 2001.
- Lyotard J.F., *Kondycjapowoczesna. Raport o stanie wiedzy*, Warszawa 1997.
- Łoś-Nowak T., *Stosunki międzynarodowe. Teorie - systemy - uczestnicy*, Wrocław 2000.
- Madsen K.B., *Współczesne teorie motywacji. Naukoznawcza analiza porównawcza*, Warszawa 1980.
- Malinowski B., *Szkice z teorii kultury*, Warszawa 1958.
- Mannheim K., *Essays on Sociology and Psychology*, New York 1933.
- Manteryś A., *Wielość rzeczywistości w teoriach socjologicznych*, Warszawa 1997.
- Matraszek K., J., *Ontologia. teoria poznania i ogólna metodologia nauk*, Warszawa 1989.
- Mattessich E., *Instrumental Reasoning and Systems Methodology. An Epistemology of the Applied and Social Sciences*, Dordrecht-Boston 1978.
- Merton R., *Teoria socjologiczna i struktura społeczna*, Warszawa 1982.
- Metodologiczne i teoretyczne problemy nauk politycznych*, K. Opalek (red.), Warszawa 1975.
- Między historią a teorią. Refleksje nad problematyką dziejów i wiedzy historycznej*, M. Drozdowski (red.), Warszawa-Poznań 1988.
- Mili J.S., *O rządzie reprezentatywnym. Poddanie kobiet*, Kraków 1995.
- Minnesota Studies*, H. Felgi, M. Scriven, G. Maxwell (red.), vol. 2, Minneapolis 1958.
- Misztal B., *Teoria socjologiczna a praktyka społeczna*, Kraków 2000.
- Mortimer H., *Logika indukcji*, Warszawa 1982.
- Motycka A., *Ideał racjonalności. Szkice o filozoficznych rozdrożach nauki*, Wrocław-Warszawa 1986.
- Nagel E., *Struktura nauki*, Warszawa 1970.
- Nagel E., Newman J.R., *Godels Proof*, New York 1958.
- Nikitin E., *Wyjaśnianie jako funkcja nauki*, Warszawa 1975.
- Niżnik J., *Przedmiot poznania w naukach społecznych*, Warszawa 1979.
- Nowak L., *Wstęp do idealizacyjnej teorii nauki*, Warszawa 1977.

- Nowak S., *Metodologia badań socjologicznych*, Warszawa 1970.
- Opalek K., *Zagadnienia teorii prawa i teorii polityki*, Warszawa 1986.
- Ossowski S., *O nauce. Dzieła*, t. IV, Warszawa 1967.
- O'Sullivan N., *Political Theory in Transition*, London, New York 2000.
- Outhwaite W., *Understanding Social Life. The Method Called Verstehen*, London 1975.
- Pabis S., *Metodologia i metody nauk empirycznych*, Warszawa 1985.
- Parsons T., *The Social System*, Glence 1951.
- Parsons T., *The System of Modern Societies*, New York 1971.
- Pietruska-Madej E., *Wiedza i człowiek. Szkice o filozofii Karla Poppera*, Warszawa 1997.
- Poppel E., *Granice świadomości. O rzeczywistości i doznawaniu świata*, Warszawa 1989.
- Popper K. R., *Logika odkrycia naukowego*, Warszawa 1977.
- Popper K. R., *Wiedza obiektywna. Ewolucyjna teoria epistemologiczna*, Warszawa 1992.
- Powrót wielkiej teorii w naukach humanistycznych*, Q. Skinner (red.), Lublin 1998.
- Prigogine I., Stengers I., *Z chaosu ku porządkowi. Nowy dialog człowieka z przyrodą*, Warszawa 1995.
- Przełęcki M., *Logika teorii empirycznych*, Warszawa 1988.
- Psychology - A Study of Science*, S. Koch (red.), New York 1963.
- Przybyłowski J., *Logika z ogólną metodologią nauk*, Gdańsk 2001.
- Quine W.V.O., *Granice wiedzy I inne eseje filozoficzne*, Warszawa 1986.
- Quine W.V.O., *Filozofia logiki*, Warszawa 1977.
- Quine W.V.O., Ullian J.S., *The Web of Belief*, New York 1970.
- Readings in the Philosophy of Science*, H. Felgi, M. Brodbeck (red.), New York 1953.
- Reynolds P.D., *A Primer in Theory Construction*, New York 1971.
- Rieken H. W., Boruch R. F. (red.), *Social Experimentation. A Method for Planning and Evaluating Social Intervention*, New York 1974.
- Saint-Simon C.H. de, *Pisma wybrane*, t. I-II, Warszawa 1968.
- Siemianowski A., *Poznawcze i praktyczne funkcje nauk empirycznych*, Warszawa 1976.
- Sociological Theory: Inquiries and Paradigms*, L. Gross (red.), New York 1967.
- Sposoby istnienia - działania wobec siebie i innych, J. Rudniański, K. Murawski (red.), Warszawa 1988.
- Studia z teorii i metodologii prognozowania społecznego. Prognozowanie zachowań**, A. Sieliński, A. Raźniewski (red.), Warszawa 1976.
- Stankiewicz W. J. *Niezbędność teorii politycznej. Klasykne pojęcia w dobie relatywizmu*, Wrocław 2003.
- Studia z teorii polityki**, A.J. Jabłoński, L. Sobkowiak (red.), I. I, Wrocław 1998; t. II, Wrocław 1999.
- Such J., Szczeniński M., *Filozofia nauki*, Poznań 1997.
- Sulek A., *Ogród metodologu socjologicznej*, Warszawa 2002.
- Szacka B., *Wprowadzenie do socjologii*, Warszawa 2003.
- Szaniawski K., *O nauce, rozumowaniu i wartościach*, Warszawa 1994.
- Szostak W., *Zarys teorii polityki*, Kraków-Kielce 1999.
- Sztompka P., *Teoria i wyjaśnianie. Z metodologicznych problemów socjologii*, Warszawa 1973.
- Tatarkiewicz W., *Historia filozofii, I. I: Filozofia starożytna i średniowieczna*, Warszawa 1978.
- Tinder G., *Myślenie polityczne. Odwieczne pytania*, Warszawa 1995.

- Tomasello M., *Kulturowe źródła ludzkiego poznawania*, Warszawa 2002.
- Topolski J., *Teoria wiedzy historycznej*, Poznań 1983.
- Toulmin S.E., *Human Understanding*, Oxford 1972.
- Turner J.H., *Struktura teorii socjologicznej*, Warszawa 1985.
- Turner J.H., *Struktura teorii socjologicznej*. Wydanie nowe, Warszawa 2004.
- Varieties of Political Theory, D. Easton (red.), Englewood Cliffs, New York 1966.
- Wallerstein I., *Koniec świata jaki znamy*, Warszawa 2004.
- Watkins J., *Nauka a sceptycyzm*, Warszawa 1989.
- Whorf B.L., *Język - myśl i rzeczywistość*, Warszawa 1982.
- Wierzbicka A., *Język - umysł - kultura*, Warszawa 1999.
- Winch P., *Etyka a działanie*, Warszawa 1990.
- Wizje człowieka i społeczeństwa w teoriach i badaniach naukowych*, S. Nowak (red.), Warszawa 1984.
- Woleński J., *Epistemologia. Zarys historyczny i problemy metateoretyczne*, t. I, Kraków 2000.
- Wójcicki R., *Metodologia formalna nauk empirycznych*, Wroclaw-Warszawa 1974.
- Wójcicki R., *Wykłady z metodologii nauk*, Warszawa 1982.
- Wright G.H. von, *Explanation and Understanding*, Ithaca, New York 1971.
- Ziman J., *Spółczesność nauki*, Warszawa 1972.
- Życiński J., *Teizm i filozofia analityczna*, Kraków 1985.

Czasopisma:

- Arendt H., *Prawda a polityka*, „Literatura na Świecie” 1985/6.
- Hempel C. G., *Studies in The Logic of Explanation*, „Philosophy of Science” 1984, vol. 15, nr 2.
- Czarnocka M., *Obserwacja bezpośrednia*, „Studia Filozoficzne” 1990/1.
- Krauz-Mozer B., Woleński J., *O wyjaśnianiu genetycznym*, „Studia Nauk Politycznych” 1980/2.
- Strawson F., *Poznanie i prawda*, „Studia Filozoficzne” 1989/7-8.
- Woleński J., *Umiarkowana obrona scjentyzmu*, „Studia Filozoficzne” 1986/9.

Барбара Крауз-Мозер

Теории политики
Методологические принципы

The theories of Politic
Methodological Principles

Научный редактор: доктор психологических наук
Ольга Сергеевна Дейнека

Перевод с польского: Игорь Андреевич Руденок

Выпускающий редактор: Ольга Алексеевна Шипилова

Дизайн и компьютерная верстка: Андрей Юрьевич Каменев

Свидетельство ДК №2009 от 10.11.2004

Издательство «Гуманитарный Центр»
Отдел продаж (Харьков – 057-719-52-40),
e-mail: huce@kharkov.ua

Подписано в печать 22.04.08

Формат 60×84/16. Бумага оф.

Усл. печ.л. 14,88. Тираж 1500 экз. Заказ № 69

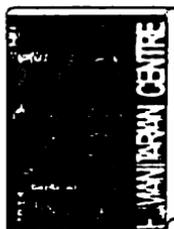
Отпечатано
в типографии «ПолиАРТ»,
Харьков, ул.Тобольская 42, оф.108
(057) 759-11-35

П. Винтерхофф-Штурк **Медиапсихология**

Книга «Медиапсихология» рассматривает такую новую область исследования, как психология средств массовой информации. Автор в доступной форме представил когнитивные и эмоциональные аспекты использования СМИ, проанализировал влияние СМИ на формирование общественного мнения и поведение людей, а также наметил перспективы исследования и развития прикладной медиапсихологии. Книга представляет интерес для психологов, журналистов, педагогов и всех тех, кто интересуется вопросами влияния и развития СМИ.

А. П. Мюллер, А. Кизер **Организационная коммуникация**

Организационная коммуникация – это важный элемент работы организации, поскольку она информирует и направляет действия людей в организации. Часто она состоит не только из формальных правил, должностных инструкций, но и из слухов, корпоративных мифов. Следовательно, организационная коммуникация – это способ формирования не только деятельности, но и корпоративной культуры, ценностей и стратегий. Эта книга будет интересна специалистам по прикладной лингвистике, теории коммуникации, организационной психологии, а также практикам, которые хотят разобраться в этой проблеме.

М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс **Дискурс-анализ**

Книга «Дискурс-анализ. Теория и метод» предлагает подробное и общедоступное описание дискурс-анализа как теоретической и методической основы социальных исследований. Объединяя три центральных подхода: теорию дискурса Лакло и Муффа, критический дискурс-анализ и дискурсивную психологию – авторы выясняют взаимосвязь между ключевыми формами дискурс-анализа, объясняют философские основания, теорию и методологию каждого подхода, рассматривают дискурс-анализ в контексте различных социальных исследований.

Книга представляет чрезвычайно полезное практическое руководство для исследователей в области коммуникации, культуры, лингвистики, социальной психологии и социологии, а также студентов и аспирантов, специализирующихся в лингвистике и журналистике

Барбара Крауз-Мозер – социолог, историк, политолог, профессор Института политических наук и международных отношений Ягеллонского университета вав кафедрой методологии и теории политики. Президент Краковского отделения Польского общества политических наук.

Область научных интересов: философия и методология общественных наук, теории политической культуры

Автор многочисленных работ.

В этой книге с методологической точки зрения представлены центральные проблемы политических теорий. В ней Вы найдете ответы на такие вопросы:

- ⇒ Можно ли научно объяснить то, что мы называем политикой?
- ⇒ В чем польза и познавательная ценность политических теорий?
- ⇒ Можно ли их считать надежным основанием для практических политических действий?
- ⇒ Каково аксиологическое значение политических теорий?

Понимание политики, основных понятий, возможность практического применения политических идей и теорий, а, следовательно, разрешения конкретных проблем и преобразование общественной действительности возможно лишь в том случае, если оно базируется на научном знании.

ISBN 978-966-8324-48-2

9 789668 324482